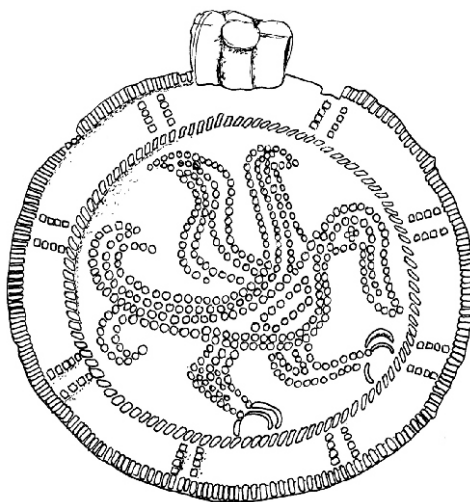

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

“Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет“

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

выпуск XIII

**ПГГПУ
Пермь 2017**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»**

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XIII

Сборник научных трудов

Пермь
ПГПУ
2017

УДК 902; 390
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

**Труды Камской археолого-этнографической
Т 782 экспедиции. Вып. XIII** / под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – 186 с.: ил. и табл.

ISBN 978-5-85218-931-8

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории, этнографии, фольклористики, ономастики Пермского края и сопредельных территорий. Настоящий сборник знакомит читателя с результатами многолетних исследований КАЭЭ ПГГПУ, проводимых в соответствии с положениями государственной программы Пермского края «Культура Пермского края».

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

УДК 902; 390
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. *А.М. Белавин*; д-р ист. наук проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук доц. *Е.Л. Лычагина*; канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Саранулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85218-931-8

© Коллектив авторов, 2017
© НПЕ «Аффула», оформление и макет, 2017
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2017

УДК 902/904

Е.Н. Митрошин**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ ****ПФИЦ УрО РАН, Пермь, Российская Федерация*

В статье дается характеристика этапов изучения мезолита на территории Прикамья. Изменения взглядов на понимание генезиса Камской культуры и преемственности мезолита и неолита Прикамья. Современная периодизация и современные направления исследований.

Ключевые слова: мезолит, Прикамье, история изучения.

E.N. Mitroshin**HISTORY OF THE STUDY OF THE MESOLITHIC OF THE PERM KAMA REGION**

*Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences (PFRC UB RAS),
Perm, Russian Federation*

The article describes the stages of studying the Mesolithic on the territory of the Kama region. Changes in views on the understanding of the genesis of Kama culture and the continuity of the Mesolithic and Neolithic of the Kama region. Modern periodization and modern lines of research.

Keywords: mesolithic, Perm region, history of study.

Изучения эпохи мезолита на территории Пермского Прикамья можно поделить на ряд этапов.

Первый этап связан со строительством Камской ГЭС (кон. 40-х — 50-е гг. XX в.) и необходимостью исследования территорий, которые могли быть затоплены. Обнаружение первого мезолитического памятника связано с раскопками О.Н. Бадера в 1947 г. у д. Нижнее Адищево. Данный памятник является многослойным, и мезолитический комплекс был выделен на основе типологического метода. Результаты своих работ О.Н. Бадер представил в своей статье лишь в 1951 г. [1, с. 14].

Однако уже в 1949 г. В.П. Денисову и В.А. Оборину удалось найти еще один памятник мезолитического времени — Огурдинское поселение (близ г. Березники), который на долгие годы приковал внимание О.Н. Бадера своим кремневым микролитическим инвентарем. Полноценные исследования памятника были проведены в 1951–1952 гг. Под его руководством раскопано 815 кв. м. В ходе этих исследований был собран разнообразный кремневый инвентарь, который в будущем и послужил основой для выделения Камской археологической культуры [2, с. 203].

С накоплением источниковедческой базы по мезолиту в 50-е гг. О.Н. Бадер дает первые характеристики Прикамского мезолита в работе «На заре Прикамья». В данной монографии впервые ставится вопрос о генезисе камского мезо-

лита и о влиянии южных традиций на основании присутствия в местном инвентаре выемчатых трапеций. [4, с. 34].

Второй этап изучения мезолита можно связать с планами строительства Верхнекамской ГЭС (60-е гг. XX в.). Открытие новых мезолитических памятников и более детальное изучение старых.

О.Н. Бадер в своей работе «Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита» дает периодизацию мезолита Прикамья и выделяет два основных этапа. Более ранним считался огурдинский этап, так как на памятниках этого типа, помимо изделий на узких пластинах, встречаются выемчатые трапеции, боковые ретушные резцы, усеченные пластины, которые автор относил к архаичным формам орудий. Для более позднего этапа, названного нижнеадищевским, была характерна максимальная микролитизация инвентаря и незначительная вариативность орудий, состоявшая из пластин-вкладышей, угловых резцов и концевых скребков. В этой же работе он отмечает, что в будущем возможна более точная периодизация.

В данной работе он еще раз подчеркивает связь племен из Причерноморья с Прикамским населением на основании отсутствия у последних, черешковых наконечников, характерных для волжско-окского мезолита. И наоборот, присутствие геометрических вкладышей и отсутствие заметных связей с материалами со стоянки им. Талицкого [2, с. 205].

На этом же этапе благодаря деятельности В.П. Денисова и В.А. Оборина найдены новые мезолитические памятники, такие как стоянка Шумково (в бассейне р Сылвы), где были найдены впервые после Огурдино выемчатые трапеции [8], Косинские стоянки (Коми-Пермяцкий округ) [6], Казанцевские стоянки (Чердынский район) [21] и д.р. Новооткрытые памятники, детально исследовались уже на следующих этапах.

Третий этап, характеризуется более детальным изучением уже имеющихся памятников и поиском новых (70-е — 80-е гг. XX в.).

Этот этап связан с деятельностью Г.Т. Ленц, которая провела археологические работы на стоянках Шумково и Антыбарском могильнике. На стоянках Шумково были найдены трапеции огурдинского типа. Характер каменного инвентаря Антыбарского могильника (мезолитической стоянки) носил более архаичный вид, нежели материалы с Огурдино, Шумково и Нижнее Адищево [9].

Однако наиболее интересным на этом этапе является целенаправленное изучение финальнопалеолитических и раннемезолитических памятников, открытых в бассейне р. Чусовой — Горная Талица, Верхние Гари, Пеньки, Усть-Сылва, Антыбары [18, с. 7], что в дальнейшем приведет к пониманию генезиса Камского мезолита.

В своей последней работе, посвященной каменному веку Урала, О.Н. Бадер высказал гипотезу о местном возникновении камской мезолитической культуры на основе верхнепалеолитических памятников Прикамья [3, с.47].

В 1984 г. возобновляются систематические исследования Огурдинского поселения А.Ф. Мельничуком. По результатам которых, автором издана статья, где не оспаривается двучленная периодизация Камского мезолита. Автор там же отмечает о возможных связях населения с памятников Огурдинского типа с местным позднепалеолитическим населением [15, с. 248–249].

Не менее интересным является работа В.П. Денисова, который проанализировал каменный инвентарь с Косинской I стоянки и сделал вывод о возможном позднемезолитическом характере материала [9, с. 25].

Четвертый этап можно охарактеризовать, как уточнение особенностей камского мезолита и выстраивание новой периодизации. (90-е гг. XX в. – нач. 2000-х гг.).

В начале этого этапа делается упор на поиск и изучение позднемезолитических памятников, таких как Усть-Половинка, Шабуничи, Усть-Мечкар, Голый Мыс, Чашкинское Озеро V и др.

Одним из наиболее интересных является памятник Усть-Половинная (близ г. Перми) раскопанный А.Ф. Мельничуком в 1990 г. В материале, хорошо прослеживаются изменения в технике расщепления кремня, изменения в размерах заготовок и соотношении пластин и отщепов [17, с. 156–157]. Увеличивается и сама вариативность орудий, и количество вторичной обработки, которая характера больше для памятников неолита Прикамья [11 с. 150].

Благодаря обобщающим работам Е.Л. Лычагиной по хронологии мезолита [10], А.Ф. Мельничука и др. авторов, по промысловым занятиям и позднемезолитическим памятникам складывается новая трехчленная периодизация Камского мезолита [16; 17]. Однако, как подчеркивают сами авторы, все этапы были выделены типологически и нуждаются в подтверждении методами абсолютного датирования [11, с. 151].

Пятый этап связан с деятельностью Е.Л. Лычагиной, Е.Н. Митрошина, Д.А. Демакова и др. и активным использованием естественно научных методов (современность).

Последние исследования посвящены изучению мезолитических памятников Чашкинского микрорегиона.

Благодаря комплексным палеоэкологическим исследованиям установлены основные этапы изменений природной среды второй половины голоцена Среднего Прикамья на примере Чашкинского озера [13].

Так же даны попытки проследить логику расположения мезолитических памятников в зависимости от сформировавшихся первых террас и наиболее древних пойм крупных водных артерий [5; 14].

Проводятся комплексные исследования каменного инвентаря, где прослеживается вариативность типов самих памятников и узконаправленность деятельности населения с этих памятников [19; 20].

В настоящее время для мезолита Прикамья разработана следующая периодизация:

I этап — Усть-Сылвенский, или раннемезолитический. Отличительными чертами этого этапа является наличие различных форм нуклеусов: от аморфных многоплощадочных до карандашевидных, появление выемчатых трапеций, преобладание в орудийном наборе усеченных пластин, резцов с ретушированной площадкой скола. Памятники данной группы также отличаются относительно большими средними размерами пластин и наличием значительного числа орудий из кремнистого сланца (сырье, характерное для палеолитических памятников Прикамья). Эталонным памятником этого этапа можно считать поселение Усть-Сылва. Инвентарь с памятников первого этапа близок к инвентарю финальнопалеолитической стоянки Горная Талица, но отличаются меньшей архаичностью. Наличие идентичных форм орудий на финальнопалеолитических и раннемезолитических памятниках Прикамья, по всей видимости, свидетельствует о местном происхождении камской мезолитической культуры.

II этап — Огурдинский, или развитый мезолит. Для развитого мезолита характерна более высокая степень микролитизации инвентаря, наличие резцов на углу сломанной пластины, вкладышей, небольших концевых и округлых скребков. Основными формами нуклеусов становятся конические и карандашевидные, а основным материалом для изготовления орудий — серый кремнь (более 50 % орудий). Выемчатые трапеции, появившиеся на предыдущем этапе, сохраняют свое значение, а усеченные пластины и ретушные резцы встречаются эпизодически.

III этап — Усть-Половинкинский, или позднемезолитический. Для памятников этого этапа характерна деградация пластинчатой техники, что привело к увеличению средних размеров пластин и их не очень хорошему качеству. Из-за этого увеличилось количество пластин со следами вторичной обработки (20–30 % от всех пластин). В позднем мезолите появляются и такие изделия, характерные для неолитического времени, как орудия с двусторонней обработкой и шлифованные орудия типа тесел. В качестве сырья для изготовления орудий начинает использоваться плитчатый кремнь [12].

Как подчеркивали предыдущие исследователи, периодизация этапов мезолита Прикамья была предложена на основе типологического анализа материалов и нуждается в подтверждение методами абсолютного датирования. И на сегодняшний день имеется только 2 радиоуглеродные даты.

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 17-11-59004а/У. - Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования и гранта РФФИ, проект № 17-46-590037 р_а - Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене*

Библиографический список

1. Бадер, О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I // Материалы и исследования по археологии. — 1951. — № 22. — С. 14–32.

2. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. — 1966. — № 126. — С. 194–205.
3. Бадер, О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1981. — Вып. 15. — С. 44–48.
4. Бадер О.Н, Оборин В.А. На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958. — 244 с.
5. Демаков Д.А. Особенности расположения памятников эпохи мезолита в Пермском крае // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых. — М.: ИА РАН, 2017. — С. 18–20.
6. Денисов В.П. Отчет о разведках и раскопках КАЭ ПГУ в Косинском районе Коми-Пермяцкий округ в 1962 г. // Архив КА ПГУ.
7. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I стоянка памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. — Ижевск, 1987. — С. 19–25.
8. Ленц Г.Т. Отчет о раскопках Шумковского поселения в Кишертском районе в 1985 г. // Архив КА ПГГПУ
9. Ленц Г.Т. Отчет об охранных исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1986 г. // Архив КА ПГГПУ
10. Лычагина Е.Л. К вопросу о генезисе мезолита в Прикамье // Историческая наука сегодня: проблемы и перспективы: материалы межвуз. конф. — Пермь, 1996.
11. Лычагина Е.Л. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // Тверской Археологический Сборник. Вып.7. — Тверь, 2009. — С. 145–153.
12. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. — Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2013. — 120 с.
13. Лычагина Е.Л. и др. Палеоэкологические исследования в районе Чашкинского озера (среднее Предуралье) / Е.Л. Лычагина, Н.Е. Зарецкая, А.В. Чернов и др. // Седьмые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2016. — С. 294–302.
14. Лычагина Е.Л. и др. Культуры и ландшафты Верхнего Прикамья в раннем голоцене / Е. Л. Лычагина, Н. Е. Зарецкая, А. В. Чернов и др. // Самарский научный вестник. — 2017. — Т. 6. — № 3. — С. 193–197.
15. Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // Советская Археология. — 1989. — № 4. — С. 244–249.
16. Мельничук А.Ф. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области / А.Ф. Мельничук // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. — Екатеринбург, 2001. — С. 19–36.
17. Мельничук А.Ф. и др. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье / А.Ф. Мельничук, Г.А. Бординских, В.П. Мокрушин и др. // Археология и этнография Среднего Приуралья. — Березники, 2001. — С. 142–161.
18. Мельничук А.Ф. Финальный палеолит Пермского Приуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2007. — 24 с.

19. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Цыгвинцева Т.А., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. — 2017. — № 3 (21). — С. 26–45.

20. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2017. — № 1 (36). — С. 16–25.

21. Оборин В.А. Отчет о разведках и раскопках КАЭ ПГУ в Чердынском районе Пермской области в 1962 г. // Архив КА ПГУ.

УДК 902.652

Н.С. Батуева¹, Е.Л. Лычагина¹, О.В. Жукова²
НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ
ЧИРВА II *

¹*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

²*Пермский краеведческий музей, Пермь, Российская Федерация*

В статье приводятся итоги типологического и технико-технологического анализа неолитического керамического комплекса поселения Чирва II. Были проанализированы фрагменты 19 сосудов: 16 сосудов камской культуры и 3 сосуда волго-камской культуры. Структурный анализ орнамента керамики камской культуры был проведен на основе схемы, предложенной Ю.Б. Цетлиным. Технико-технологический анализ проводился в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. При анализе был сделан упор на исходное пластичное сырье и состав формовочных масс.

Ключевые слова: Пермский край, керамика, неолит, камская культура, волго-камская культура, типологический анализ, технико-технологический анализ.

N.S. Batueva, E.L. Lychagina, Zhukova O.V.
NEOLITHIC CERAMIC COMPLEX OF THE SETTLEMENT CHIRVA
II

1 Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU)

2 Perm Local History Museum, Perm, Russian Federation

The article presents the results of typological and technical-technological analysis of the Neolithic ceramic complex of the Chirva II settlement. Fragments of 19 vessels were analyzed: 16 vessels of Kama culture and 3 vessels of Volgo-Kama culture. Structural analysis of the ornamentation of pottery of Kama culture was carried out on the basis of the scheme proposed by Yu.B. Tcetlin. The technical and technological analysis was carried out within the framework of the historical and cultural approach developed by A.A. Bobrinsky. In the analysis, emphasis was placed on the initial plastic raw material and the composition of the molding masses.

Keywords: Perm region, pottery, Neolithic, Kama culture, typological analysis, technical and technological analysis

Чирва II поселение находится в Чердынском районе Пермского края на правом берегу р. Чирвы, левого притока р. Березовка, в 1 км от устья реки, в 700 м юго-восточнее хутора Васюково.

Поселение было обнаружено в 1965 г сотрудником КАЭ Н. Воронковой и обследовано в том же году В.П. Денисовым. В 1966 г. на поселении была заложена траншея под руководством сотрудника КАЭ Г.Н. Чагина, которая затем была продолжена под руководством В.А. Оборина, и к ней был прирезан раскоп № 1. В 1966 г. на памятнике было вскрыто 128 м², обнаружено более 3000 предметов [1]. В настоящее время коллекция хранится в отделе археологии ПОКМ.

Неолитический керамический комплекс поселения Чирва II содержит не менее чем 19 сосудов. Основной комплекс посуды был отнесен к развитому этапу камской неолитической культуры. Помимо него были обнаружены фрагменты 3 сосудов, которые можно отнести к развитому этапу волго-камской культуры.

Типологический анализ

Камская культура

Типологический анализ показал, что цвет сосудов колеблется от песочного до коричневого, часто с рыжим (красным) оттенком. При анализе толщины стенок было выявлено, что у 9 сосудов (56 %) она превышает 0,7 см. Остальные 7 сосудов (44 %) имеют толщину стенок 0,5–0,7 см. Поверхность стенок посуды в основном тщательно заглаживалась, лишь в трех случаях были зафиксированы следы лощения внешней стенки. Наличие столь крупной группы тонкостенных сосудов не характерно для камской неолитической культуры.

Фрагменты венчиков, сохранились у 15 сосудов. Их форма весьма разнообразна — округлые, уплощенные, скошенные внутрь, как с наплывами, так и без них (рис. 1). Наплыв на внутренней стороне имеют 7 (46 %) сосудов. Самым распространенным видом венчика был округлый с наплывом на внутренней стороне — 5 (33 %) сосудов.

Форму верхней части удалось реконструировать у 15 сосудов. Преобладала закрытая форма горловины — 10 (67 %) сосудов. Еще 5 (33 %) сосудов имели прямую горловину. Единственный обнаруженный фрагмент дна имел округло-коническую форму (рис. 1, 8). Несмотря на фрагментарность коллекции, мы полагаем, что для памятника были характерны сосуды полуяйцевидной формы с закрытым (чаще) или прямым горлом.

Орнаментация представлена двумя техниками прокатыванием (67 %) и шаганием — «шагающая гребенка» (33 %). Чаще всего сосуды украшались рядами прокатанного гребенчатого штампа. Все орнаменты искусственного происхождения.

Структурный анализ орнамента был проведен на основе схемы, предложенной Ю.Б. Цетлиным [10, с. 207–213].

Элементы орнамента. Гребенчатые элементы представлены 22 отпечатками прямоугольной (86 %) и овальной (14 %) форм. Наиболее широко были распространены оттиски средней длины — 2,1–3,0 см (45 %), реже встречается большая длина штампа — 3,1–4,0 см (18 %) и малая длина оттисков — 1,1–2,0 см (13 %). По ширине все штампы были тонкими 0,1–0,2 см (100 %). Наиболее часто использовались орнаменты со средним числом зубцов — 8–15 (68 %), реже встречается очень малое число зубцов — 2–3 (18 %) (табл. 1).

Узоры орнамента. Следующим структурным уровнем орнамента являются узоры, которые представлены такими видами, как:

— заполненные «ромбы», выполненные оттисками штампа (рис. 1, 4, 12);

— заполненные «треугольники», выполненные оттисками штампа (рис. 1, 15);

— наклонный ряд из 5 оттисков штампа (рис. 1, 13);

— наклонный ряд шагающей гребенки, длиной 3,5 см (рис. 1, 13).

Мотивы орнамента. Следующим структурным уровнем являются мотивы, которые представлены в горизонтальной зональности. Наиболее часто встречаются ряды наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа (52 %) и «шагающая гребенка» (37 %). Помимо этого, были зафиксированы: ряды горизонтальных оттисков штампа, ряды вертикальных оттисков штампа, ряды наклонных влево оттисков штампа. Кроме того, на сосудах данного комплекса встречаются сложные мотивы: ряды заполненных «ромбов», ряды заполненных «треугольников», ромбическая сетка.

Образы орнамента. Самым распространенным образом было сочетание нескольких рядов «шагающей гребенки» (рис. 1, 16, 19), а также сочетание «шагающей гребенки» и рядов наклонных и горизонтальных оттисков штампа (рис. 1, 7, 10, 18). Также часто встречается образ, состоящий из чередования рядов наклонных вправо–влево оттисков штампа (рис. 1, 5) причем на двух сосудах, имеющих данный образ, присутствуют заполненные ромбы. На одном сосуде присутствует образ, содержащий сложный мотив ромбической сетки и шагающей гребенки (рис. 1, 18).

Таким образом, орнамент на сосуды камской культуры поселения Чирва II наносился с помощью приемов прокатывания и шагания. Подавляющее большинство гребенчатых оттисков имели прямоугольную форму средней длины со средним количеством компонентов. Наиболее распространенным мотивом являются ряды наклонных вправо оттисков. В единичных случаях отмечены сложные мотивы — «ромбическая сетка» и «заполненные» треугольники.

Волго-камская культура

К этому комплексу были отнесены фрагменты 3 сосудов (рис. 2). Цвет сосудов песочный или коричневый, все сосуды толстостенные — от 0,7 см и более.

Орнаментация представлена следующими техниками: накалыванием, отступанием и прочерчиванием. Все способы были встречены по одному разу. Стоит отметить, что накалывания были выполнены, вероятно, естественным орнаментиром (полый костью) (рис. 2, 2), а при нанесении узора с помощью отступающей палочки было использовано все орнаментальное поле (плотная орнаментация) (рис. 2, 3).

Поверхность сосудов волго-камской культуры так же тщательно заглаживалась, но и в этой коллекции был встречен сосуд с легким лощением внешней поверхности.

Из-за незначительности коллекции и большого разнообразия в способах орнаментации структурный анализ орнамента не проводился.

Технико-технологический анализ

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [3, 4]. При анализе был сделан упор на исходное пластичное сырье (ИПС) и состав формовочных масс (ФМ).

Технико-технологический анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАТАиЭА ПГГПУ. Было исследовано 6 сосудов камской культуры и 3 сосуда волго-камской культуры.

Камская культура

Изучение ИПС керамики камской культуры показало, что гончарами использовались два вида сырья глины и илистые глины в равном количестве. При этом илистое сырье всегда бралось в незапесоченном виде. Глины были зафиксированы и незапесоченными (67 %), и запесоченными (33 %). Все сырье замешивалось в увлажненном состоянии (табл. 2).

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) были привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки.

При анализе ФМ были выявлены два типа рецептов: 1. С несмешанным двухкомпонентным составом — «ИПС + органический раствор»; 2. Смешанным многокомпонентным составом — «ИПС + шамот + органический раствор» (табл. 3) [11, с. 68–75].

Больше половины керамики (83 %), имели смешанный многокомпонентный состав — «ИПС + шамот + органический раствор». При этом шамот чаще употреблялся в мелком виде и малой концентрации. Второй вид ФМ — «ИПС + органический раствор» — был отмечен в 1 сосуде (17 %) (табл. 3).

Волго-камская культура

При изготовлении посуды волго-камской культуры гончары вымешивали, также оба вида сырья — глины (67 %) и илистые глины (33 %). Стоит отметить, что оба вида ИПС использовались в незапесоченном и увлажненном виде (табл. 2).

Анализ ФМ керамики волго-камской культуры показал, что замешивались только рецепты с несмешанным двухкомпонентным составом — «ИПС + органический раствор» и «ИПС + песок» (табл. 3). При этом второй тип ФМ был зафиксирован лишь в одном случае.

Подводя итоги характеристики неолитического керамического комплекса поселения Чирва II можно отметить следующее. Характерными чертами основного комплекса, относящегося к камской культуре, являются песочный и коричневый цвет сосудов, наличие наплыва на внутренней стороне у половины венчиков, полуяйцевидная форма с закрытым или прямым горлом. Для орнаментации сосудов чаще всего использовались искусственные орнаменты средней длины с прямоугольными отпечатками. Основными мотивами орнамента были ряды наклонных оттисков и «шагающая гребенка». В единичных случаях встречались

сложные мотивы — «заполненные ромбы», «заполненные треугольники», «ромбическая сетка».

Технико-технологический анализ керамики показал, что для памятника характерно использование в качестве ИПС незапесоченных глин и илистых глин во влажном состоянии. Основными примесями в формовочной массе выступали шамот и органический раствор.

На основании вышеизложенных характеристик, мы полагаем, что данный керамический комплекс может быть отнесен к развитому (хуторскому) этапу камской неолитической культуры [7, с. 54–55; 9, с. 113–115]. К особенностям описанного комплекса можно отнести наличие большой группы тонкостенных сосудов, толщина которых не превышает 0,7 см. Еще одной не характерной чертой является использование в ФМ мелких фракций шамота в незначительном количестве, в то время как для культуры в целом характерно преобладание крупных фракций шамота в ФМ [5, с. 73–83; 6, с. 33–50].

Комплекс посуды волго-камской культуры малочисленен и очень разнообразен. К общим чертам можно отнести цвет (песочный, коричневый), толщину (более 0,7 см), а также использование в качестве ИПС незапесоченного сырья во влажном состоянии. Подобные черты являются характерными для развитого этапа волго-камской культуры [6, с. 33–50; 9, с. 113–115]. Стоит отметить, что незначительная примесь керамики развитого этапа волго-камской культуры фиксируется на многих памятниках, где основной комплекс относится к развитому (хуторскому) этапу камской культуры [2, с. 86–88]. Результаты радиоуглеродного анализа подтверждают одновременность существования данных комплексов на территории Верхнего и Среднего Прикамья [8, с. 140–158].

Таким образом, несмотря на ряд особенностей, неолитический керамический комплекс поселения Чирва II можно считать типичным для неолита Верхнего и Среднего Прикамья.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 17-11-59004: «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования».*

Библиографический список

1. Оборин, В.А. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1966 г. — Пермь, 1967 // Архив ИА РАН. Р-1 3357.
2. Батуева Н.С. Технико-технологический анализ керамики камской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь, 2017. — С. 15–21.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. — М., 1978. — 272 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. — Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. — С. 5–109.

5. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2013. — № 4. — С. 73–83.
6. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. — Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012б. — Вып. VIII. — С. 33–50.
7. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — 120 с.
8. Лычагина, Е.Л. Радиоуглеродная хронология неолита Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. — Смоленск: Свиток, 2016. — С. 140–158.
9. Лычагина Е.Л., Батуева Н.С. Использование историко-культурного подхода для анализа неолитической керамики Прикамья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Матер. междунар. конфер. — СПб: ИИМК РАН, 2016. — С. 113–115.
10. Цетлин Ю.Б. Орнаментальные традиции в гончарстве носителей культуры с ямочно-ребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. — СПб: ИИМК РАН, 2004. — С. 207–213.
11. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. — М: ИА РАН, 2012. — С. 68–75.

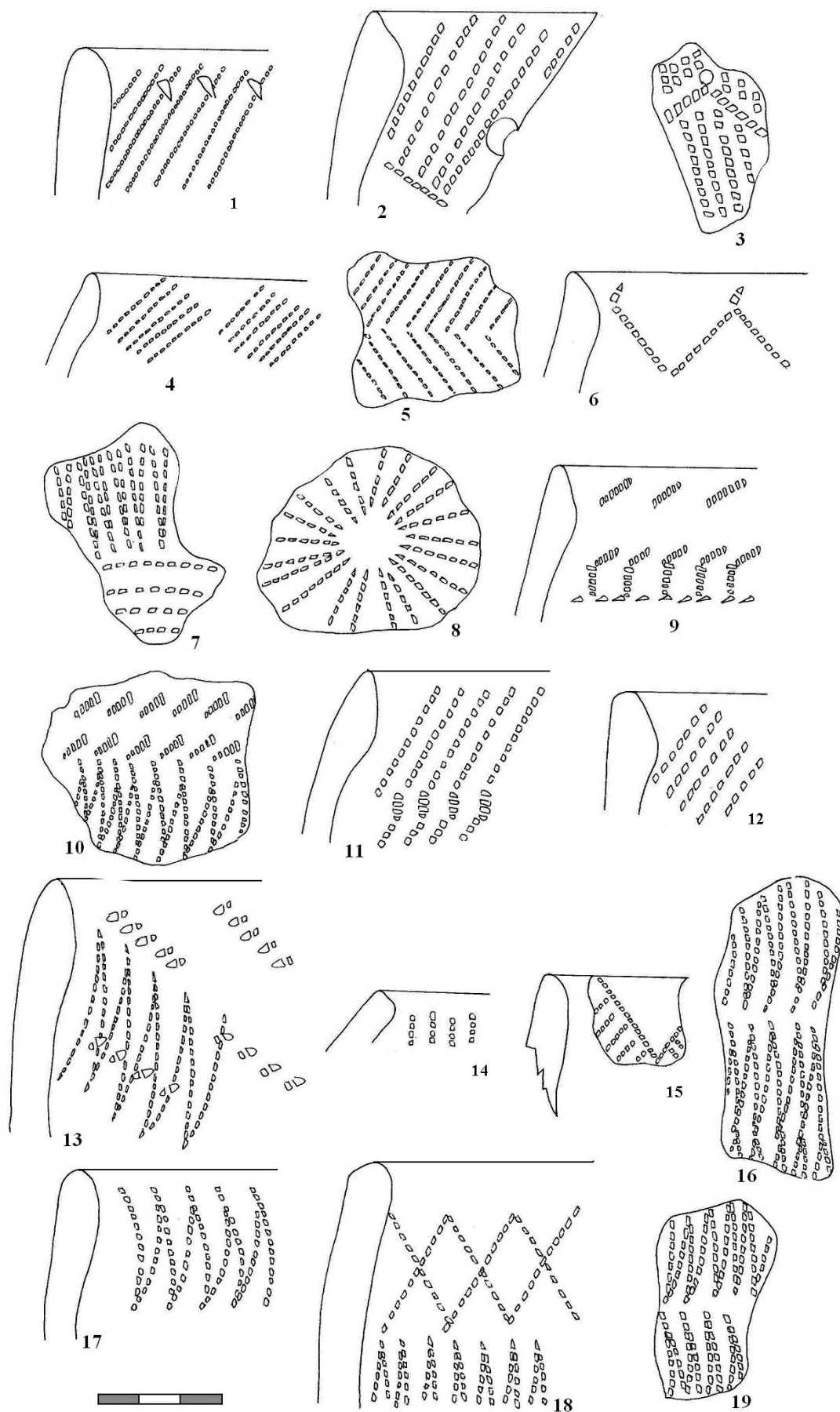

Рис. 1. Керамика камской культуры. Поселение Чирва II.

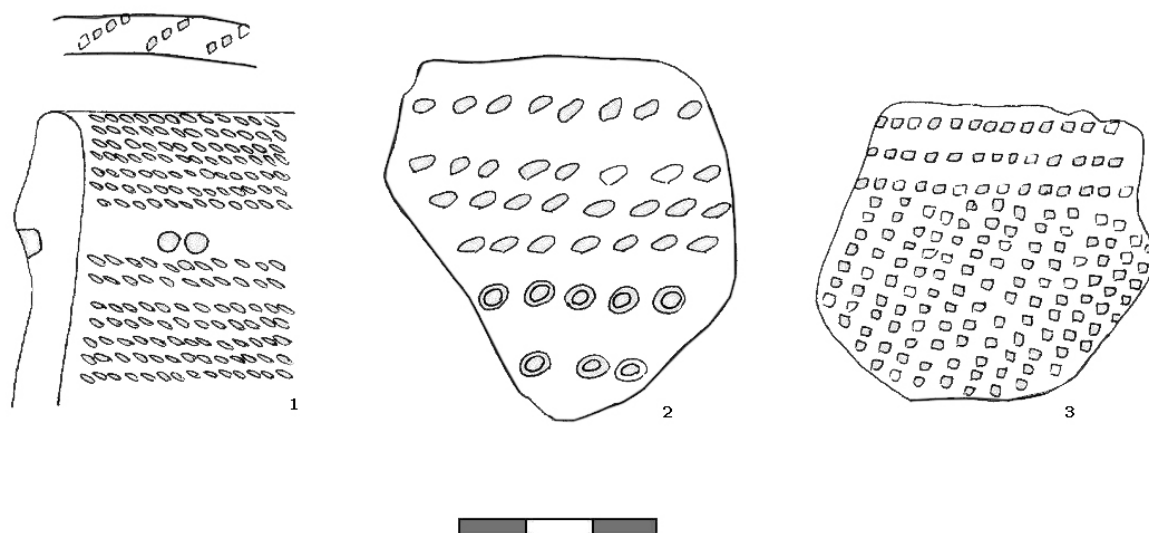

Рис. 2. Керамика волго-камской культуры. Поселение Чирва II.

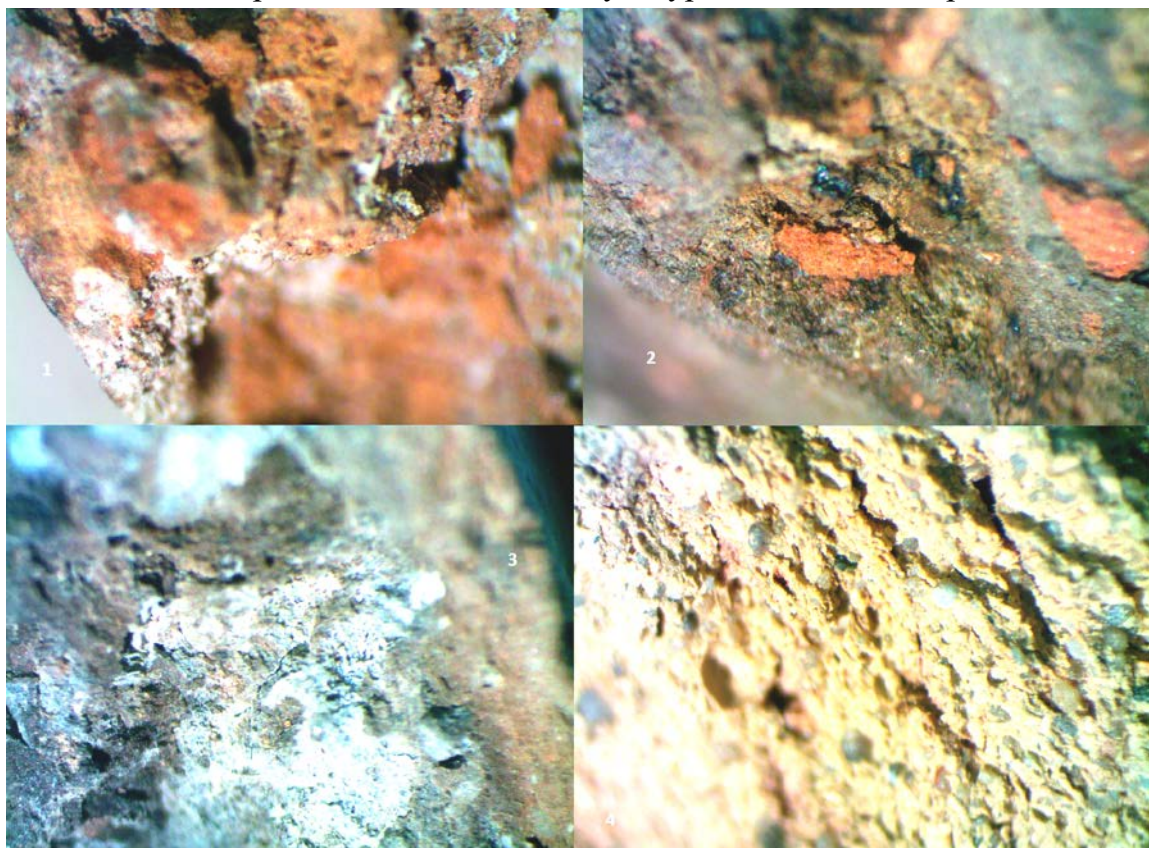

Рис. 3. Микрофотографии керамики.

Таблица 1.

**Характеристика гребенчатых элементов орнамента сосудов
поселения Чирва II**

Характеристики		Количество элементов	%
Общая форма	Прямоугольная	19	86
	Овальная	3	14
Длина отпечатка (см)	Очень малая - <1,1	5	22,5
	Малая – 1,1-2,0	3	13,5
	Средняя – 2,1-3,0	10	45,5
	Большая – 3,1-4,0	4	18
Ширина отпечатка (см)	Малая – 0,1-0,2	22	100
Число компонен- тов (зубцов)	Очень малое – 2-3	4	18
	Малое – 4-7	2	9
	Среднее – 8-15	15	68
	Большое – 16-30	1	4,5

Таблица 2.

Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики

Памятник	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Ито го:
	Илистые глины				Глины				
	незапесочен- ные		запесочен- ные		незапесо- ченные		запесоченные		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
Гребенчатая керамика									
Чирва II	3	-	-	-	2	-	1	-	6
ВСЕГО:	3	-	-	-	2	-	1	-	6
	3/50%				3/50%				100 %
Накольчато-прочерченная керамика									
Чирва II	2	-	-	-	1	-	-	-	3
ВСЕГО:	2	-	-	-	1	-	-	-	3
	2/67%				1/33%				100 %

увл. – сырье в увлажненном состоянии, др. с/с – дробление сухого сырья

Таблица 3

Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики

Памятник	Формовочные массы (ФМ)					Итого:	
	Ш		О.Р. + Ш		О.Р.		
	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм			
Гребенчатая керамика							
Чирва II	-	-	4	1	1	6	
ВСЕГО:	-	-	4	1	1	6	
	0/0%		5/83%		1/17%	100%	
Накольчато-прочерченная керамика							
Чирва II	-	-	-	-	2	Песок	3
					1		
ВСЕГО:	-		-		2	1	3
	0/0%		0/0%		2/67%	1/33%	100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор.

УДК 902/904

Д.А. Демаков
ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АНАНЬИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ *

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

В статье дается характеристика особенностей расположения памятников ананьинской культуры, относящейся к эпохе раннего железного века, и характеризуется ее начальный этап. Размещение региона исследования в пределах умеренного пояса, в зонах тайги и подтайги, наличие геологических пород различного возраста и происхождения, значительная протяженность края в меридиональном направлении создают большое географическое и природное разнообразие, которое влияло на расселение в прошлом по территории Пермского края древних людей.

В Пермском крае известно 192 археологических памятника, имеющих отношение к ананьинской археологической культуре раннего железного века. В ходе картографирования района исследования, было выделено шестнадцать участков с большой концентрацией памятников ананьинской культуры. Участки, содержащие наибольшую плотность концентрации памятников, располагаются около д. Сосновка (левый берег р. Камы) и д. Нижнее Городище (правый берег р. Камы). Анализ расположения памятников ананьинской культуры показал, что большинство известных памятников находится на левобережье р. Камы (121 против 70). Особо стоит отметить, что подавляющая часть памятников (154) располагаются на берегах р. Камы. Был поставлен интересный вопрос практически полного отсутствия памятников ананьинской культуры на берегах рек Чусовой и Сылвы.

Ключевые слова: Пермский край, Пермское Предуралье, ранний железный век, ананьинская культура, археологический памятник, картографирование, р. Кама, скопления памятников, GPS-координаты, р. Чусовая, р. Сылва

D.A. Demakov
PECULIARITIES LOCATION OF SITES ANANYINO CULTURE IN
THE PERM REGION

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article describes characteristics of the location of the sites of Ananyino culture, which refers to the era of the early Iron Age of the Perm Ural region and characterizes its initial stage. The location of the research region within the temperate zone, in the zones of taiga and subtaiga, the presence of geological rocks of different age and origin, the considerable extent of the edge in the meridional direction create a great geographical and natural diversity that influenced the settlement in the past of the territory of Perm Krai of ancient people.

There are 192 archaeological sites in Perm region that are related to the Anan'ian archaeological culture of the early Iron Age. During the mapping of the research area, sixteen sites with a large concentration of sites of Ananyino culture were allotted. The sites containing the highest concentration of monuments are located near the village of Sosnovka (the left bank of the Kama River) and the village of Nizhne Gorodishche (right bank of the Kama River). An analysis of the location of the sites of Ananyino culture showed that the vast majority of known monuments are on the left bank of the Kama River (121 against 70). It is especially worth noting that the vast majority of sites (154) are lo-

cated on the banks of the Kama. An interesting question was raised about the almost complete absence of sites of Ananyino culture on the banks of the Chusovaya and Sylva rivers.

Keywords: Perm region, Perm Cis-Urals, Early Iron Age, Ananyino culture, archaeological sites, Mapping, Kama, Congestion of sites, GPS-coordinates, Chusovaya; Sylva

Пермский край расположен на восточной окраине Восточно-Европейской (Русской) равнины и западном склоне Уральских гор. Он находится на стыке двух частей света — Европы и Азии. По внешнему очертанию территории Пермское Прикамье представляет собой почти правильный прямоугольник, который вытянут в меридиональном направлении. Максимальная протяженность края с севера на юг 645 км, с запада на восток — почти 420 км [4, с. 6].

Основная особенность географического положения Пермского края заключается в том, что он находится на стыке Русской равнины с Уральским горным хребтом. Размещение в пределах умеренного пояса, в зонах тайги и подтайги, наличие геологических пород различного возраста и происхождения, значительная протяженность края в меридиональном направлении создают большое географическое и природное разнообразие, которое влияло на расселение в прошлом по территории Пермского края древних людей. Пермский край расположен в глубине материка Евразия на значительном удалении от морей и океанов. Территория региона почти полностью расположена в бассейне р. Камы, которая является крупнейшим притоком р. Волги [4, с. 6].

Географическое положение Пермского Прикамья, определяющее характер атмосферной циркуляции, количество солнечной радиации и особый тип рельефа, способствовало формированию умеренно-континентального климата с продолжительной холодной и многоснежной зимой и умеренно-теплым сравнительно коротким летом [5, с. 39–40].

За время своего длительного развития (сотни тысяч лет, в некоторых случаях более миллиона лет) реки сформировали широкие поймы и до 4–5 надпойменных террас, сложенных аллювием. Поймы и террасы, как правило, развиты вдоль левых берегов, в то время как правые склоны остаются высокими, крутыми и представлены коренными породами [5, с. 39]. Самые крупные водотоки региона: Кама (протяженность русла 1805 км), Чусовая (592 км), Сылва (493 км), Колва (460 км), Вишера (415 км) и Яйва (304 км) [4, с. 61].

Территория Пермского Прикамья входит в зону тайги с типичными для нее хвойными насаждениями, преимущественно из ели и пихты. Учитывая сложный характер рельефа, различные свойства климата, а также историческое прошлое развития самой растительности, лесная растительность неоднородна и встречается в различных ее сочетаниях [5, с. 47]. Ранее почти вся территория была занята сплошным покровом леса, сведенным в настоящее время интенсивными лесозаготовками. Преобладающими породами являются ель и пихта, образующие однообразные пихтово-еловые леса с примесью сосны и березы. По краям широко распространенных болот и в низинных участках с господством торфяно-

болотных почв, развиты сильно заболоченные низкорослые леса из сосны. По долинам рек распространены лиственные насаждения и различные кустарники, а поймы рек заняты злаковыми заливными лугами [5, с. 47–48].

Железный век — третий после каменного и бронзового веков крупный археологический период. Его первая стадия получила название ранний железный век, начало которой совпадает с началом широкого применения этого металла. С начала I тыс. до н. э. вплоть до настоящего времени железо является основой материальной культуры всего человечества. С этим металлом связаны все важные открытия в области производственной технологии этого времени.

В раннем железном веке в Пермском Предуралье традиционно выделяют два крупных хронологических периода. Первый связывают с ананьинской эпохой VIII–III вв. до н. э., второй с существованием гляденовской культуры III в. до н.э. – V–VI в. н.э. [7, с. 39].

В нашей работе нас будут интересовать археологические памятники, относящиеся к ананьинской археологической культуре. В истории ананьинских племен Прикамья и Приуралья археологи выделяют три хронологических этапа:

1. Ранний — VIII – VI вв. до н.э.;
2. Средний — VI – IV вв. до н.э.;
3. Поздний — IV – III вв. до н.э.

Для каждого наиболее показательна манера орнаментации глиняной посуды.

Для среднекамского ананьино в целом характерны лепные круглодонные горшки-чаши с примесью толченой раковины в тесте, украшенные сложным, подчас вычурным орнаментом, состоящим из многорядного зигзага, сетки заштрихованных треугольников и косых отрезков в сочетании с пояском аккуратных круглых ямок по горловине. За исключением ямок, все остальные элементы орнамента выполнены оттисками крученого шнура или т.н. "веревочкой" и оттисками зубчатого штампа. Верхняя часть сосудов (венчик) имеет утолщение на внешнюю сторону — т.н. "воротничок".

Период развитого или среднего этапа ананьинской культуры — это время прочного освоения ананьинцами низовьев и среднего течения Камы (VI – IV вв. до н.э.). На этом этапе в регионе появляются первые укрепленные поселения — городища. Сооружались они, как правило, на высоких треугольных или подпрямоугольных мысах коренной террасы рек, с двух–трех сторон, защищенных крутыми склонами или оврагами, а с четвертой, напольной, укреплялись рвом и валом [2].

Финал ананьинской культуры приходится на IV–III вв. до н.э. Причины распада ананьинской общности еще требуют своего уточнения, однако, ясно, что здесь свою роль сыграли миграции населения Южного Зауралья в бассейн р. Белой, продвижение в более северные области сарматских племен в связи со становлением у них государственности, переселение на Нижнюю Каму верхне-

волжского населения, а также какой-то природный катаклизм, охвативший Среднюю Волгу и Нижнюю Каму [2].

Согласно распоряжению губернатора Пермской области от 5 декабря 2000 г., N 713-р «О государственном учете недвижимых памятников истории и культуры Пермского края регионального значения» в Пермском крае известно 192 археологических памятника, имеющих отношение к ананьинской археологической культуре [6]. Местоположение всех этих памятников, кроме одного, было установлено по GPS-координатам, которые были получены в архиве Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия) (ГКБУК «КЦОП») [1].

Природно-географические условия региона играли большую роль в расселении человека в эпоху раннего железного века. Особенно здесь стоит отметить важность долин крупных рек, таких, например, как Кама, которая служила не только естественным путем миграции древних людей, но и активно использовалась в их хозяйственной деятельности.

Особенностью расположения памятников ананьинской культуры в регионе является то, что практически все они находятся либо на берегах р. Камы, либо на ее притоках. Примечательно, что памятники этой эпохи не обнаружены ни на берегах озер, ни на берегах озерных стариц. Интересен тот факт, что на других крупных водных артериях региона — реках Чусовой и Сылве памятников ананьинской культуры практически не известно. К первой можно отнести два памятника, ко второй три, причем все они находятся в устьях рек. Причин такой ситуации может быть несколько: а) памятники ананьинской культуры были уничтожены Камским водохранилищем; б) они еще не обнаружены (хотя бассейны этих рек довольно хорошо исследованы); в) бассейны рек Чусовой и Сылвы не заселялись представителями ананьинской культуры. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Основная масса памятников расположена в центральной и южной частях Пермского края. Севернее места впадения р. Обвы в Каму известно всего 9 памятников, которые разбросаны по обширной территории. Отсутствие большого количества памятников ананьинской культуры может быть вызвано тем, что они располагались на несохранившихся сейчас участках поймы, которые были смыты Камой в результате горизонтальных русловых деформаций (блуждания русла по дну долины) [3]. Те же памятники, что сохранились, находятся в отдалении от основного русла (например, в районе дд. Вилисова – Усть-Уролка, Чердынского р-на).

Еще одной особенностью, выявленной в ходе картографирования памятников ананьинской культуры, является то, что больше половины из известных нам на данный момент памятников группируются на небольших территориях «кустами» от 4-х до 16 памятников. Всего таких скоплений было выделено шестнадцать. Самое большое из них, включающее 16 памятников, находится в Еловском районе на левом берегу р. Камы, около д. Сосновка (рис. 1). Второе по ве-

личине скопление, состоящее из 9 памятников, располагается на правом берегу Камы, в районе д. Нижнее Городище (рис. 2). Остальные скопления в среднем содержат в себе по 5 памятников.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Большинство известных памятников ананьинской культуры находится на левобережье р. Камы (121 против 70). Малое количество памятников на правом берегу р. Камы может быть связано с тем, что он интенсивно разрушается водами Камского и Воткинского водохранилищ. В ходе данного разрушения могли быть уничтожены ананьинские памятники, располагавшиеся там ранее. По отношению к величине водных артерий памятники распределяются неравномерно — 157 памятников на крупных реках и 34 на малых. Особо стоит отметить, что подавляющая часть памятников (154) располагаются на берегах р. Камы. Был поставлен интересный вопрос практически полного отсутствия памятников ананьинской культуры на берегах рек Чусовой и Сылвы.

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-46-590037 р_а Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене*

Библиографический список

1. Архив КЦОП. Ф.2.
2. Белафин А.М., Голдобин А.В. Ранний железный век. Ананьинская общность (VIII – III вв. до н. э.) // Очерки археологии Пермского Предуралья. — Пермь, 2002. — С 101–114.
3. Демаков Д.А., Копытов С.В., Лычагина Е.Л., Назаров Н.Н., Чернов А.В. Динамика освоения человеком долины Верхней Камы в контексте палеорусловых процессов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 6—10 апреля 2015 г. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. — Вып. 3. — С. 108–111.
4. Назаров Н.Н. География Пермского края: учеб. пособие // Перм. ун-т. — Пермь, 2006. Ч. I. Природная (физическая) география. — 139 с.
5. Назаров Н.Н., Черепанова Е.С. Пойменно-русловые комплексы Пермского Прикамья: монография; Перм. гос. нац. исслед. Ун-т. — Пермь, 2012. — 158 с.
6. Распоряжение губернатора Пермской области от 5 декабря 2000 года N 713-р «О государственном учете недвижимых памятников истории и культуры Пермского края регионального значения» (с изменениями на 31 декабря 2010 года). Приложение 1. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации — URL: <http://docs.cntd.ru/document/911500599> (дата обращения: 20.10.2017).
7. Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008. — 272 с.

Рис.1. Скопление памятников ананьинской культуры около д. Сосновка:
 1- Машковская дача III, поселение; 2-Машковская дача II, поселение; 3-Машковская дача IV, селище; 4-Машковская дача I, поселение; 5-Машковская дача V, поселение; 6-Пасечное II, поселение; 7-Пасечное I, поселение; 8-Пасечное III, поселение; 9-Пасечное IV, селище; 10-Пасечное V, селище; 11-Сосновка 4, поселение; 12-Сосновка V, селище; 13-Сосновка III, поселение; 14-Сосновка II, поселение; 15-Сосновка VII, поселение; 16-Сосновка 6, поселение.

Рис.2. Скопление памятников ананьинской культуры около д. Нижнее Городище:

1-Нижнее Городище 1, поселение; 2-Нижнее Городище 2, поселение; 3-Нижнее Городище 3, поселение; 4-Нижнее Городище 4, поселение; 5-Нижнее Городище V, поселение; 6-Нижнее Городище 6, селище; 7-Нижнее Городище 7, поселение; 8-Нижнее Городище VIII, поселение; 9-Нижнее Городище IX, поселение.

УДК 904

О.О. Малых**ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ МЕЧЕЙ В ПЕРМСКОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.***Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация.*

Пермское Предуралье регион не только с весьма богатой флорой и фауной, но и неординарной историей. Историей, значительный период которой не освещен сведениями письменных источников, существенно затрудняя ее понимание. Длинноклинковое оружие — одна из категорий материальной и духовной культуры, способная пролить свет на многие события и процессы, определившие вектор исторического развития народов, населявших регион в древности. Категория находок, отражающая не просто уровень развития военного дела или металлообработки, но и особенности социальной структуры изучаемых обществ, взаимодействия с представителями иных обществ. Предложенная статья представляет собой попытку связать процессы распространения мечей в Пермском Предуралье с событиями, имевшими место в период первой половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, мечи, Великое переселение народов, мигранты.

O.O. Malyh**WAYS OF PENETRATION OF SWORDS IN THE PERM URALS IN
THE FIRST HALF OF THE 1ST MILLENNIUM AD***Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation*

The Perm Ural region not only has very diverse flora and fauna, but also an unusual story. The story, a significant period of which is not described in any written sources, that makes it much more difficult to understand. A long sword is one of the categories of material and spiritual culture that can shed light on many events and processes that determined the line of historical progress of people that inhabited the region in the ancient times. It is a category of finds, than not only reflects the level of military development or metalworking, but also tells us about the social structure of the studied societies and their interactions with the representatives of other societies (tribes). The article makes an attempt to link the swords distribution in the Perm Ural region with the historical facts of the first half of the 1st millennium AD

Keywords: archeology, Perm Urals, swords, Great migration of peoples, migrants.

Меч достаточно редкая категория археологических находок, адресующая нас к предметам элитарной культуры. Подобные находки стоит рассматривать не просто как музейный экспонат, а как один из индикаторов течения социально-экономических, политических или иных процессов, затрагивавших жизнь изучаемых общностей.

Самые древние из пермских мечей, датируемые V–III вв. до н.э., найдены в окрестностях поселков Юг и Усть-Качка [18, с. 41]. Начало появления длинноклинкового оружия в погребальных комплексах фиксируется по результатам

раскопок Мокинского могильника. Мечи или их фрагменты были обнаружены в погр. 81, 85, 98, 105, 106, 144, 160, 232, 255 [27, с.13, 22; 21, с. 12, 13; 16, с. 103, 107; 22, рис. 2–2]. Соседство грунтовых захоронений с подкурганными обрядами, традиций ингумации с кремацией свидетельствуют о весьма сложных процессах, развивавшихся в среде части гляденовского населения. Особенности части погребений и состояние материалов в них содержащихся могут свидетельствовать о существовании обряда «обезвреживания» умерших [20, с. 65–66]. Обнаружение большинства мокинских мечей в виде малоинформативных фрагментов и обломков могло быть связано с влиянием данной традиции.

Вследствие этого остановимся не нескольких находках, представляющих наибольший интерес. В погр. 105 находился меч, имевший клинок, лезвия которого шли практически параллельно друг другу, длиной 77,7 см и максимальной шириной 3,8 см [24, с. 148, рис. 56–1]. На рукояти не обнаружилось фиксируемых следов наличия перекрестия или навершия, что характерно для длинноклинкового орудия лесостепной полосы в II–IV в. При проведении исследования прикамских мечей методом дискриминантного анализа находка из погр. 105 была отнесена к оружию, созданному в III в., или же она была изготовлена под влиянием представлений этого времени.

Меч из погр. 81 имел клинок длиной 73 см и максимальной шириной 5,7 см, имевший выраженное сужение от основания к острию. Рукоять была снабжена железным перекрестием линзовидной формы, на хвостовике присутствовал железный шпинец, фиксировавший две половинки деревянной или костяной рукояти [24, с. 148, рис. 56–2]. На клинке были выбиты 3 дола, что не характерно не только для прикамского оружия, но и для мечей других регионов первой половины I тыс. н. э.

Находка из погр. 81 имеет выраженный контраст между внешним видом и качеством изготовления оружия. Клинок откован из железной заготовки сильно засоренной шлаковыми включениями [7, с. 103]. Складывается впечатление, что перед нами копия, имевшая необходимый вид, но не обладавшая функциональным качеством.

Особый интерес представляет халцедоновое навершие сохранившегося фрагментарно меча из погр. 98, представляющего собой фалеру. О.Я. Неверов интерпретировал фалеру как медаль римского legionera или знак отличия центуриона [16, с. 103–105]. По мнению М.Л. Перескокова, захоронение 98 было совершено в конце III – первой половине IV в., в то время как фалера изготовлена в I в. [24, рис. 94А].

Если рассматривать версию приобретения мокинским населением части оружия по торговым каналам, то остается непонятным экономический смысл подобной торговли. В регионах аналогичных Прикамью социально-экономическое расслоение населения могло быть недостаточным для появления отдельных лиц, обладающих достаточным количеством материальных благ для приобретения статусного оружия. Появление в могилах любой категории пред-

метов не может являться случайным или необдуманным шагом. Если в погребении присутствует меч, значит, он имел значение как при жизни умершего, так и в «загробном мире». Только факт приобретения и владения оружием не обеспечит к оружию подобного отношения.

В конце III – начале IV в. специфичные объекты импорта появляются не только в захоронениях Пермского Предуралья, но и в погребениях части населения Удмуртского Прикамья. Наиболее показательны погребения Тарасовского могильника, в которых кроме мечей, известных с чегандинского времени, появляются защитное вооружение, металлические полуфабрикаты и прочие предметы импорта. Отдельно стоит остановиться на слитке золотистой латуни и крицах из в погр. 1679 [6, табл. 613]. В одной из криц содержание в металле никеля составило 0,14 %, что позволило С.Е. Перовицикову и Т.Р. Сабировой провести аналогии с химическим составом древнерусского металла. Не исключена возможность плавки металла в одной из областей формирования славянской общности [25, с. 73]. Сомнительно, что прикамские мастера обладали технологиями получения латуни, ремесленные центры по производству металла могли находиться на территории Индии, Египта, Римской империи и Юго-Восточного Причерноморья [25, с. 75].

Имел ли смысл вести полуфабрикаты от границ Римской империи или из Причерноморья? Ключ к пониманию развития материальной культуры части населения Прикамья может лежать в событиях 230–270 гг. В эпоху Скифской войны отдельные «варварские» племена и их союзы совершали военные походы к границам Римской империи в Причерноморье и Малую Азию [30, с. 3–7]. В Прикамье из представителей различных племен и общин могли формироваться группы молодежи, совершавшие дальние военные походы, а часть предметов импорта является трофеями или платой за службу.

В подобных событиях могла принимать участие небольшая группа гляденовского населения. Это бы объяснило бы причины появления мечей только в мокнских захоронениях и их отсутствие в остальных погребениях Пермского Предуралья до начала второй половины IV в. Наличие мечей в погребении отражает прижизненный статус умершего, либо его род занятий, либо статус, к которому он стремился.

Если группы прикамского населения принимали участие в Скифской войне или аналогичных событиях, то возможно поднять вопрос о существовании культурно-хронологического горизонта конца III – начала IV в. *Культурно-хронологический горизонт* является отражением резких изменений происходящих под влиянием социально-политических процессов или передислокации групп населения, приводящих к распространению в ограниченный период на значительной территории интегрирующих типов вещей и традиций ранее не характерных для данного региона.

Второй этап в распространении длинноклинкового оружия в Пермском Предуралье фиксируется по материалам захоронений второй половины IV –

начала V в. Мечи найдены в ходе раскопок: *погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16, 160 Кудашевского, погр. 17, 75, погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 23 Митинского, погр. 4 Качкинского, кургана 4 Калашниковского, погр. 1 кургана 22, погр. 4 кургана 24, погр. 1 кургана 25 погр. 2В кургана 25 Бродовского могильников* [10, с. 8–10; 11, с. 6, 9; 15, с. 73; 2, с. 109, 112; 4, с. 149, табл. ЛП 1–4].

Появление мечей в могилах представителей металлодефицитных обществ не может носить случайный характер, являться необдуманым действием. Наличие в могилах оружия, характерного для профессиональных воинов, свидетельствует милитаризации населения их оставившего. В чем заключаются причины резкого изменения представлений и традиций, а значит и сознания?

Во второй половине IV в. инновации в погребальном обряде связаны не только с появлением мечей, но и с распространением подкурганного обряда захоронения, традиции прижизненной деформации черепов и прочих изменений, свидетельствующих о появлении в регионе групп инокультурного населения. Причины начала миграции могли быть связаны с попытками расширения готами сфер своего влияния в IV в., с серией военных конфликтов, вызванных движением гуннов или иными значимыми факторами.

Мигранты появляются в регионе не одномоментно, и не объединены единым этнокультурным происхождением. Наибольший интерес представляет группа, оставившая после себя часть воинских захоронений Кудашевского могильника. Мигранты могли являться частью военного отряда, интернировавшегося в среду мазунинского и гляденовского населения. Частью рассматриваемого отряда могло являться инокультурное население, оставившее после себя подкурганные погребения Тураевского могильника.

Кудашевские мечи имеют особенности, выделяющие их из общей массы оружия второй половины IV–V в. В *погр. 5, 6, 10, 15* находилось оружие перекрестиями, которым служили бронзовые пластины толщиной около 1 см, превышающие ширину основания клинка на несколько сантиметров [10, с. 8–10; 11, с. 6,]. При таких габаритах перекрестия не могут в полной мере выполнять защитные функции. Пластины могли являться обкладкой расширения деревянной части рукояти в нижней части. Подобные конструктивные решения использовались для римских спат и гладиусов.

Часть рукоятей мечей, длина которых могла превышать 25–30 см, снабжались серебряными навершиями рюмкообразной формы (*погр. 6, 10*) или халцедоновыми дисками (*погр. 8, 160*) [10, с. 8–10; 10, с. 6, 15, с. 79, рис. 3, 4]. Халцедоновые навершия связаны с традицией оформления оружия, бытовавшей в сарматской среде во II – первой половине III в. [1, с. 173–174]. Отельные находки мечей с халцедоновыми навершиями встречаются в погребениях IV в. [1, с. 180–182]. Основная нагрузка изделий могла быть связана с повышением социальной привлекательности оружия, нежели с существенным повышением его физической функциональности.

Не совсем понятно, мечи из погр. 6 и 160 были снабжены халцедоновыми навершиями до появления мигрантов в Прикамье или на них оказали влияние представления местного населения. Помимо кудашевских комплексов, оружие с халцедоновыми навершиями обнаружено в погр.4, 782 (III – первая половина IV в.) и в погр. 765 А, Б, 1685 Тарасовского некрополя (конец IV – начало V в.) [6, с. 10, 134, 135, 138, 305]. В Прикамье халцедоновые диски различных размеров использовались для декорирования элементов костюма, осложняя понимание проблемы оформления оружия.

Выбор материала и сложная форма наверший из погр. 6 и 10 свидетельствует о стремлении придать оружию дополнительное социальное значение. С другой стороны, длинным деревянным рукоятям необходима стяжка верхней торцевой части, роль которой выполняли навершия имеющие втулку. Среди прикамских находок навершие аналогичной формы имел меч из кургана 5 Тураевского могильника [3, с. 70]. За пределами Прикамья мечи с рюмкообразными навершиями известны по материалам раскопок могильников Муслимовского, Цибилиум, Совхоз Калинина и склепа 145/1904 г. в Керчи [9, с. 121, рис. 4]. М.М. Казански и А.В. Мастыкова связывают происхождение мечей с рюмкообразными навершиями с влиянием сасанидской традиции, основанной на оформлении оружия бытовавшего на территории Ближнего Востока в III в. н.э. [9, с. 120].

Большинство кудашевских клинков имеют серьезные повреждения, наличие которых нельзя объяснить влиянием естественных факторов. В ходе раскопок памятника удалось зафиксировать факты намеренной порчи ножей, кинжалов и наконечников копий, что делает предположения о намеренном повреждении мечей более обоснованными. Практика порчи острых предметов фиксируется по погребальному обряду представителей пшеворских племен. Клинки мечей разбивались, а обломки втыкались в дно могилы, чего не наблюдается в кудашевских захоронениях [17, с. 59]. На многих кудашевских клинках сохранились остатки деревянных ножен, что осложняет понимание возможного обрядового повреждения оружия.

В современном состоянии клинки сохранились длиной от 54 до 85 см, а ширина их основания колебалась в пределах 4,7–6,4 см. Оружие имело длинные тяжелые клинки, которые прекрасно подходили для нанесения эффективных рубящих ударов.

В процессе изучения кудашевско–тураевских древностей получаем многочисленные отсылки к материалам раскопок юго-западных регионов откуда, вероятнее всего, пришли мигранты. Наиболее подходящие условия для возникновения военных дружин могли возникнуть в ареале державы готов. По мнению М.Б. Щукина *«К середине IV в. «держава Германариха-Атанариха» уже создана, выплаты и поставки римлян обеспечивают достаточное благополучие, резко возрастает число населения, подрастает новое поколение молодежи, часть из которых не находит себе применения в хозяйственной деятельности и обра-*

щается к военному делу. Уж такова структура общества «военной демократии», что такие люди ищут жизненного выхода в походах и набегах, в военной службе у вождей» [31, с. 210]. Появление мигрантов с территории Северного Причерноморья может объяснить происхождение их вооружения и таких элементов оформления мечей как халцедоновые и рюмкообразные навершия.

Появление в южной части Верхнего Прикамья военизированной группы не привело к значимому распространению мечей в регионе. С одной стороны, это может быть связано с небольшой численностью мигрантов, потомки которых были достаточно быстро ассимилированы гляденовским населением. С другой стороны, переселенцы, обладая превосходящим комплексом вооружения, могли подчинить себе часть местного населения, и распространение оружия не отвечает их интересам. Какой бы объем вооружения не был бы принесен в регион, без налаживания собственного производства или функционирования каналов поставки он рано или поздно выйдет из употребления. В древности далеко не все предметы обихода становились частью погребального инвентаря, и захоронение с умершим статусных вещей скорее является исключением из общих правил, чем нормой.

Еще один импульс к распространению длинноклнкового оружия во второй половине IV – начале V в. в Пермском Предуралье придало появление групп мигрантов, взаимодействие которых с гляденовским населением привело к началу генезиса ломоватовской и неволинской культур. В отношении происхождения переселенцев существуют различные точки зрения. Р.Д. Голдина предполагает появление на северо-востоке Прикамья представителей саргатской культуры, появившихся из-за Урала [5, с. 275–276]. На наш взгляд, все большую обоснованность приобретает предложение о связи хараниских курганов с сарматами, высказанное А.П. Смирновым [27, с. 15].

При проведении Д.В. Шмуратко дискриминантного анализа были получены следующие результаты. «Харинский» кластер продемонстрировал связь с позднесарматским на уровне 22,3 %: Бурково — 12 комплексов (8,5 %); Митино — 11 комплексов (23,4 %); Качка — 2 комплекса (14,3 %); Броды — 17 комплексов (14,4 %); Старая-Мушта — 7 комплексов (6,7%) [30, с.138–139]. Незначительный процент присутствия «саргатских» комплексов выявлен на Бродовском могильнике (1,7 %), что слабо свидетельствует о появлении более или менее значительных групп саргат в регионе [30, с.141].

На территории Мокинского могильника выявлены подкурганные захоронения синхронные кулашевским и тураевским комплексам, что свидетельствует о включении в мокинскую среду еще одной группы мигрантов, представители которой могли стать еще одним источником оружия [19, с.136–137]. Степень опубликованности материалов раскопок памятника, грабительские раскопки и состояние многих находок не всегда позволяют относительно точно датировать захоронения. Поэтому не совсем понятно, какие из мокинских мечей вышли из упо-

требления во второй половине IV – начале V в., став частью погребального инвентаря.

Многие исторические процессы, протекавшие в Прикамье в эпоху ВП можно описать в контексте теорий «воинских всплесков» и «инфильтрация отдельных групп населения», а не массовых миграций [8, с. 78–82; 23, с. 112].

В независимости от происхождения, именно мигранты принесли с собой основную массу известных нам верхнекамских мечей или создали потребность в их приобретении у местного населения. Отличительной особенностью длинноклинкового оружия второй половины IV–V в. от оружия предшествующей эпохи является наличие перекрестия как обязательного элемента компоновки рукояти. Изменение в конструкции рукоятей мечей происходит под влиянием серии военных конфликтов второй половины IV в.

Перекрестия ковались из железа длиной от 6 до 9 см придавая им прямую форму в вертикальной плоскости и линзовидную в горизонтальной проекции. На остатках рукояти из погр. 4 кургана 24 Бродовского могильника присутствует выемка, свидетельствующая о существовании навершия, которое не дошло до нас [4, табл. L-1]. Длина клинков варьировалась от 53 до 83 см при ширине основания 3,8–5 см.

В погр. 4 кургана 24 Бродовского могильника находился меч, который является переходным звеном от оружейных традиций позднесарматской эпохи к представлениям постгунского периода. Рукоять была снабжена железным перекрестием, основание клинка имело подтреугольную форму. Традиционно, если оружие комплектовалось перекрестием, то плечики клинка располагались по отношению к хвостовику под прямым углом, что облегчало фиксацию гарды. Использование подобного конструктивного решения может быть связано с необходимостью адаптировать оружие, изготовленное в первой половине IV к представлениям и реалиям, выработанным во второй половине IV в.

Мечи аналогичной конструкции найдены при раскопках захоронений, проводимых в 1902 г. В.В. Шикорпилом в Боспоре, погр. 179 и погр. 50 некрополя Фаногореи [28, табл. VIII 1, 4, табл. IX-1].

Мигранты принесли с собой не только мечи, но и повлияли на распространение в Пермском Предуралье практики помещения длинноклинкового оружия, которая просуществует как минимум до начала II тыс. н. э. Если в Пермском Предуралье оседают представители позднесарматской общности, то они вполне могли стать источником традиций и представлений, связанных с длинноклинковым оружием в формирующихся неволинской и ломоватовской общностях. О значимой роли мечей в материальной и духовной культуре сармат красноречиво свидетельствуют материалы раскопок памятников, отражающих все этапы развития исторической общности. Один из моментов, повлиявших на закрепление длинноклинкового оружия в составе погребального инвентаря может быть связан с особенностями хозяйственной деятельности. Сылвенско–Иренское междуречье представляет собой лесостепной регион, где возможно ве-

дение кочевого скотоводства. Как показывает исследование скотоводческих культур, боевое оружие в пастушестве играло весьма важную роль и являлось своего рода орудием труда. У населения лесных и таежных районов длинноклинковое оружие не закрепляется надолго в материальной и духовно культуре, так как в подобных ландшафтах лук и копье будут обладать большей эффективностью.

Появление мечей в погребениях, оставленных на территории Пермского Предуралья, является не случайностью, а отражением важных социальных и исторических событий и процессов, во многом определивших развитие региона.

Библиографический список

1. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып.1. — Ростов на Дону: Изд-во «Терра». 2000. — С. 169–194.
2. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12. — Свердловск, 1973. — С. 60–126.
3. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в н. э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. — Казань, 1976. — С. 55–108.
4. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. — Иркутск: Из-во Иркутский университет, 1990. — 176 с.
5. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Из-во Удмуртский университет, 1999. — 463 с.
6. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. — Ижевск: Из-во Удмуртский университет, 2004. — 320 с.
7. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: к проблеме этнокультурных взаимодействий. — М.: Изд-во «Знак», 2009. — 264 с.
8. Зубов С.Э. Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья. — Казань: Из-во Институт истории АН РТ, 2004. — С. 78–82.
9. Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры. // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. — СПб. Изд-во: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 114–143
10. Казанцева О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1990 году. — Ижевск, 1991 // Архив ГИООН ПК. Ф.2. Д.293.
11. Казанцева О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1991 году. — Ижевск.1992 // Архив ГИООН ПК. Ф.2. Д.304.
12. Казанцева О. А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1991 году. — Ижевск, 1992 // Архив ГИООН ПК. Ф.2. Д.304.
13. Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. — Ижевск: Из-во Ижевский полиграфический комбинат, 2004. — 176 с.

14. Казанцева О.А. Кудашевский могильник — памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. — Ижевск: Из-во УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 132–140.
15. Казанцева О.А., Нагиев З.Ш. Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике // Поволжская археология. — 2017. — Вып. 2. — С. 73–91.
16. Колобов А.В. Мельничук А.Ф. Кулябина Н.В. Римская фалера из пермского Предуралья // Археология и этнография среднего Приуралья. Вып. 1. — Березники: Изд-во тип. купца Тарасова. 2001. С. 46–52.
17. Козак Д.Н. Пшеворская культура. // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. — М: Изд-во «Наука», 1990. — С. 53–67
18. Кореньюк С.Н. Денисов В.П. Находки мечей ананьинского времени в пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России. — Березники, 2000. — С. 39–42
19. Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. — Казань: Изд-во РИЦ, 2012. — С.133–141.
20. Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. — 2011. — Вып. 1 (15). — С. 65–80.
21. Мельничук А.Ф. Отчет о полевых исследованиях Огурдино I мезалитического поселения в Усольском районе и Мокинского могильника в Пермском районе Пермской области в 1994 г. — Пермь 1995 // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 222.
22. Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского III – VI в. в Пермском Прикамье в 2013 г. // Проблемы сохранения и использования культурного наследия. — Екатеринбург: Изд-во «Горбуновой», 2014. — С. 65–80.
23. Пастушенко И.Ю. Этнокультурная ситуация в Прикамье в середине I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. — Казань: Из-во Институт истории АН РТ, 2009. — С. 106–121.
24. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. — Йошкар-Ола, 2013.
25. Перевошиков С.Е., Сабиров Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V веков // Вестник Пермского университета. Серия История. — 2014. — Вып. 1 (24). — С. 71–81
26. Смирнов А.П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. — Казань: Изд-во ГосМузей, 1957. 112 с.
27. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1991. — Пермь. 1991 // Ф.3 ОП2Д.38
28. Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и полевые исследования по археологии СССР. Вып. 33. — М: Из-во Академии наук СССР., 1954. С. 123–197.

29. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. — М: Из-во Академии наук СССР, 1957. — 146 с.
30. Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов): дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2012.
31. Щукин М.Б. Готский путь готы, Рим и черняховская культура). —СПб: Из-во Филологический ф-т СПбГУ, 2005. — 576 с.

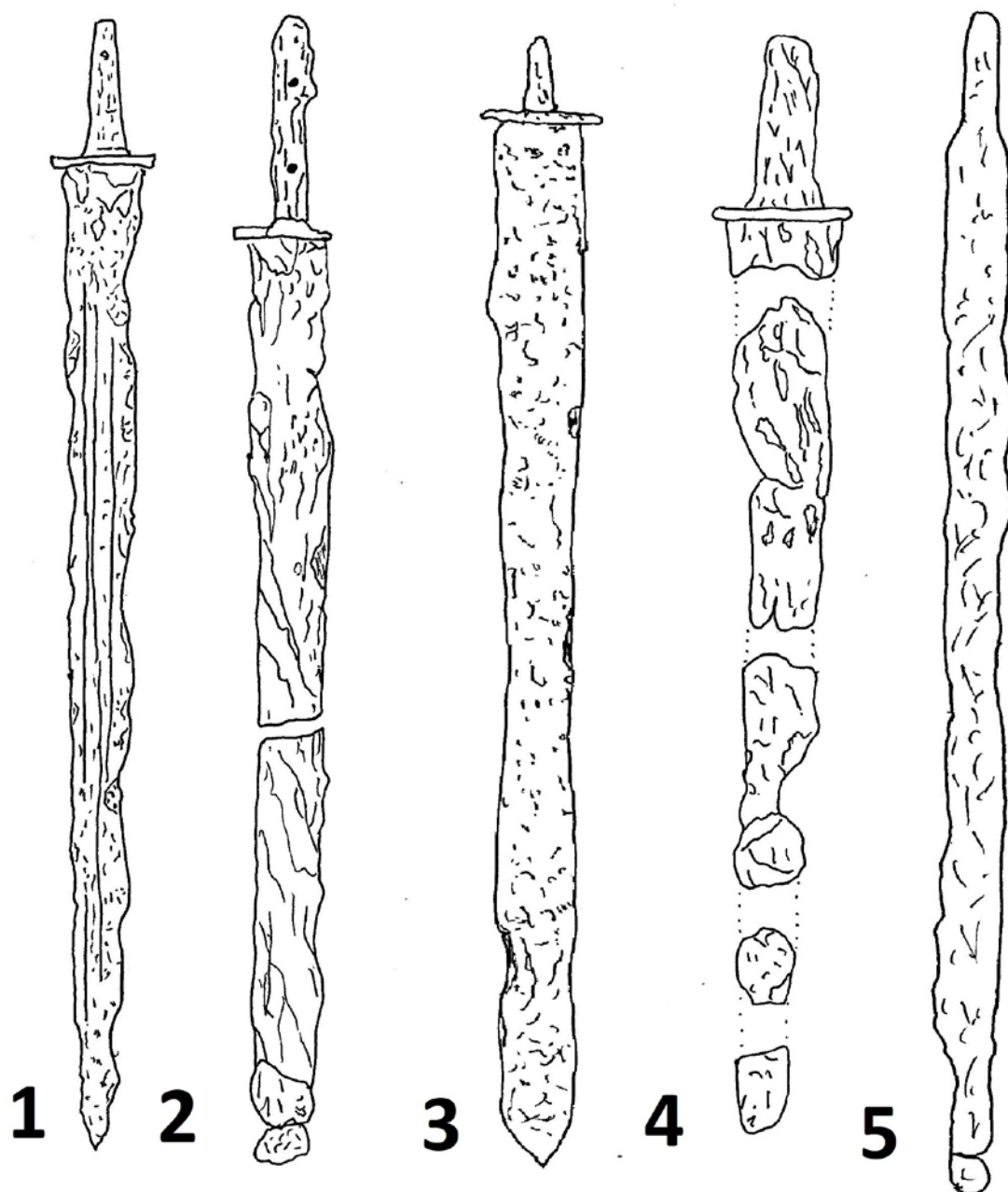

Рис. 1. Мечи Пермского Предуралья.

1. Погр. 81 Мокинского мог-ка (24, 2013, рис. 56-2). 2. Погр. 7 Кудашевского мог-ка (13, 2004, рис. 14-15). 3. Погр. 2В кургана 25 Бродовского мог-ка (4, 1990, ЛП-2). 4. Погр. Кудашевского мог-ка (14, 2004, рис. 1-4). 5. Погр. 105. Мокинского мог-ка (24, 2013, рис. 56-1).

УДК 902.652

Н.Г. Брюхова¹, Е.Л. Лычагина²
СООРУЖЕНИЕ ДЛЯ ДОБЫЧИ ЖЕЛЕЗА
НА СЕЛИЩЕ ТЕЛЯЧИЙ БРОД I

(по итогам раскопок 2017 г.)

*¹Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация*

*²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

В статье анализируются результаты исследований металлургического сооружения, обнаруженного на селище Телячий Брод I в 2017 г. Селище известно с 1962 г. Раскопки на нем проводились В.А. Обориным, А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой. Памятник был датирован VII–XIV вв. В ходе предыдущих исследований на памятнике было выявлено несколько производственных площадок, связанных с металлургией.

Раскоп 2017 г. располагался на восточной границе селища в его пойменной части на возвышении между двумя палеоруками р. Усьва. В северной части раскопа на границе с палеоруком были изучены остатки одноразовой сыродутной печи, использовавшейся для получения крицы, насыщенной металлом. Объект представляет собой горн ямного типа, который для интенсивного естественного движения воздуха был расположен на берегу реки и ориентирован по линии север–юг. С северной части горна шел поддув воздуха и сюда же, как в наиболее низкую часть конструкции выпускался шлак. Можно предполагать, что это не единственная печь на берегу палеорука, возможно, в данной части памятника существовал комплекс сооружений по получению крицы из руды.

Ключевые слова: Пермский край, средневековье, родановская культура, металлургическая печь, шлак

N.G. Bryukhova, E.L. Lychagina
CONSTRUCTION FOR THE PRODUCTION OF THE IRON ON THE
SETTLEMENT OF TELYACHIY BROD I
(Based on excavations in 2017)

*1 Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of
Sciences (PFRC UB RAS)*

*2 Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU), Perm, Russian
Federation*

The article analyzes the results of investigations of the metallurgical structure discovered in the settlement of Telyachiy Brod I in 2017. Settlement has been known since 1962. Excavations on it were conducted by V.A. Oborin, A.M. Belavin and N.B. Krylasova. It was dated VII–XIV centuries. In the course of previous research, several production sites related to metallurgy were identified on the settlement.

The excavation in 2017 was located on the eastern border of the settlement in its floodplain on an elevation between two paleochannels of the river Usva. In the northern part of the excavation at the border with the paleochannel, the remains of a furnace were used, which was used to produce screamer with a metal. The object is a pit type, which for intensive natural movement of air was locat-

ed on the river bank and oriented along the north-south line. From the northern part of the hearth was air blowing and here, as in the lowest part of the construction slag was produced.

Keywords: Perm region, Middle age, Rodanovskaya culture, metallurgical furnace, slag

Селище Телячий Брод I находится на правом берегу р. Усьва в 1,2 км к СЗ от г. Чусовой Пермского края на уступе первой террасы и в пойме реки.

Памятник был выявлен в 1962 г. учениками школы №11 г. Чусового и их учителем И.В. Звягинцевым. В окрестностях города на поле в пойме р. Усьвы ими были найдены костяные и железные наконечники стрел, сердоликовые и стеклянные бусы, бронзовые подвески и пронизки, обломки глиняной посуды. После осмотра специалистами из пермского государственного университета вещи были датированы XI–XIII вв. В 1964 г. памятник был обследован отрядом КАЭ ПГУ под руководством В.А. Оборина. По результатам раскопок 1964 г. памятник был датирован XI–XIII вв. и был атрибутирован как селище родановской культуры [4, л. 17-19].

В 1986–1987 и 1989 гг. селище исследовалось под руководством А.М. Белавина. В результате его раскопок была уточнена датировка селища — VII–XIV вв. Им также были исследованы производственные, хозяйственные и культовые сооружения, собрана большая и разнообразная коллекция вещевого материала. О существовании на селище бронзолитейного дела свидетельствует находка бракованной в результате сдвига половинок литейной формы умбовидной шумящей подвески со следами литников [1, с. 32].

В 1999 и 2003 гг. раскопки селища были продолжены Н.Б. Крыласовой [3].

Во время раскопок 1999 г. были исследованы две вымостки из крупной и мелкой гальки, мела, сырой глины и отдельных мелких камней, которые напоминают жертвенники типичные для металлургических центров «ломоватовско-родановской» культуры, о чем свидетельствует и характер найденного вещевого материала — это преднамеренно сломанные предметы [2, л. 29]. Всего в результате раскопок на памятнике было вскрыто около 900 м².

Исследования памятника были возобновлены в 2017 г. в связи со строительством моста через р. Усьву и автомобильной дороги в обход г. Чусового. Раскоп площадью 420 м² был разбит в восточной части селища. Он располагался на небольшом пойменном возвышении между двумя палеоруслами. Наибольший интерес вызвал объект, обнаруженный в северной части раскопа на границе с палеоруслом.

В ходе изучения культурного слоя памятника, сразу же под дерном, на уч. Б"/24 стали встречаться крупные куски шлака с кусками обожженной глины. Очертания объекта уходили в северную стенку раскопа. Уже на первом условном горизонте (-0,2 м) фиксировались границы объекта, состоящие из глиняной обмазки, перемешанной со шлаком. Объект был интерпретирован как металлургическая печь.

На уровне материка (-0,4 м) объект фиксировался в виде скопления шлака и глиняной обмазки полуовальной формы размером 0,95х0,75 м. Его очертания уходили в северную стенку раскопа (рис. 1).

В ходе дальнейшего разбора сооружения в пределах разбитого раскопа было установлено, что он углублен в материк на 1,01 м от современной поверхности (0,61 м от уровня материка). Объект был заполнен пережженным суглинком, фрагментами глиняной обмазки и большим количеством угля и шлака (362 отдельных куска).

Профиль сооружения фиксировался в северной стенке раскопа (рис. 2, 5). Объект имел овальный свод и плоское дно размером: 0,55х0,90 м. Внешние границы маркировались слоем прокаленной оранжевой глины мощностью 0,03–0,20 м (слой № 10). В придонной части сооружения фиксировалась линза, насыщенная углем, мощностью до 0,03 м. Под объектом находился слой серого влажного песка (слой № 11).

В заполнении сооружения фиксировалось 2 слоя. Верхняя часть была заполнена темно-серым суглинком с углями, мощностью до 0,25 м (слой № 9). Нижняя часть заполнения состояла из темно-серого до черного суглинка, насыщенного углем и шлаком, мощностью до 0,35 м (слой № 14).

Для полного изучения объекта было решено сделать прирезку к северу от границы раскопа, размером 1,2х1,5 м. В ходе ее исследования последовательность слоев, описанных выше, сохранилась (рис. 3, 5). Из заполнения печи было извлечено еще 390 кусков шлака.

Однако, оказалось, что размеры печи больше прирезки и ее очертания уходят в северную, западную и восточную стенки. Поэтому было решено рассматривать их в качестве профилей объекта и сделать дополнительную прирезку. Таким образом, общие размеры прирезки составили 2,80 х 2,20 м.

В западной стенке прирезки объект имел подтрапециевидную форму и максимально углублялся в материк на 1,01 м от современной поверхности (рис. 5). Границы объекта маркировал слой прокаленной оранжевой глины, мощностью до 0,15 м (слой № 10). Центральную часть заполнения составлял слой темно-коричневого до черного суглинка, насыщенный углем и шлаком, мощностью до 0,35 м (слой № 14). В восточной стенке прирезки фиксировалась схожая картина (рис. 3, 5).

В северной стенке верхнюю границу сооружения маркировал слой прокаленной оранжевой глины, мощностью до 0,05 м (слой № 10). Ниже шел слой темно-коричневого до черного суглинка, насыщенный углем и шлаком, мощностью до 0,20 м (слой № 14). Под ним в западной части сооружения фиксировалась глиняная обмазка, мощностью до 0,03 м. В качестве подстилающего (материкового) слоя был серый влажный песок (слой № 11) (рис. 5).

В ходе разбора границ объекта после прирезки № 2 были выявлены его окончательные очертания. В горизонтальной проекции он имел подпрямоугольную форму, был вытянут с севера на юг. Максимальные размеры: 1,50х2,95 м.

Центральная часть сооружения была углублена на 1 м от современной поверхности, ее размеры 1,50х1,60 м. С южной стороны шел плавный подъем вверх, в северной — ступенька до уровня 0,7 /-4,79 м (рис. 4, 6).

Судя по очертаниям, мы имеем дело с ямой полуцилиндрической формы, вытянутой в направлении север–юг. Исходя из очертаний и заполнения объекта, мы можем реконструировать его как одноразовую сыродутную печь, использовавшуюся для получения крицы, насыщенной металлом.

Наиболее древним способом получения железа является химическое восстановление чистого металла из окислов железа. Для этого использовались разнообразные по форме и размерам сыродутные железо-восстановительные горны. Сыродутным горн назывался из-за того, что в него подавали («дули») холодный («сырой») атмосферный воздух. В Европе подобные горны использовались вплоть до 1850-х гг., в Северной Америке – до 1890-х гг., а в Юго-Восточной Азии и Центральной Африке – даже до середины XX в. Как правило, сыродутный горн имел форму большого, толстостенного сосуда с отверстиями для засыпания руды и угля, подачи воздуха (сопло), выхода продуктов сгорания и стекания шлака. В зависимости от того, где сооружался горн, – ниже или выше поверхности земли – выделяют два типа сыродутных горнов: ямные и наземные. Встречаются горны, рабочая камера которых имеет как подземную, так и наземную конструкцию [5, с. 23].

В случае с обнаруженным объектом, мы имеем дело с горного ямного типа, который для интенсивного естественного движения воздуха был расположен на берегу реки и ориентирован по линии север–юг. С северной части горна шел, поддув воздуха и сюда же, как в наиболее низкую часть конструкции выпускался шлак. Можно предполагать, что это не единственная печь на берегу палеорусла, возможно, в данной части памятника существовал комплекс сооружений по получению крицы из руды.

Библиографический список

1. Белавин А. М. Отчет об исследованиях селища и могильника Телячий Брод в 1989 г. — Пермь, 1989.
2. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий брод в Чузовском районе Пермской области в 1999 г. — Пермь, 2000 // Архив МК ПК Ф. 3, оп. 2, д. 85/2.
3. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий брод в Чузовском районе Пермской области в 2003 г. — Пермь, 2004 // Архив МК ПК Ф. 3, оп. 2, д. 138.
4. Оборин В.А. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1964 г. // Архив ПОКМ 20712/2069.
5. Снопков С.В., Зарицкий О.П. Эксперимент по получению железа с помощью сыродутного горна // Известия Лаборатории древних технологий. — 2016. — № 3. — С. 22–35.

Рис. 1. Очертания печи на уч. Б'''/24 на уровне 0,4 м. Вид с Ю.

Рис. 2. Профиль печи на уч. Б'''/24. Вид с Ю.

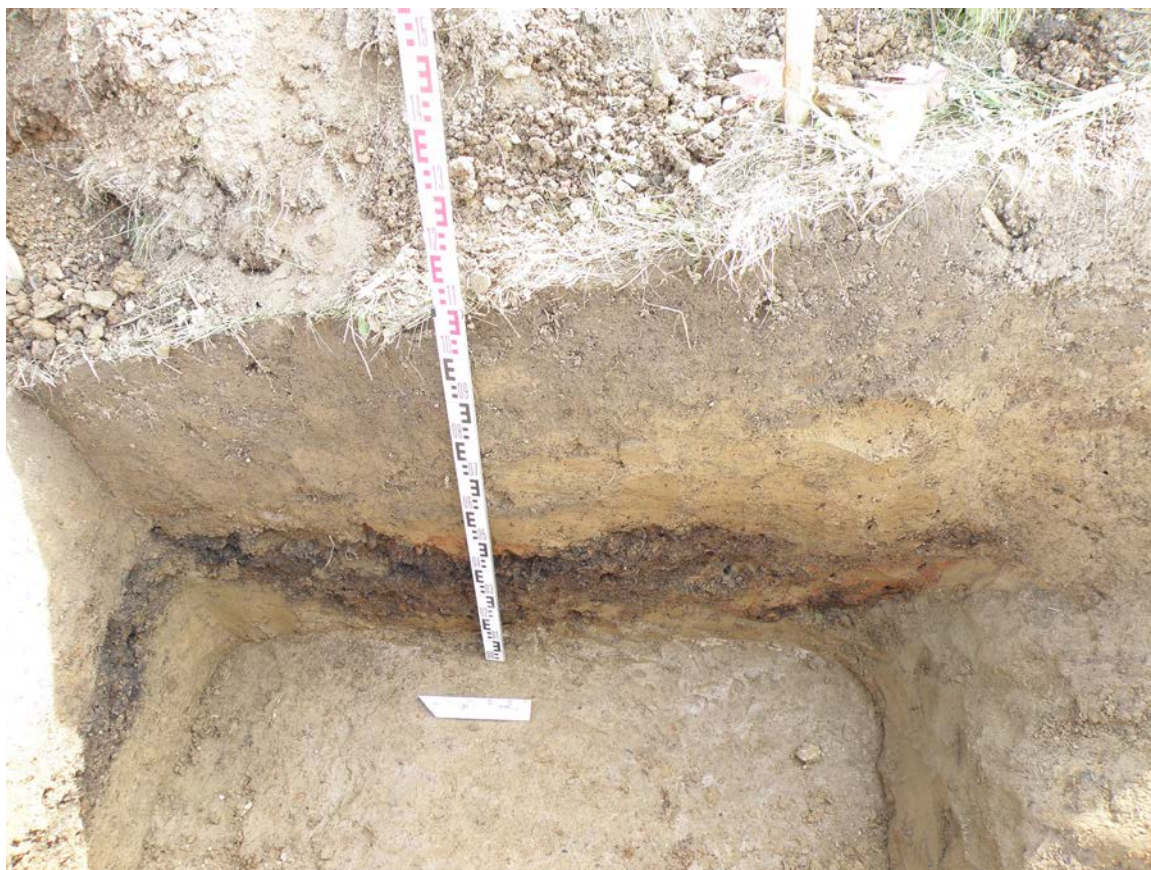

Рис. 3. Профиль восточной стенки печи. Вид с 3.

Рис. 4. Общий вид выбранной печи. Вид с 3.

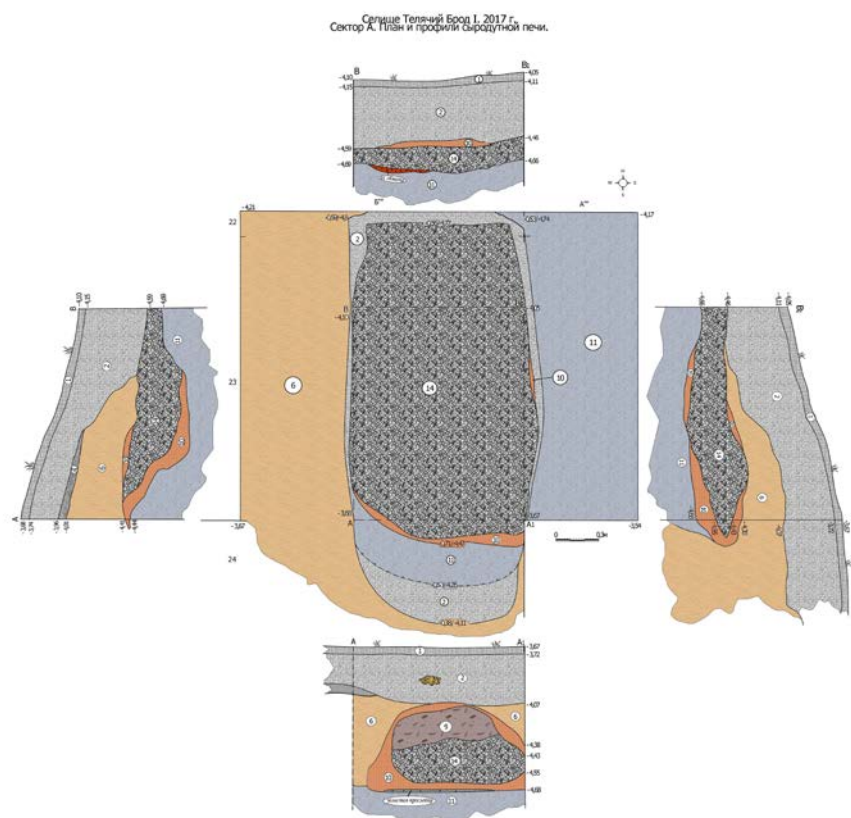

Рис. 5. План и профили печи.

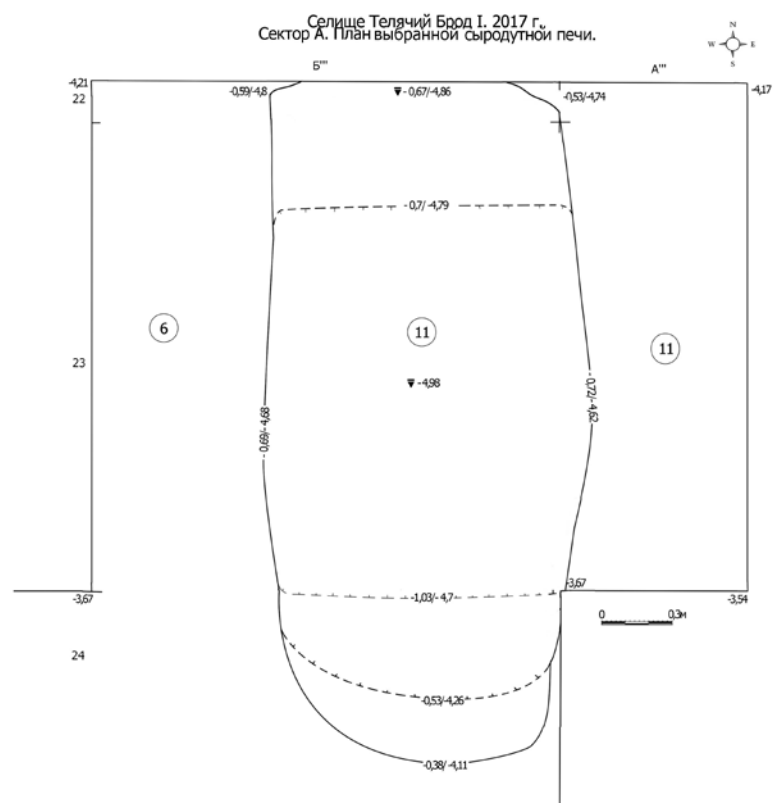

Рис. 6. План выбранной печи.

УДК 902/904

Н.Б. Крыласова**КОНЬ И ЭЛЕМЕНТЫ КОНСКОЙ СБРУИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ****Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация*

На примере Рождественского могильника X–XI вв. прослеживаются особенности проявления в погребальном обряде позднего этапа ломоватовской культуры символического ритуала захоронения коня или «комплекса коня» в виде элементов конской сбруи — их место в могильной яме и планиграфические особенности расположения подобных захоронений на могильнике.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская культура, Рождественский могильник, погребальный обряд, кости коня, элементы конской сбруи.

N.B. Krylasova**HORSE AND HARNESS IN THE FUNERAL CEREMONY OF
ROZDESTVENSKIY BURIAL IN PERM REGION***Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of
Sciences (PFRC UB RAS), Perm, Russian Federation*

This article are presented features of advent symbolic ritual burial of horse or complex of horse in the form of a harness in the later stage of lomovatovskaya culture (for example Rozdestvenskiy burial the Xth - XIth centuries. The place of harness in the grave and planographics features were analyzed.

Keywords: Perm Cis-Ural, Middle ages, lomovatovskaya culture, Rozdestvenskiy burial, the funeral ceremony, the bones of the horse, elements of harness

В эпоху средневековья во многих культурах Приуралья, Зауралья и Западной Сибири в погребальном обряде отмечается символическое присутствие коня в виде его отдельных частей (от шкуры, снятой вместе с головой, ногами и хвостом, до черепов, челюстей или разрозненных зубов лошади) и (или) элементов конской сбруи. Смысл этого явления можно объяснить на основе этнографических данных, полученных М.Ф. Корсаревым у сибирских народов, согласно которым умершего необходимо было снабдить транспортным средством для быстрого достижения душой-призраком потустороннего мира [8, с. 99]. В качестве таких средств передвижения у народов, занимающихся преимущественно охотой и рыболовством выступали лодки, нарты и ездовые олени, а у племен, занимающихся скотоводством, — конь [2, с. 98-102].

Публикаций, посвященных использованию коня или «комплекса коня» в виде предметов конского снаряжения в погребальном обряде, существует множество, поскольку этот элемент погребальной обрядности чрезвычайно широко распространен во времени и пространстве. В связи с этим нельзя не согласиться,

к примеру, с таким заключением: «В связи с тем, что погребения с конем довольно широко известны как у кочевых, так и у оседлых народов, разделенных огромными расстояниями и значительными временными интервалами, тенденции использования в погребальном обряде коня, главным образом как средства перемещения умершего в загробный мир и дальнейшее применение его по назначению, свойственна надэтичность» [1, с. 127]. Но вместе с тем в каждой культуре этот обряд имеет свое выражение в виде особенностей использования коня (целого или отдельных частей), его положения по отношению к погребенному, особенностей размещения в могильной яме элементов конского снаряжения и прочих нюансов, в чем фиксируется проявление этнических традиций. Кроме того, в сочетании с другими значимыми признаками, этот признак формирует характерные и своеобразные черты погребального обряда, присущего определенным археологическим культурам.

Для примера рассмотрим особенности проявления данного обряда на Рождественском (языческом) могильнике в Карагайском районе Пермского края, который принадлежит к позднему этапу ломоватовской археологической культуры [5].

Рождественский могильник относится к числу наиболее изученных средневековых могильников в Пермском крае, материалы его частично опубликованы [3]. Погребения Рождественского языческого могильника располагаются рядами, вытянутыми по линии ВСВ-ЗЮЗ вдоль течения р.Обва, могильные ямы ориентированы по линии ССЗ-ЮЮВ, реже С-Ю. В погребальном обряде господствовала ингумация, остатки костяков сохраняются очень плохо, но по имеющимся фрагментам установлено, что погребенные укладывались на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ногами к реке головой на север (с отклонением к ССЗ). Погребения обычно сопровождаются богатым инвентарем, на основании анализа которого могильник датирован концом IX–XI вв. [10].

В период полевого сезона 2017 г. при раскопках Рождественского языческого могильника была отмечена относительно высокая концентрация погребений с наличием элементов конского снаряжения. Интересно стало проследить, каким образом планиграфически на площади могильника распределяются подобные захоронения, чтобы выявить возможные закономерности в их расположении.

Проанализировав материалы всех исследованных погребений, количество которых в 2017 г. достигло 339, можно сделать вывод, что символ коня в погребальном обряде Рождественского могильника представлен в двух вариантах: разрозненные зубы лошади (в единичных случаях — челюсти) и детали конского снаряжения. В целом такие элементы представлены в 119 погребениях (35 % от общего количества изученных) (табл.).

Зубы коня выявлены в 86 погребениях (25 %), из них фрагменты челюстей или скопления, включающие более 3 зубов, — всего в 13 (табл.). Зубы зачастую располагались в верхней части заполнения могильных ям, нередко они обнару-

живались еще до фиксации погребений, то есть были уложены поверх захоронения. 60 погребений с зубами коня определены как мужские, 26 — женские, причем можно считать, что именно для женских погребений более характерно наличие челюстей лошади (9 случаев из 13).

Согласно анализу, проводившемуся И.В. Бочаровым, кости животных (преимущественно лошади) в Пермском Предуралье присутствовали в 18,5 % погребений VII–IX вв., в 17,1 % погребений IX–XI вв. и практически исчезли к XII в. [6, с. 162]. Таким образом, процент встречаемости костей (зубов) животных на Рождественском могильнике X–XI вв. выше среднего по региону.

К сожалению, кости животных из раскопок Рождественского могильника, переданные в Институт экологии растений и животных УрО РАН, еще не определены. Пока такие определения существуют только по одному средневековому могильнику из Пермского края — Запосельскому. При этом П.А. Косинцев, производивший анализ остеологического материала, выдвинул следующие предположения: 1) маловероятно, хотя и возможно, что в обрядах использовались изолированные зубы, поэтому при находке хотя бы одного зуба можно допускать наличие целой челюсти; 2) маловероятно использование в обрядах только верхней челюсти, поэтому при находках зубов верхней челюсти следует полагать, что были положены целые черепа; 3) при находках зубов из нижней челюсти — что были использованы отдельные нижние челюсти. Впервые были сделаны также возрастные определения животных, использованных в погребальном обряде, и сделан вывод о преимущественном использовании взрослых особей лошадей [9, с. 258–259]. Последнее может свидетельствовать о значении лошади в данном обряде именно как транспортного животного, а не остатков пищи или жертвоприношений, при которых, как известно, использовали молодых особей.

На плане могильника погребения с зубами лошади (выделены светло-серым) прослеживаются в большинстве рядов, где зачастую объединяются группами (рис. 1).

В погребениях зубы лошади могли размещаться в разных местах, иногда при наличии нескольких зубов фиксируется их расположение по всей площади могильной ямы, но преобладало при этом их положение в СЗ углу (32 погребения, 37 % от числа захоронений с зубами животных) или вдоль восточной стенки (в целом 53 погребения — 61 %; из них 14 — в СВ углу, 20 — в ЮВ, 19 — у восточной стенки в районе центральной части погребения) (таблица).

Детали конского снаряжения, из которых на могильнике представлены удила, подпружные пряжки и стремяна, сопровождали 52 погребения (15,3 %), при этом только в пяти погребениях сочетались удила и пряжка, в двух — удила и стремя, и в одном — удила, стремя и пряжка (таблица). Из этих погребений подавляющее большинство определены как мужские, и только два — женские. В женском погребении № 53 с большим количеством стеклянных, сердоликовых, хрустальных бус и бисера и с металлическими украшениями найдена железная пряжка [3, с. 106, рис. 61]. В женском погребении № 333, содержавшем ожерелье

из стеклянных бус и бисера, в которое входили также бронзовая клыковидная подвеска и шаровидные привески, полный поясной набор с поясными привесками, два одинаковых набора украшений обуви — каждый из пяти шумящих умбоновидных подвесок, под которыми сохранились фрагменты кожаной обуви, шерстяной ткани от носков и кости стоп, — у восточной стенки в дно могильной ямы было воткнуто стремя с расположенными внутри него удилами [11, с. 31].

Наиболее часто встречаются удила или их отдельные части (кольца, грызла), они присутствовали в 37 погребениях (10,9 %) и 5 жертвенно-поминальных ямах. В могильной яме они преимущественно располагались у восточной стенки (17 погребений), у южной стенки (в «ногах» погребенного — 12 погребений) или в СЗ углу (6 погребений) (таблица).

Все представленные на могильнике удила кольчатые (у которых поводные кольца одновременно играли роль псалиев), двух типов:

— односоставные, у которых грызло состояло из одного слегка изогнутого стержня (рис. 2/23-28). Такие удила, по мнению С.А. Плетневой, появились у кочевников-печенегов, и предназначались для более строгого управления лошадью в условиях лесистой сильно пересеченной местности; от них они «проникли далеко на север на вятские и камские городища» [13, с. 164]. Такие удила известны также на территории Волжской Болгарии и Руси в материалах с конца IX по XIII вв., но период их наибольшей популярности приходится на X–XI вв. [12, с. 193-195], что наилучшим образом согласуется с датировкой Рождественского могильника;

— двусоставные удила с небольшими петлями грызла (рис. 2/30-37, 42, 45). Такие удила территориально и хронологически были распространены очень широко и не имеют точной датировки [12, с. 197-199].

Реже в погребениях присутствуют подпружные пряжки (18 погребений — 5,3 % и 1 жертвенно-поминальная яма). Они также размещались, в основном, вдоль восточной стенки (10 погребений), у южной стенки (4) или в СЗ углу (5) (таблица). Все железные пряжки присутствовали в комплексах по одной, что свидетельствует об использовании одного подпружного ремня. По наблюдениям А.Н. Кирпичникова, подпружные пряжки встречаются по одной в захоронениях IX–XI вв. [7, с. 76]. Среди них преобладают прямоугольные и трапециевидные (рис. 3/1-13), которые появились в VII–IX вв. из степей, при этом А.Н. Кирпичников указывает, что смягченно-прямоугольные (как, напр., рис. 3/3-4, 17) и кольцевидные формы на Руси получили распространение в XI–XIII вв. [7, с. 76–77]. Пряжки «вытянутые и сдавленные с боков» (по описанию Г.А. Федорова-Давыдова) или «с волнообразно изогнутой рамой» (по А.Н. Кирпичникову) (рис. 3/14-16), судя по приведенным аналогиям, вероятно, были наиболее популярны в X–XI вв. [14, с. 46; 7, с. 76–77].

Стремена пока представлены в единичных случаях (5 погребений — 1,4 %) (таблица). В 4 погребениях они помещались у восточной стенки, при этом были воткнуты петлей в дно могильной ямы, подножкой вверх, при этом в тех

случаях, когда они сопровождались удилами, последние были уложены внутри стремени. В одном погребении стремя с удилами располагались в южной части могильной ямы в особой ямке, окруженной кольями.

Стремена принадлежат к разным типам:

— стремя без расплющивания верхней части дужки и без прорези (отдел Ж по Г.А. Федорову-Давыдову) или кольцевидное (тип V по А.Н.Кирпичникову) (рис.4/1) — X–XIII вв. [14, с. 13-14; 7, с. 48-49];

— стремяна ововидной формы с пластинчатым округлым или прямоугольным ушком (тип I по А.Н.Кирпичникову) (рис. 4/2-3, 5-6) — IX–XI вв. [7, с. 47]. Стремяна этого типа представлены четырьмя экземплярами, но все они имеют разное оформление петли. У двух стремян (рис. 4/2, 5) петля слабо раскована, имеет приплюснуто-овальную форму; у двух — раскована в достаточно тонкую пластину, в одном случае имеет вытянутую подпрямоугольную форму с треугольным завершением с небольшим прямоугольным отверстием для продергивания ремня (рис. 4/2), во втором — прямоугольную с сегментовидным отверстием (рис. 2/6);

— стремя с треугольным верхом, отличающиеся от предыдущих устройством ушка, плавно слитого с дужкой (тип II по А.Н. Кирпичникову) (рис. 4/4) — X–XI вв. [7, с. 47].

Погребения с удилами и подпружными пряжками (на плане выделены темно-серым) и погребения со стремянами (на плане черные) на планиграфии изученной части могильника образуют особые группы в виде рядов, вытянутых по линии ССЗ-ЮЮВ, перпендикулярно рядам погребений, при этом погребения со стремянами образуют отдельную группу в западной части площадки (рис. 1). Подобная ситуация прослеживалась и с погребениями, содержащими комплексы хозяйственных и ремесленных инструментов [4]. Создается впечатление, что на площади могильника существовали определенные зоны для захоронения людей разного социального и общественного статуса. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что при наличии следов наземных сооружений, нередко прослеживается взаимоперекрывание погребений. Иногда прослеживается, что отдельные погребения буквально «втискивались» между совершенными ранее захоронениями, в то время как в этих же рядах имелись свободные пространства — это, вероятно, было необходимо для того, чтобы погребенный оказался в той «зоне» могильника, которая соответствовала его общественному положению.

Анализ погребального инвентаря тех захоронений, в которых присутствовали символические «комплексы коня», не показывает их принадлежности к представителям какой-то элитарной группы, напротив, иногда зубы лошади сопровождают совсем безинвентарные погребения, в погребениях № 301 и 320, содержащих стремяна, больше почти никакого погребального инвентаря не обнаружено. Предположительно, наличие таких элементов может отражать принадлежность к определенной семье или выполнение определенной общественной функции.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать выводы о том, что:

- 1) погребения с присутствием символических «комплексов коня» являются характерными для рассматриваемого могильника и превышают средний показатель для ломоватовской культуры;
- 2) кости коня присутствуют в виде разрозненных зубов или фрагментов челюстей, что может свидетельствовать об использовании в обряде черепа или челюстей животного (хотя нельзя исключать и возможность использования отдельных зубов); они помещались в разных частях могильной ямы, но прослеживается предпочтение СЗ угла («в изголовье» погребенного) или пространства вдоль восточной стенки (слева от погребенного); преимущественно кости коня укладывались на поверхности захоронения;
- 3) из деталей конского снаряжения в погребениях достаточно было присутствия только одного элемента (удил, подпружной пряжки или стремени) или даже только их фрагмента; они, как и зубы лошади, преимущественно размещались в СЗ углу, у восточной стенки, реже — «в ногах» погребенного; взаимосвязи этих предметов с «элитарными» захоронениями не прослеживается;
- 4) на площади могильника выделяются определенные «зоны», в которых концентрируются погребения с элементами конского снаряжения.

** Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)»*

Библиографический список:

1. Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. — Киев: Наукова думка. — С. 116–129
2. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа: «Вагант». — 285 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. — Пермь: ПГПУ. — 603 с.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2015. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник Челябинского государственного университета. — № 6 (361). — С. 16–27.
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. — 2016. — Серия: История. № 1 (32). — С. 28–41.
6. Бочаров И.В. Этнокультурная интерпретация результатов анализа погребального обряда Верхнего Прикамья // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I международной научно-практической конференции. — Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1997. — С. 162–165.

7. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. — Л.: Наука, 1973. — 140 с.
8. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. — М.: «Ладога-100», 2003. — 350 с.
9. Косинцев П.А. Костные остатки животных из средневековых археологических памятников восточного побережья Чашкинского озера // Крыласова Н.Б. и др. Археологические памятники Чашкинского озера. Приложение. — Пермь: ПГГПУ, 2014. — С. 524–529
10. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2013. — № 1 (21). — С. 104–115.
11. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2017 г. / Рукопись. — Пермь: ПГГПУ, 2017. — 101 с.
12. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. — М.; Наука, 1985. — 216 с.
13. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. — М. — №62. — С. 151–226.
14. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: МГУ, 1966. — 274 с.

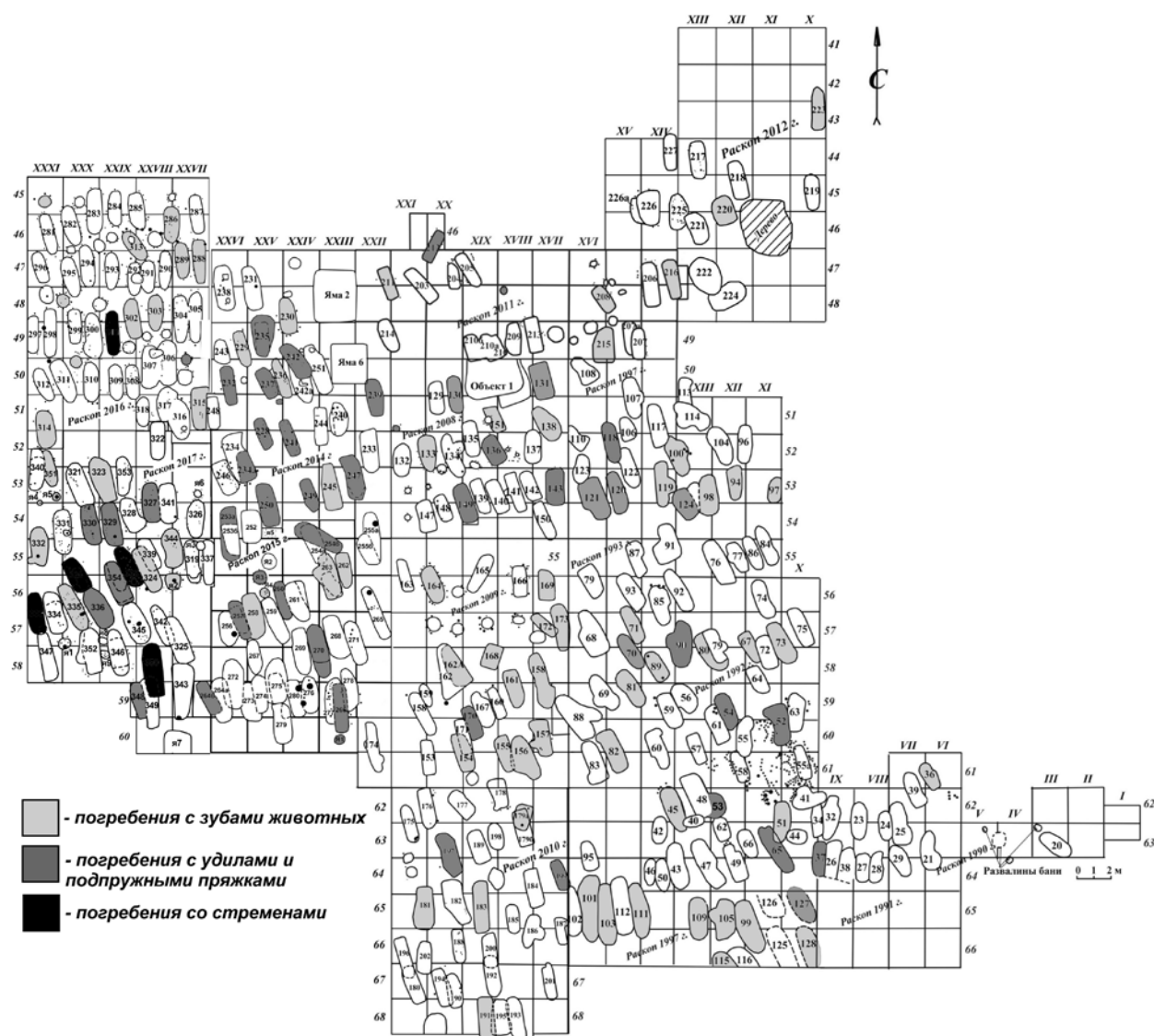

Рис.1. Сводный план раскопа I Рождественского языческого могильника с выделенными на нем погребениями, содержащими зубы лошади и детали конского снаряжения.

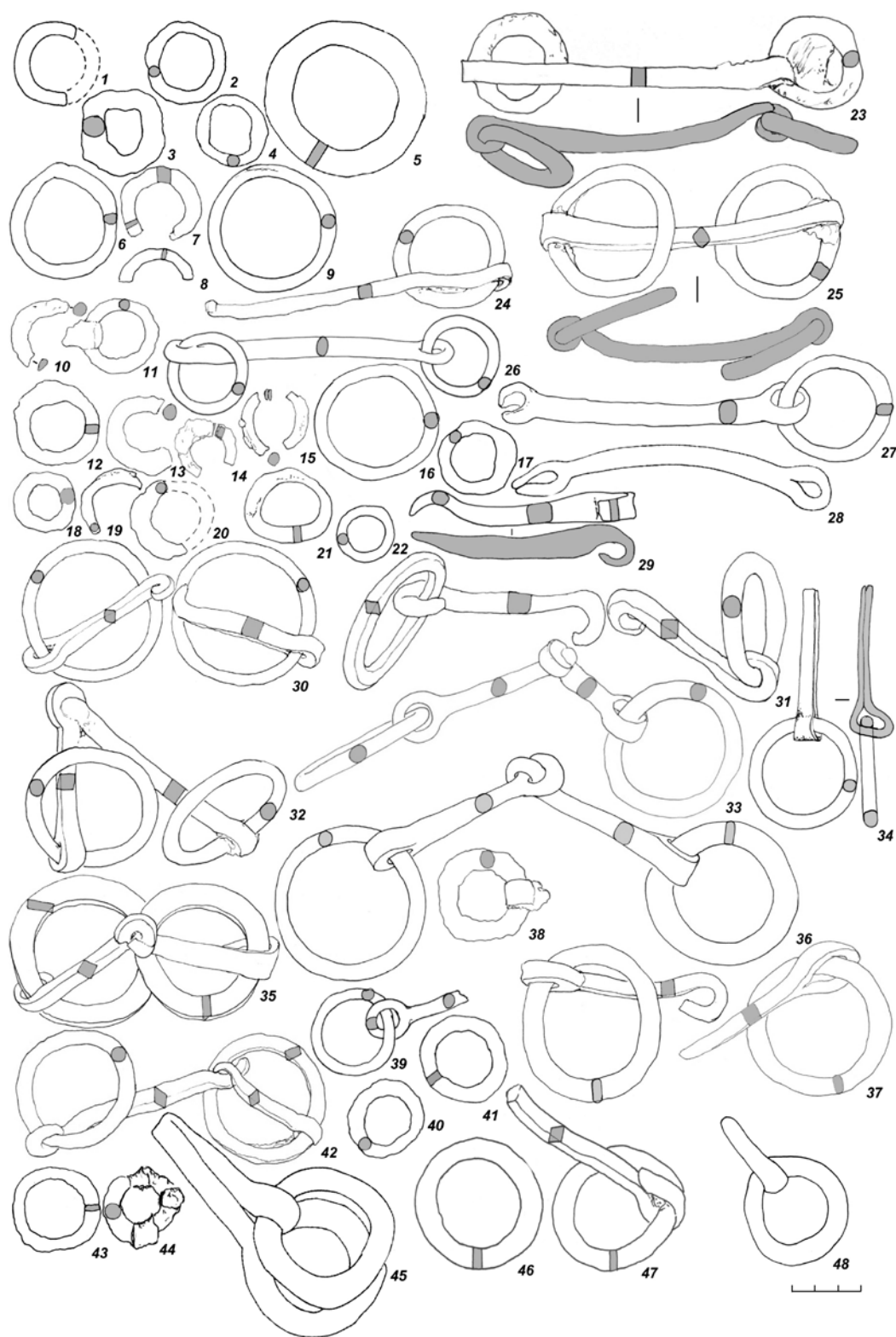

Рис.2. Удила (железо):

1- п.120, 2 – п.118, 3 – п.124, 4 – п.70, 5 – п.90, 6-7 – п.327, 8 – п.335, 9 – п.339, 10-11 – п.336, 12 – п.324, 13 – п.253А, 14 – п.234А, 15 – п.247, 16 – яма 2-11, 17 – м/м/10, 18 – п.257, 19 – п.239, 20 – п.264Б, 21 – п.242, 22 – п.197, 23 – яма 5-08, 24 – п.329, 25 – п.330, 26 – яма 16-16, 27 – п.338, 28 – п.128, 29 – п.199, 30 – п.333, 31 – п.338, 32 – п.350, 33 – п.254Б, 34 – п.241, 35 – яма 3-15, 36 – п.266, 37 – яма 1-15, 38 – п.131, 39-41 – п.212, 42 – яма 1-14, 43-44 – п.149, 45 – п.65, 46-47 – п.136, 48 – п.121.

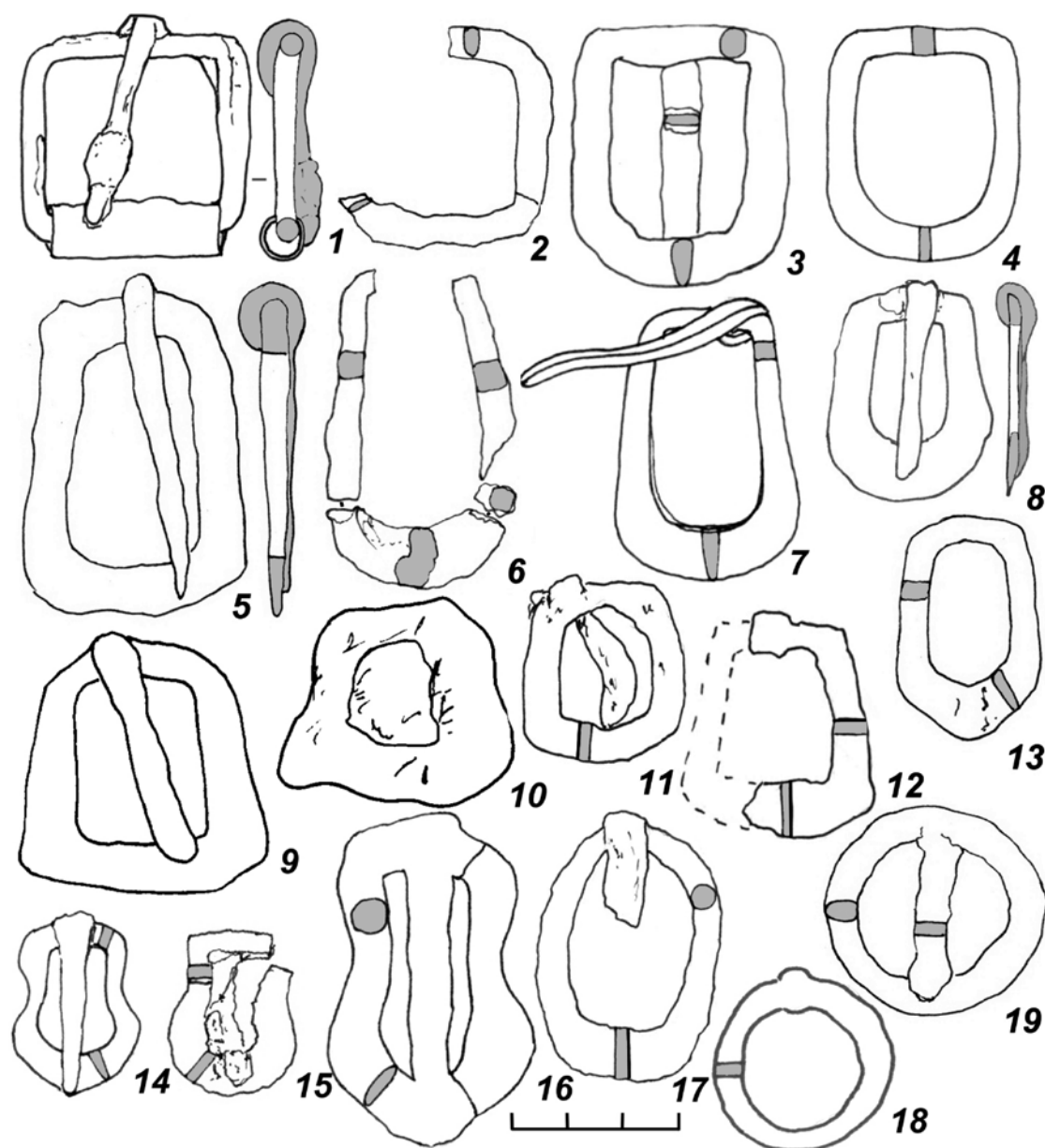

Рис.3. Подпружные пряжки (железо):

1 – п.197, 2 – п.346, 3 – п.228, 4 – п.235, 5 – яма 3-15, 6 – п.348, 7 – п.350, 8 – п.241, 9 – п.127, 10 – п.98, 11 – п.170, 12 – п.130, 13 – п.270, 14 – п.232, 15 – п.247, 16 – п.212, 17 – п.143, 18 – п.136, 19 – п.259.

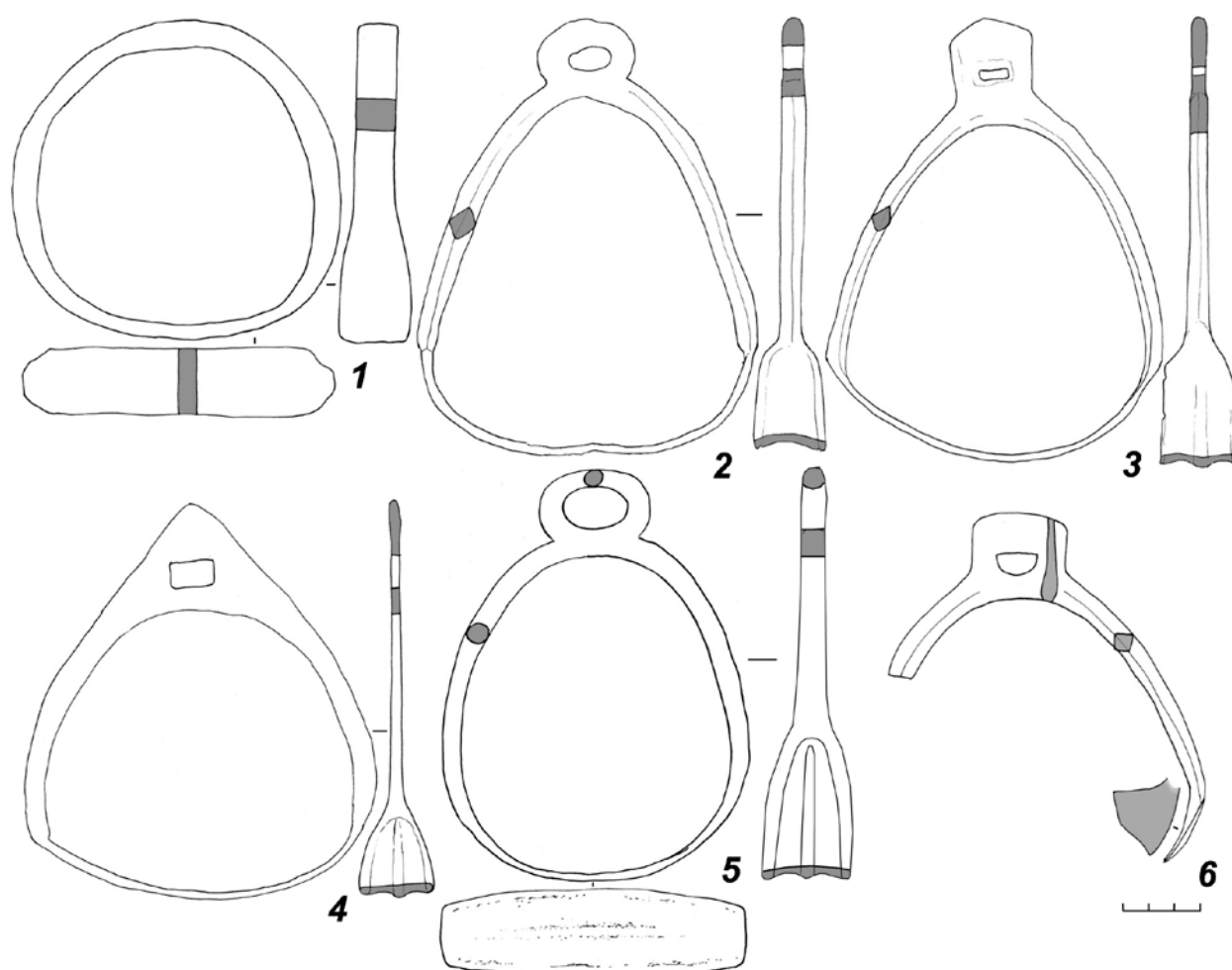

Рис.4. Стремена (железо):

1 – п.320, 2 – п.333, 3 – п.338, 4 – п.350, 5 – п.301, 6 – п/м-14.

УДК 902/904 (470.53)

Ю.А. Подосенова
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО РЕМЕС-
ЛА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

Планиграфический и стратиграфический анализ металлообрабатывающих мастерских, расположенных на крупных поселенческих памятниках Пермского Предуралья дает возможность раскрыть отдельные аспекты организации металлообрабатывающих ремесел на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. В работе рассмотрены металлообрабатывающие мастерские Опутятского городища, Чашкинского II селища, селища Запоселья, селищ Володин Камень I и II, Рождественского городища, городища Анюшкар. В работе дана краткая характеристика главных составляющих производственных комплексов – мастерских, особенностей их расположения. Большинство мастерских имело многоцелевой характер (обработка черного и цветного металла или обработка черного, цветного и драгоценного металла), что является показателем высокого уровня, функционировавшего в них производства и можно связывать с широким развитием рынка. Подобные мастерские могли изготавливать продукцию не только на внутренний, но и на внешний рынок.

Ключевые слова: эпоха средневековья, кузнечное ремесло, бронзолитейное ремесло, ювелирное дело, Пермское Предуралье, мастерские.

Yu.A. Podosenova
ON THE ORGANIZATION OF METAL CRAFT IN THE PERM CIS-
URALS IN THE MIDDLE AGES

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Planographics and stratigraphic analysis of metal-working shops located in large settlement monuments of the Perm region, provides an opportunity to reveal certain aspects of metal-working crafts in the Perm Cis-Urals in the middle ages. The work gives a brief description of the main components of the production facilities – the workshops, the characteristics of their location. Most workshops had multi-purpose (processing of ferrous and nonferrous metals or processing of ferrous, nonferrous and precious metal), which is an indicator of high-level functioning in their production and can be linked with the broad development of the market. Similar workshops were able to produce products not only in domestic but also in foreign market.

Key words: middle ages, the blacksmith's craft, bronze craft, jewelry, Perm pre-Urals, workshops

Среди средневековых поселенческих памятников Пермского Предуралья выделяются памятники с наличием в них крупных металлообрабатывающих мастерских. Это производственные сооружения на территориях Опутятского городища, Чашкинского II селища, селища Запоселья, селищ Володин Камень I и II, Рождественского городища, городища Анюшкар. Планиграфический и страти-

графический анализ этих комплексов позволяет внести новые данные в вопрос об организации и развитии бронзолитейного ремесла на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.

Ранние средневековые металлообрабатывающие мастерские были обнаружены на территории Опутятского городища, датированного второй половиной V – первой половиной VI в. [7, с. 104].

На территории памятника исследователь В.Ф. Геннинг выделил и реконструировал комплексы, где проходило изготовление изделий из черного и цветного металла (всего четыре комплекса).

Центральным сооружением каждого комплекса являлась большая яма. В каждой яме ставилась деревянная рама — ящик из досок, закрепленных по углам кольями. Стенки ящика изнутри обмазывались толстым слоем глины, а снаружи пространство между стенками ящика и ямы засыпалось землей, смешанной с глиной. Шахта печи, основу которой составляла рама-ящик, занимала лишь половину ее. Во второй половине устанавливались меха для подвода воздуха. В одних ямах дутье проводилось с одной стороны, в других — с двух противоположных. Меха были установлены на поверхности. Шахта печи загружалась рудой, смешанной с углем и флюсом (в качестве флюса служил известняк). После загрузки верх шахты закрывался толстой глиняной обмазкой, где оставлялось отверстие, через которое производилась дополнительная загрузка руды, угля и флюса. Также через это отверстие выходили и продукты горения. На дне ямы обычно находились небольшие чашеобразные углубления. К ним подходили канавки, через которые металл заливался в углубления и там застывал.

На Опутятском городище все пространство ям занимали печи, а искусственное дутье осуществлялось сверху. Только в одной яме печь занимала половину ямы, а вторая половина составляла предгорновое пространство, служившее, по предположению В.Ф. Генинга, для устройства мехов и площадки, откуда вынимали крицы.

Во всех ямах параметры печей были одинаковыми — 85–90х120–140 см. Внутренние размеры печи были не более 50–60х90–110 см., а высота шахты составляла от 0,5 до 1 м. [7, с. 104].

Недалеко от центральных ям находились наземные очаги-кострища для нагрева железных криц и для изготовления заготовок из цветного металла и их дальнейшей обработки молотками на наковальнях. Вблизи кострищ располагались небольшие ямы для хранения сырья (руды) и вспомогательного материала (уголь, вода). Каждое такое сооружение было защищено навесом, но стен не было [7, с. 104].

В пределах производственных комплексов был обнаружен и инструментарий, характерный для металлообрабатывающего производства — молот, наковальня, зубильце, ювелирные щипчики.

Крупные металлообрабатывающие мастерские были выделены и исследованы А.М. Белавиным и А.Ф. Мельничуком на селищах Володин Камень I и II. [3; 1].

На селище Володин Камень I были исследованы сооружения, связанные с выплавкой меди и бронзолитейным делом (ямы V, VI, I).

Одна из ям имела двухкамерную конструкцию, углубленную в землю. Сооружение состояло из двух разноуровневых прямоугольных по форме ям (220x200 см, глубиной от поверхности 0,8 м и 300x200 см, глубиной от поверхности до 1,25 м). Меньшая по глубине яма функционировала как предпроизводственная площадка и была закрыта навесом. В ней были обнаружены скопления мелко истолченного медистого песчаника, перемешанного с углем, и корытообразное углубление, заполненное древесным углем. Большая яма овальной формы функционировала как производственная площадка. На ее ровном дне наблюдались мощные углисто-шлаковые прослойки, заполненные большим количеством фрагментов тиглей, льячек, деталей готовых отливок (литников), кусков глиняной обмазки. По мнению исследователей, дно могло быть основанием углубленного в материк горна [3, с. 130-142; 1, с. 11-20].

Рядом с производственным сооружением были обнаружены скопления медистого песчаника и костей, которые могли использоваться в качестве флюса или в виде дополнительного топлива.

Недалеко от сооружения располагалась яма, в которую сбрасывали мусор: золу, шлаки, остатки угля и песчаника, бракованные отливки, сломанные тигли и формы для отливки слитков меди и медных сплавов в виде стержней.

На территории других двух сооружений, имеющих однокамерную простую конструкцию, также были обнаружены фрагменты керамики, медные шлаки, куски медистого песчаника, округлая обойма от медной пряжки харинского типа, капли меди и т.д. [3, с. 130-142; 1, с. 11-20].

На селище *Володин Камень II*, которое датируется VIII–IX вв., также были выделены ямы, имеющие производственный характер. Основное функциональное назначение выделенных исследователями производственных сооружений — выплавка меди из руды и дальнейшая ее очистка (ямы V и VI глубиной 0,64–0,67 м). Исследователи не исключают, что на поселении было налажено и железоделательное производство. [3, с. 130-142; 1, с. 11-20].

Возле производственных сооружений на селищах Володин Камень I и II были обнаружены жертвенные комплексы, характерные для металлургического производства. На селище Володин Камень I на вымостке из плит, сооруженной на предпроизводственной площадке, были обнаружены нижняя челюсть крупного копытного животного, бронзовая фигурка ящера, стеклянные и глиняные бусины, разломанные пряслица и височное украшение. На селище Володин Камень II на глинобитной площадке перед производственным сооружением также были обнаружены челюсть крупного копытного животного, бронзовая фигурка ящера, личные вещи мастера [3, с. 130-142; 1, с. 11-20].

Производственные сооружения этих селищ функционировали в VIII–IX вв.

Мастерские, связанные с обработкой черного и цветного металла, были обнаружены при раскопках археологических памятников Чашкинского озера — на селищах Чашкинское II и Запоселье [10, с. 223-247; 8, с. 49-64].

При исследовании Чашкинского II селища, датируемого IX–XII вв., было обнаружено достаточно много производственных объектов, связанных одновременно с обработкой черного и цветного металла [10, с. 223-247].

Производственные объекты этого памятника группируются в комплексы, являющиеся отдельными мастерскими. В настоящий момент можно выделить 10 мастерских, расположенных на этом памятнике. Каждый комплекс включал подочажную яму (только в одном комплексе их было две — комплексе, представленном ямами 2/80,3/80 и III/84) и один или несколько простых очагов [10, с. 225, 246; 8, с. 49-64].

Отдельные комплексы–мастерские представлены следующими основными производственными объектами — ямами 2/80,3/80 и III/84; ямой 1/84; ямой 1/80; ямой V-I/84; ямой VI-I/84 и 1/88; ямой 2/87-88; ямой 1/89; ямой 2/91; ямой 1/91; ямой 1/04. Внутри ям и рядом с ними были обнаружены фрагменты керамики, фрагмент глиняного сопла, обожженные кости, железные и медные предметы (изделия и заготовки), куски железной крицы, шлака, куски медистого песчаника. Также был обнаружен и богатый инструментарий мастеров — это зубила, бородки, сверла, кузнечные клещи, молотки, резцы, ювелирный пинцет, фрагменты тиглей и льячек. [10, с. 223-247;]. В ямах 2/87-88 и 1/91 были обнаружены куски белой коалиновой глины, используемой для изготовления литейных форм [10, с. 232,236; 4]. А недалеко от одной из мастерских (представленной ямой 1/80) был обнаружен специфичный для материалов Пермского Предуралья керамический сосуд — сфероконус, который мог использоваться местными мастерами-ювелирами для перевозки ртути [10, с. 225].

Как отмечают исследователи, основными производственными объектами в комплексах были прямоугольные очаги с подочажными ямами (попечьями) и их вариант — прямоугольные ямы, конструкция которых была осложнена наличием прямоугольного приямка у одной из длинных сторон. [10, с. 242].

Аналогии производственных сооружений с других средневековых памятников Пермского Предуралья (в частности, Рождественского городища) позволили исследователям реконструировать такие сооружения: «стенки ямы облицовывались тесом, за счет чего они оставались вертикальными, а яма в плане имела форму четырехугольника с четко обозначенными границами и прямоугольный профиль; на ровном дне обычно прослеживаются столбовые ямки, расположенные по углам или по периметру ямы — они связаны с опорами деревянного настила, устроенного над ямой: настил покрывался слоем глины (иногда с включениями крупных камней), который служил подушкой очага. В ряде случаев куски обожженной глиняной обмазки, встречающиеся вокруг подобных ям, могут свидетельствовать и о наличии надземной части сооружений с каркасом из

прутьев, обмазанной глиной. В подпечье сбрасывали мусор — кости животных, разбитую посуду, шлаки, если сооружение использовалось для производственных нужд». [10, с. 242].

Размеры таких ям на Чашкинском II селище в длину составляли от 1,3 до 3,6 м, в ширину — от 1 до 2,6 м, а глубина варьировалась от 0,6 до 1,65 м от поверхности.

Вблизи мастерских на открытых площадках или в небольших углублениях располагались и очаги простого типа, очаги с каменным основанием и очаги на глинобитных подушках, а также фиксировались остатки кострищ непродолжительного горения [10, с. 245-246].

Комплексы-мастерские располагались друг от друга на расстоянии в 2–20 м и были вынесены на периферию поселения подальше от жилой части [10, с. 247]. Практически все комплексы являлись производственными сооружениями, где проводилась обработка как черного, так цветного и драгоценного металла.

Период функционирования металлообрабатывающих мастерских на Чашкинском II селище — вторая половина XI – начало XIII в.

Необходимо отметить, что практически при каждой мастерской были обнаружены ритуальные жертвенные комплексы. В яме 1/91 по углам и в центре на дне ямы были расставлены сосуды по внешнему виду близкие к погребальной посуде. Дно ямы 2/91 почти полностью было выложено челюстями крупных копытных животных. В ямы 1/80, 1/91, 1/84, 1/88 были помещены ральники или фрагменты жерновов [10, с. 245].

На селище Запоселье I, датированном VII-XIII и расположенном вблизи от Чашкинского II селища, также были обнаружены сооружения, связанные с обработкой черного и цветного металла.

Одна из ям (яма X), имела сходство с изученными подочажными ямами Чашкинского II селища (четырёхугольная форма, разрушенная глинобитная подушка очага, насыщенного слоя углями и шлаками внутри ямы), но имела значительно меньшие размеры (глубина 0,8 и 0,8×0,9 м.). Над ямой возводилась конструкция [10, с. 298-299].

В заполнении ямы было обнаружено большое количество углей, фрагментов обожженной глиняной обмазки, шлаков, мелких кальцинированных костей, фрагменты керамических сосудов, тиглей. Предметы, связанные с производственным предназначением этой ямы, были обнаружены и рядом с ней — это бронзовые и железные изделия и инструментарий — ювелирные тисочки, ложка-льяхка.

С производственным предназначением, одним из которых было изготовление изделий из металла, были связаны и ямы 13 и 16, входящие в один комплекс (сооружение), имеющий сложную конструкцию. [10, с. 300-301]. При разборке ям были обнаружены фрагменты керамики, кости, шлаки, куски глиняной обмазки, фрагменты ошлакованных тиглей, брикеты сырой белой и красной глины, куски железных криц.

Анализ предметов, обнаруженных в данных ямах и в культурном слое памятника (шлаки, обломки тиглей, льячки, фрагмент литейной формы, бронзовый пинцет) позволил исследователям сделать вывод о наличии на поселении Запоселье I развитого металлургического производства.

Яма (яма X) производственного назначения датируется исследователями VIII в., производственное сооружение (связанное с ямами 13 и 16) — X–XI вв. [10, с. 476–480]

Необходимо отметить, что в настоящее время селище Запоселье I, Чашкинское II селище относятся исследователями к единому крупному производственному поселку [5, с. 162–163].

Достаточно много объектов, связанных с обработкой цветного металла, выявлено при исследовании Рождественского городища [5, 11]. При описании характеристик производственных сооружений Чашкинского II селища уже описывалась реконструкция основных производственных сооружений, разработанная именно на материалах Рождественского городища (см. выше) [10, с. 242].

Наиболее крупные производственные сооружения были обнаружены при исследовании памятника в 2008 г. и 2011–2012 гг.

Первое сооружение (объект 1, раскопки 2008 г.) имело достаточно сложную форму — в виде обширного подпрямоугольного котлована размерами 6х3,7 м и примыкающего к нему с севера подчетырехугольного выступа размерами 3,6х2,1 м. В сооружении были зафиксированы очаги больших и малых размеров. Под одним из них, представленным округлой чашевидной ямой (яма 5/1, диаметром 0,8 м, глубиной 2,31 м), были обнаружены фрагменты пяти подцилиндрических тиглей со сливами, две ложки-льячки. Н.Б. Крыласова, автор раскопок и исследователь Рождественского городища, предполагает, что здесь находился особый участок, где занимались бронзолитейным и кузнечным делом [12, с. 11–17].

Достаточно крупный производственный комплекс по обработке черного и цветного металла был обнаружен в 2011–2012 гг. Комплекс был вписан в лог, располагающийся недалеко от обрыва к р. Обва (позже лог был засыпан). Внутри мастерской (шириной 6 м) были зафиксированы остатки многочисленных очажных устройств разного характера. Некоторые из них использовались в течение непродолжительного периода, но несколько сооружений фиксировались от верхних слоев заполнения лога до материка.

Среди продолжительных сооружений интересны остатки двух горнов. Наиболее сохранившийся горн в основании имел овальную яму 2,2×1,9 м с ровным дном глубиной свыше 2 м от поверхности и слегка наклонными стенками. Дно и стенки были укреплены деревянной конструкцией; над ямой был сооружен дощатый настил, на котором была установлена деревянная рама размерами 2×1,5 м, заполненная толстым слоем глины (до 25 см) [11, с. 27–41].

Второй горн также был устроен аналогично — над овальной ямой, глубина которой достигала 3,4 м от поверхности. На дощатом настиле с восточной стороны ямы располагалась глинобитная подушка с остатками каменной кладки.

Предметы и анализ расположения находок в мастерской могут свидетельствовать о том, что это производственное сооружение первоначально было ориентировано на литейное производство, а кузнечное производство было дополняющим. В нижних слоях мастерской были обнаружены предметы, связанные с бронзолитейным производством — весовые гирьки, целые тигли и их фрагменты, медные шлаки, всплески меди, ложки-лячки, форма-изложница, бронзовые слитки, около 200 предметов из цветного и драгоценного металла, полуфабрикаты из кусков проволоки и фрагментов прутков, бракованные отливки, обрубленные литники и т.д.

К позднему этапу своего существования мастерская была ориентирована на кузнечное производство, так как в верхних слоях мастерской преобладали находки железных шлаков, криц, кузнечных заготовок, изделий из железа (более 300).

Мастерская функционировала в период XI – начала XIII в. Как отмечают исследователи, в мастерской могло работать более десятка ремесленников, а продукция мастерской была ориентирована на местный рынок [11, с. 41].

Мастерские Рождественского городища располагались отдельно от жилой части поселения. В производственных сооружениях Рождественского городища также были встречены жертвенные комплексы или объекты, имеющие ритуально-производственный характер. Так, например, при расчистке каменной кладки второго горна было обнаружено скопление костей крупных копытных животных, среди которых преобладали кости ног с копытами и черепами [11, с. 30].

На Кыласовом (Анюшкар) городище, датированном X–XV вв., было обнаружено наземное металлургическое сооружение, имевшее ульевидную форму, сложенную из камней, кусков песчаника, скрепленных глиной, и заключенное в деревянную раму. Камни лежали в 2–3 ряда друг над другом. Сохранившаяся высота кладки составляла 50 см. Внутренняя поверхность горна была небольшой (45×80 см) и заполненной песком и золой. Устье горна узкое 20×30 см. Около печи находилась большая яма (предгорновая), где были найдены крицы, куски железа, обломки тигля, лячки, литейные формы. Там же была обнаружена и массивная глиняная труба — сопло. Сооружение входило в состав кузницы и использовалось для производства железа и изделий из цветного металла [14, с. 83]. Мастерская была расположена отдельно от жилых построек.

Таким образом, главными составляющими производственных комплексов крупных поселенческих памятников являлись прямоугольные очаги с подочажными ямами (подечьями), являющиеся основным объектом в производственном сооружении; наземные или немного углубленные в материк очаги-кострища; ямы для хранения сырья и вспомогательного материала. Некоторые мастерские

состояли из нескольких отдельных сооружений. Для производственных целей использовалось и открытое пространство у мастерской.

Уже со второй половины V в. (с харинского этапа ломоватовской археологической культуры) на территории Пермского Предуралья функционируют специализированные металлургические центры, поселки. Появление больших мастерских на крупных археологических памятниках Пермского Предуралья (Рождественское городище, Анюшкар) происходит позже — вероятнее всего в X–XI вв. В то же время, наряду со специальными производственными сооружениями, металлообрабатывающие работы зафиксированы и в пределах жилищ. Как отмечают исследователи: «такая ситуация является типичной для средневековых памятников Пермского Предуралья, где одно очажное устройство, расположенное или в специализированном производственном сооружении, или прямо в жилище, использовалось и для нагрева железа при кузнечной обработке, и для выплавки цветных металлов. Причем очаг, находящийся в жилище, одновременно служил и для бытовых целей» [5, с. 386].

На большинстве памятников при производственных сооружениях или объектах были обнаружены культовые комплексы. А.М. Белавин связывает наличие жертвенных или культовых комплексов в пределах металлургических сооружений с проведением определенных обрядов перед началом плавки [5, с. 244]. Чаще всего, в «металлургические» жертвенные комплексы входили кости и челюсти крупных животных, личные вещи мастера, плакетки пермского звериного стиля, ральники и обломки жерновов. Кроме указанных памятников, «металлургические» жертвенные комплексы были обнаружены при исследовании мастерских Городищенского городища (обгорелое зерно, фрагменты жернова, деревянный идол) [2, с. 130-142], в ритуальной яме под остатками металлургического комплекса Эсперова городища (фрагменты украшений, череп крупного животного, амулет, копоушка) [7, с. 28-30], в жертвенной яме рядом с металлургической печью Редикарского городища (кости животных, амулет из клыка медведя, жезл шамана с головой коня, металлической пластина) [13, с. 265-298].

Крупные мастерские располагались в определенной отдаленности от жилой части поселений, занимали периферийные участки поселенческих памятников (Рождественское городище, городище Анюшкар, Чашкинское II селище), что было вызвано пожарной безопасностью.

Наличие в металлургических сооружениях по обработке черного и цветного металла ювелирного инструментария, фрагментов изделий из драгоценного металла и отдельных изделий, выполненных в разных ювелирных техниках, позволяют говорить о существовании в пределах одной мастерской разных направлений металлообработки. Мастерские являлись многоцелевыми. Как отмечают исследователи, сочетание в одних мастерских различных видов металлообработки является показателем высокого уровня, функционировавшего в них производства, а возникновение многоцелевых мастерских нужно связывать с широким развитием рынка. Подобные мастерские могли изготавливать достаточно об-

ширный ассортимент продукции, быстро и гибко реагировать на возникающие потребности рынка и его заказы [9, с. 61].

Крупные размеры мастерских, расположенных на территории торгово-ремесленных поселенческих памятников и появление металлургических поселков, а также многоцелевой характер мастерских, может свидетельствовать о производстве продукции, ориентированной не только на внутренний рынок, но и на внешний. В качестве товара, за пределы Пермского Предуралья могли вывозиться готовые сплавы цветных металлов в слитках. О производстве слитков металла на крупных средневековых металлургических поселениях и в крупных мастерских торгово-ремесленных поселенческих памятников, свидетельствуют как находки самих форм изложниц, так и слитков.

**Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-46-590037 р_а «Ландшафты речных бассейнов м древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене»*

Библиографический список

1. Белавин А.М., Мельничук А.Ф. Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Сборник научных трудов. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1984. — Вып. 2. — С. 10–20.
2. Белавин А.М. Городищенское городище на реке Усолке // Приуралье в древности и в средние века. — Устинов: УдГУ, 1986. — С. 130–142.
3. Белавин, А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I — начале II тыс. н.э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья: сборник научных трудов. — Йошкар-Ола:МарГУ, 1987. — С. 117–130.
4. Белавин А.М. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск, УдмИИ-ЯЛУРО РАН, 2001. — С. 139–147
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. — 563 с
6. Бординских Г.А. Работы Соликамского музея // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: УдГУ, 1991. — С.28–30
7. Генинг В.Ф. Опутятское городище — металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. — Ижевск: Удм. ун-т., 1980. — С. 92–135.
8. Головчанский Г.П. Чашкинское II поселение — крупнейший неукрепленный памятник родановской культуры в Верхнем Прикамье / Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук, А.В. Рублев, С.В. Скорнякова // Вестник Пермского университета. — 2011. — Вып. 1(15) — С. 42–69.
9. Зайцева И.Е. К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. — Санкт Петербург: Изд-во СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. — С. 61–63

10. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера — Пермь: ПГГПУ, 2014. — 565 с.
11. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. — 2015. — № 4. — С. 27–41
12. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2008 году. — Пермь, 2009. — 63 с. // Архив МАЭ ПГГПУ
13. Оборин В.А. Коми–пермяки // Финно–угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УдГУ, 1999. — С. 255–298
14. Орехов М.П. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период: дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2006. — 338 с.

УДК902

А.В. Данич**УКРАШЕНИЯ РУК (БРАСЛЕТЫ) ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ)***Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерация*

В статье обобщаются такие украшения рук, как браслеты, полученные из раскопок в ходе многолетних исследований Питер (Степаново Плотбище) могильника, исследованного в 1997–1999, 2001 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета.

Несмотря на разрушение целостности слоя объекта археологического наследия, собранная информация позволяет внести новые данные в характеристику ломоватовской археологической культуры на территории Пермского Предуралья.

В работе впервые обобщен значительный материал IX–XI вв. из археологических раскопок, не введенный в научный оборот.

Ключевые слова: *Пермское Предуралье, ломоватовская культура, браслет, могильник.*

A. V. Danich**JEWELRY (BRACELETS) FROM THE EXCAVATIONS OF PETER BURIAL GROUND (STEPANOV'S RAFTING GROUND)***Perm state humanitarian pedagogical University, Perm, Russian Federation*

The article summarizes such jewelry hands like bracelets, obtained from the excavations in the course of years of research Peter (Stepanov's rafting ground) burial ground investigated in 1997–1999, 2001, a detachment of the Kama archaeological expedition of Perm state pedagogical University.

Despite the destruction of the integrity of the object layer of the archaeological heritage, the information collected allows you to add new data to a feature lomovatka archaeological culture on the territory of the Permian CIS-Urals.

For the first time summarizes the important material IX–XI centuries from archaeological excavations, is not introduced into scientific circulation.

Key words: *Perm pre-Urals, lomovatka culture, a bracelet, a burial ground.*

Одним из интереснейших памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья является Питер (Степаново Плотбище) могильник, находящийся у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы, высотой до 40 м.

В результате работ площадь вскрытой поверхности составила 675 м² и было исследовано 21 погребение, удалось проследить детали погребального обряда — формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

По обряду погребения и по вещевому материалу Питер (Степаново Плотище) могильник может быть датирован IX–XI вв.

Целью данной работы является обобщение и введение в научный оборот материалов, полученных Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) в 1997–1999, 2001 гг. [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 37].

За период работ на могильнике обнаружено 42 браслета и их фрагмента, изготовленных из бронзы и серебра.

В современной науке браслеты являются значимым историческим источником. Данные украшения, существующие и изменяющиеся в течение продолжительного периода времени, датируют комплексы, в которых они встречаются. Они демонстрируют исследователю консервативность и устойчивость традиционной культуры, социальное положение людей, этническую принадлежность того или иного населения, уровень развития ремесла и мировоззренческие взгляды. Исследование их пространственного распределения позволяет проследить торговые и культурные связи между соседними и более отдаленными регионами. Изучение техники изготовления браслетов дает возможность определить центры производства отдельных типов браслетов, выделить среди них продукцию местных мастеров и привозные вещи.

Браслеты несли в себе две основные функции: первая — защита человека от воздействия злых духов, вторая — эстетическая функция. Эстетическая функция украшений заключается в том, что они придают костюму законченность и декоративную выразительность.

Все браслеты с могильника можно поделить на 3 большие группы: плоские, плетеные и прутковые (дротовые).

Группа 1 — **плоские** (14 экз., рис. 1/1-10).

Подгруппа 1 — литые бронзовые (8 экз., рис. 1/1-4).

Тип 1 — узкие пластинчатые браслеты с прямыми концами (8 экз., рис. 1/1-4).

Вариант 1 — неорнаментированные (2 экз., рис. 1/1, 3, бронза).

Вариант 2 — с небольшим утолщением на конце. Утолщение украшено точками, нанесенными в хаотичном порядке (1 экз., рис. 1/2, бронза).

Вариант 3 — с небольшим утолщением на конце. Утолщение орнаментировано тремя поперечными полосками (5 экз., рис. 1/4, бронза).

Подгруппа 2 — пластинчатые (6 экз. рис. 1/5-10). Вырезаны из бронзовой пластины.

Тип 1 — узкий пластинчатый браслет с прямыми концами (1 экз., рис. 1/5 бронза). Браслет небольшого диаметра (детский). Один конец браслета не орнаментирован, второй имеет незначительное расширение в виде волнистого края, обрамленного небольшими вдавлениями.

Тип 2 — с круглым расширением на концах (6 экз., рис. 1/5-10).

Вариант 1 — неорнаментированный (1 экз., рис. 1/7 бронза).

Вариант 2 — браслет украшен двумя продольными желобками, круглое расширение на конце не орнаментировано (1 экз., рис. 1/6 бронза).

Аналогичный по стилистике браслет известен в Чежтыгском могильнике [22, рис. 2/33].

Вариант 3 — литой браслет украшен тремя продольными желобками, круглое расширение на конце орнаментировано продолжением этих желобков, крайние из которых приобретают форму полукруга (1 экз., рис. 1/9 бронза).

Вариант 4 — браслет украшен двумя продольными желобками и тремя продольными рядами циркульного орнамента, круглое расширение на конце не орнаментировано (1 экз., рис. 1/8 бронза).

Аналогичные браслеты представлены на памятниках X–XIII вв. Пермского Предуралья — Мало-Аниковском могильнике, городище Острая Грива, в окрестностях д. Омелино Чердынского района [5, с. 100].

Вариант 5 — бронзовая основа браслета украшена двумя продольными желобками и позолотой, по которой нанесен множественный циркульный орнамент в хаотичном порядке. Круглые расширения конца браслета украшены серебряными каплевидными накладками. Каждая накладка украшена круглой вставкой из синего стекла, пояском скани вокруг нее, двумя поясками скани по краю и пирамидками зерни по всему полю накладки (1 экз., рис. 1/10, бронза, серебро, позолота, стекло).

Аналогичные браслеты известны в Пермском Предуралье на Агафоновском II могильнике в материалах XI в. [10, с. 45, рис. 2/58], на Саломатовском и Рождественском городищах (раскопки А.М. Белавина), Рождественском могильнике [6, с.371, рис.183/5-7], в дореволюционных сборах из Чердынского уезда [43, с.644/В].

Также подобные браслеты имеются в материалах Мрясимовских курганов Южного Урала XI–XII вв. [29, рис. 74/6], на Чежтыгском могильнике конца XI–XII вв. на р.Вычегде [22, рис. 2/33], на территории Удмуртии в материалах X–XIII вв. [21, рис. 64/10; 40, рис. 3/10], в Биляре [34, рис.1/31], в Белоозере [11, рис. 5/14], в могильнике у Барсова городка в Приобье [1, рис. 50, 184; 4, рис. 17]. Форма для отливки подобных браслетов известна в Поочье [30, рис. 48/4]. К.А. Руденко датирует похожий браслет последней четвертью XII в. [35, с. 189].

Группа 2 — **плетеные** (2 экз., рис. 1/11-12; 2/4-5).

Подгруппа 1 — плетеные из трех проволок (1 экз., рис. 1/11; 2/4-5).

Тип 1 — браслет, выполненный плетением в виде косички из трех серебряных проволок. Концы браслета раскованы и на них припаяны каплевидные се-

ребряные накладки. Центральная часть накладок украшена каплевидными вставками из сердолика. Торцевая часть имеет высоту 6 мм и украшена орнаментом в виде шариков (1 экз., рис.1/11, серебро, сердолик).

Вероятно, к этому же типу принадлежат фрагмент серебряного браслета (1 экз., рис.2/4, серебро) и сердоликовая каплевидная вставка (1 экз., рис. 2/5, сердолик). Фрагмент браслета представляет собой серебряную каплевидную накладку с отверстием под вставку. Торцевая часть накладки украшена орнаментом в виде шариков. К нижней части накладки припаяна серебряная проволока, которая являлась составной частью плетеного браслета.

Плетеные браслеты со вставками широко распространены на территории Западной и Восточной Европы с IX–X вв. В XI в. они встречаются на поселениях и могильниках Среднего Поволжья, с X в. в болгарских древностях. В отличие от других категорий болгарских изделий, эта продукция болгарских ювелиров была популярна и за пределами Волжской Булгарии. Ареал их распространения охватывал те районы, которые входили в зону экономических интересов Волжской Булгарии: в XI–XII вв. — от Рязанского и Владимиро-Суздальского княжества и до Вятки и Вычегды. Но даже там это единичные находки. Массового импорта плетеных браслетов не было. На Урале и Зауралье плетеные браслеты не встречены [35, с. 176].

Аналогичные браслеты известны на Кичилькоском I могильнике в республике Коми [44, рис. 3/23], Нижневычегодском могильнике, Чежтыягском могильнике, на памятниках Волжской Булгарии, в том числе в коллекциях болгарских кладов на территории Волго-Камья и в Биляре [33, с. 323-348; 42, рис. 73, 74; 8, с.198; 32, с. 186]. Встречены они и на территории домонгольской Руси, например, в Новгороде, в слоях XII–XIII вв. [38, с. 102], в древнерусских кладах, датированных концом XI – началом XII в. [26, табл. XIII/2; XIV/1], в Старой Рязани в составе клада XIII в. [19, с. 5, 8, табл. XX]. Известны они на Вычегде [36, рис.1/25], в Финляндии [46, taf.129, abb.1023], в Приполярье (Архангельский клад) [31, илл. 5/1].

Вставки каплевидной формы встречены на плетеных браслетах в вятчевских могильниках XI–XII вв. и в Новгороде [20, с. 233, рис. 109/6; 38, с. 97, рис. 34/13]. В Поветлужье и Приочье плетеные браслеты с каплевидными шатонами встречаются с XI в. В XII–XIII вв. единичные экземпляры встречаются в Поветлужье, но сплетены они из 2 проволок [3, рис. 31/3].

Наш браслет, скорее всего, русского происхождения, о чем говорит плотное плетение, которое отличает его от ажурного плетения болгарских мастеров.

Подгруппа 2 — плетеные из четырех проволок (1 экз., рис. 1/12).

Тип 1 — браслет, выполненный в виде скрутки из четырех бронзовых проволок (1 экз., рис. 1/12 бронза).

В Пермском Предуралье аналогичный браслет известен в Загарском могильнике [5, с. 101, рис. 44/3].

В Предуралье витые браслеты получили широкое распространение от Чепцы до Вычегды [5, с. 100]. Витые браслеты производились булгарами по аналогии с витыми гривнами. Подобные браслеты наиболее характерны для периода XI–XII вв., т.е. для расцвета болгарского ювелирного ремесла.

В Пермском Предуралье находки подобных браслетов известны в бассейне р. Обва, в Чердынском районе, на территории Коми-Пермяцкого округа, на Саломатовском городище [5, с. 101].

Группа 3 — **прутковые (дротовые)** (24 экз., рис. 2/1-3, 6-14).

Подгруппа 1 — круглого сечения (21 экз., рис. 2/1-3, 6, 8-12).

Тип 1 — неорнаментированные (16 экз., рис. 2/1, 8, 10, 12).

Подтип 1.1 — с округлыми концами, той же толщины, что и браслет (9 экз. рис. 2/1 бронза).

Подтип 1.2 — со слегка расширяющимися концами (1 экз., рис. 2/8 бронза).

Подтип 1.3 — с уплощенными концами для крепления накладок (3 экз., рис. 2/10 бронза).

Подтип 1.4 — с приостренными концами (3 экз., рис. 2/12 бронза).

Браслеты подобного типа широко встречаются на памятниках Пермского Предуралья, например, в Огурдинском могильнике [7, рис. 56/5-6], Баяновском могильнике (раскопки А.В. Данича), Рождественском могильнике [6, рис. 184/1-4], селище Запоселье [28, рис. 264/14].

Они хорошо известны на раннебулгарских памятниках IX–X вв. [24, рис. 22/16-17] и в более поздних булгарских материалах X–XI вв., например, в Биляре [34, рис. 2/24, 3/1], в курганах Южного Урала IX–X вв. [29, рис. 21/2; 34/5-6, 31, 33, 35; 40/17; 41/6], в материалах Варнинского могильника IX–X вв. [39, табл. II/25], остаются массовыми и в более позднее время [23, рис. 41/1-9]. В материалах Рождественского могильника встречаются до конца X в. [27, с. 107, рис. 1/49].

Тип 2 — с кружковым орнаментом (5 экз., рис. 2/2-3, 6, 9, 11).

Подтип 2.1 — с закругленными концами и тремя группами кружкового орнамента, расположенными на равном расстоянии друг от друга (1 экз. рис. 2/2, серебро).

Подтип 2.2 — с прямо срезанными концами, полностью орнаментированные (2 экз., рис. 2/3, 9, бронза).

Подтип 2.3 — с расширяющимися орнаментированными концами (2 экз., рис. 2/6, 11, бронза).

Такие браслеты являются характерными для памятников Пермского Предуралья IX – начала XI в., известны в поломских могильниках IX–X вв. [9, с. 42, табл. II/9; 21, рис. 19/9; 39, табл. II/33-34; 40, рис. 3/1-2; 41, рис. 13/3], раннебулгарских могильниках IX–X вв. [24, рис. 22/18; 62/1-2; 73/43], в курганах Южного Урала IX–X вв. [29, рис. 44/8; 56/5]. Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на болгар-

ских памятниках X–XI вв. [23, с. 122; 45, рис. 7/7-8], в могильниках Марийского Поволжья [2, с. 144, рис. 31]. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

Подгруппа 2 — граненые (3 экз., рис. 2/7, 13).

Тип 1 — неорнаментированные, уплощенной формы (2 экз., рис. 2/7, 13, бронза).

Таким образом, в материалах могильника было исследовано 42 браслета и их фрагмента из бронзы и серебра. Все их можно разделить на 3 группы: плоские (35%), плетеные (5%), прутковые (60%). Преобладали прутковые (дротовые) браслеты круглого (87,5%) и граненого (12,5%) сечения. Намного реже встречаются плоские браслеты. Они представлены литыми (57,1%) и пластинчатыми (42,9%) образцами. И совсем редко, всего 2 раза, встречены плетеные серебряные браслеты. Большинство браслетов имеют широкие аналогии на памятниках IX–XI вв. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

Библиографический список

1. Арне Т.Й., 2005. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. — Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий. — 182 с.
2. Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX-X вв. К вопросу о происхождении народа. — Йошкар-Ола: Мар. КН. изд-во. — 200 с.
3. Архипов Г.А., 1986. Марийцы в XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. — 163 с.
4. Барсова гора, 2002. — Сургут.
5. Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь: ПГПУ — 200 с.
6. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. — Пермь: ПГПУ — 603 с.
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012. Огурдинский могильник. — Пермь: ПГПУ. — 259 с.
8. Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. — Куйбышев. — 232 с.
9. Генинг В.Ф., 1962. Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII-IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. Вып.3. — Свердловск: УрГУ. — С.7–111.
10. Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. — Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. — С. 39–61.
11. Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М.: Наука. — 212 с.
12. Данич А.В., 1997. Отчет о разведочных работах в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области в 1996 году. // Архив ИА РАН, ф. р-1, д.

13. Данич А.В., 1998. Отчет о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1997 году. // Архив ИА РАН, ф. р-1, д. ...
14. Данич А.В., 1999. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника. // Археологические открытия 1997 г. — М. — С. 203–205.
15. Данич А.В., 1999а. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в 1997 году. // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Пермь. С. 124–127.
16. Данич А.В., 2000. Отчет о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1999 году. // Архив ИА РАН, ф. р-1, д.
17. Данич А.В., 2002. Отчет о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2001 г. // Архив ИА РАН, ф. р-1, д.
18. Данич А.В., 2014. Отчет о мониторинге объектов археологического наследия в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2014 г. // Архив ИА РАН, ф. р-1, д.
19. Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1978. Клад из Старой Рязани. — М. — 39 с.
20. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. — М: Изд-во «Индрик». — 404 с.
21. Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. — Ижевск. — 308 с.
22. Истомина, Т.В., 1992. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. — С. 127–136.
23. Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. — Казань: Тат. кн. изд-во. — 176 с.
24. Казаков, Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. — М.: Наука. — 335 с.
25. Казаков Е.П., 2001. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья. // XV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов международной научной конференции. — Оренбург: ОГПУ. — С. 160.
26. Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. — М., Л. — 158 с.
27. Крыласова Н.Б., 2013. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае). // Вестник Пермского университета. Серия История. Выпуск 1 (21). — Пермь. — С. 104–115.
28. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В., 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. — Пермь: ПГГПУ. — 565 с.
29. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М.: Наука. — 164 с.
30. Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. — М.: Наука. — 295 с.
31. Носов Е.Н., Овсянников О.В., 1997. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. — СПб. — С. 146–157.

- 32.Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. — Казань. — С. 154–268.
- 33.Руденко К.А., 2001. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке VI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск. — С. 232–348.
- 34.Руденко К.А., 2004. О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. — Йошкар-Ола: МарНИИ. — С. 148–159.
- 35.Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. — Казань: Изд-во: «Заман». — 528 с.
- 36.Савельева Э.А., 1991. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры перми вычегодской. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск. — С. 95–110.
- 37.Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией, 2011. // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 3 (7). — Сыктывкар. — С. 89–97.
- 38.Святова (Бочарова) Е.О., 2007. Отчет о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1998 г. // Архив МАЭ ПГПУ.
- 39.Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). — М.: Наука. — 196 с.
- 40.Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. — Ижевск: НИИ при СовМинУДАССР. — С. 5–135.
- 41.Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. — Устинов: НИИ при СовМинУАССР. — С. 92–118.
- 42.Семенов В.А., 1985а. Городище Весья-Кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. — Устинов.
- 43.Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. — Труды ГИМ. Вып.19. — 277 с.
- 44.Теплоухов А.Е., Теплоухов Ф.А. Археологический дневник А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. // РА ИИМК, ф.48, д.1, 2.
- 45.Хузин Ф.Ш., 1999. Древняя Казань и проблемы ее возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. — Казань. — С.196–226.
- 46.Kivikoski E., 1951. Die Eisenzeit Finnlands. — Т. II. — Helsinki.

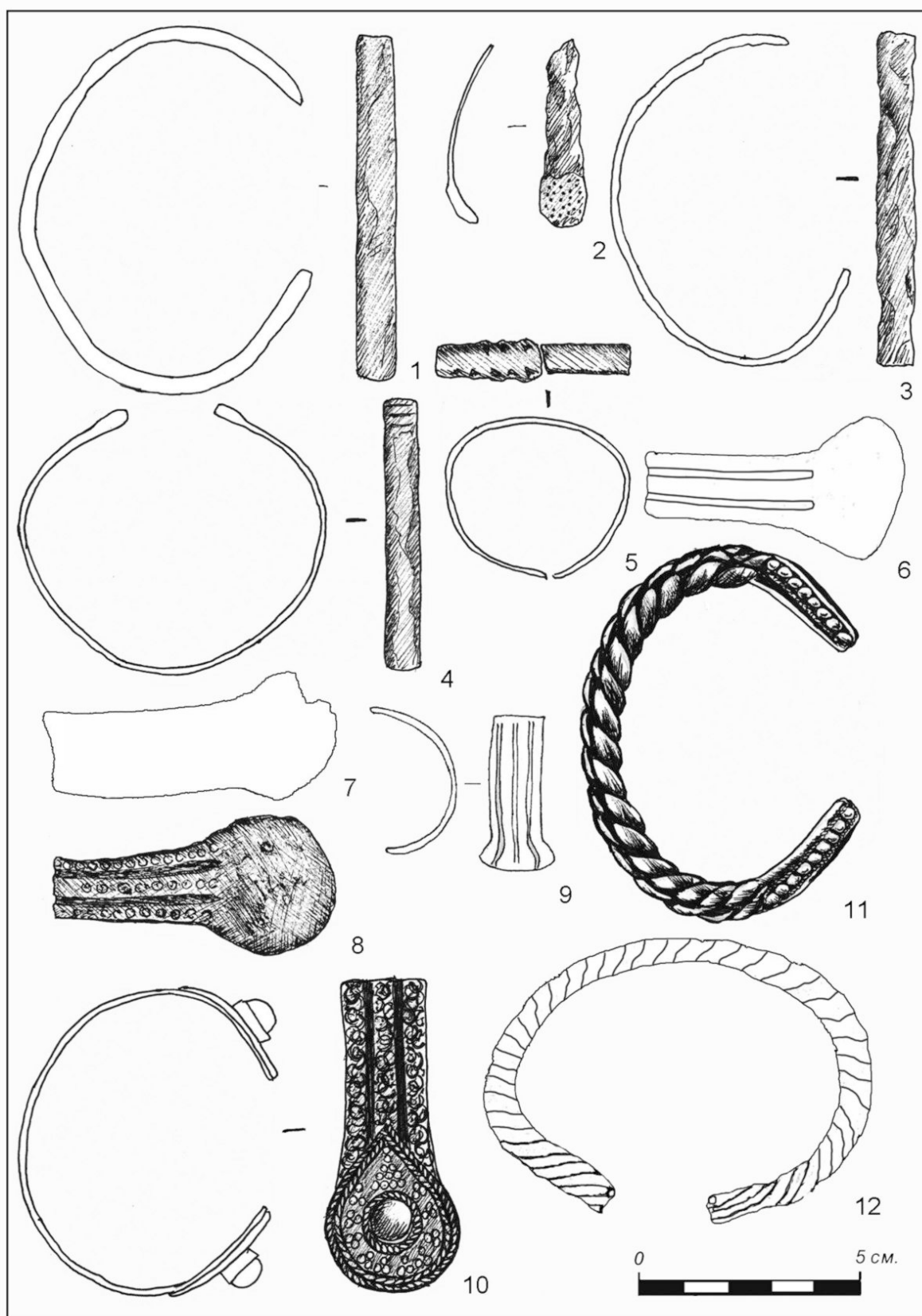

Рис. 1. Браслеты Питер (Степаново Плотбище) могильника.

Материал: 1-9, 12 - бронза; 10 – серебро с позолотой, бронза, синее стекло; 11 – серебро, сердолик.

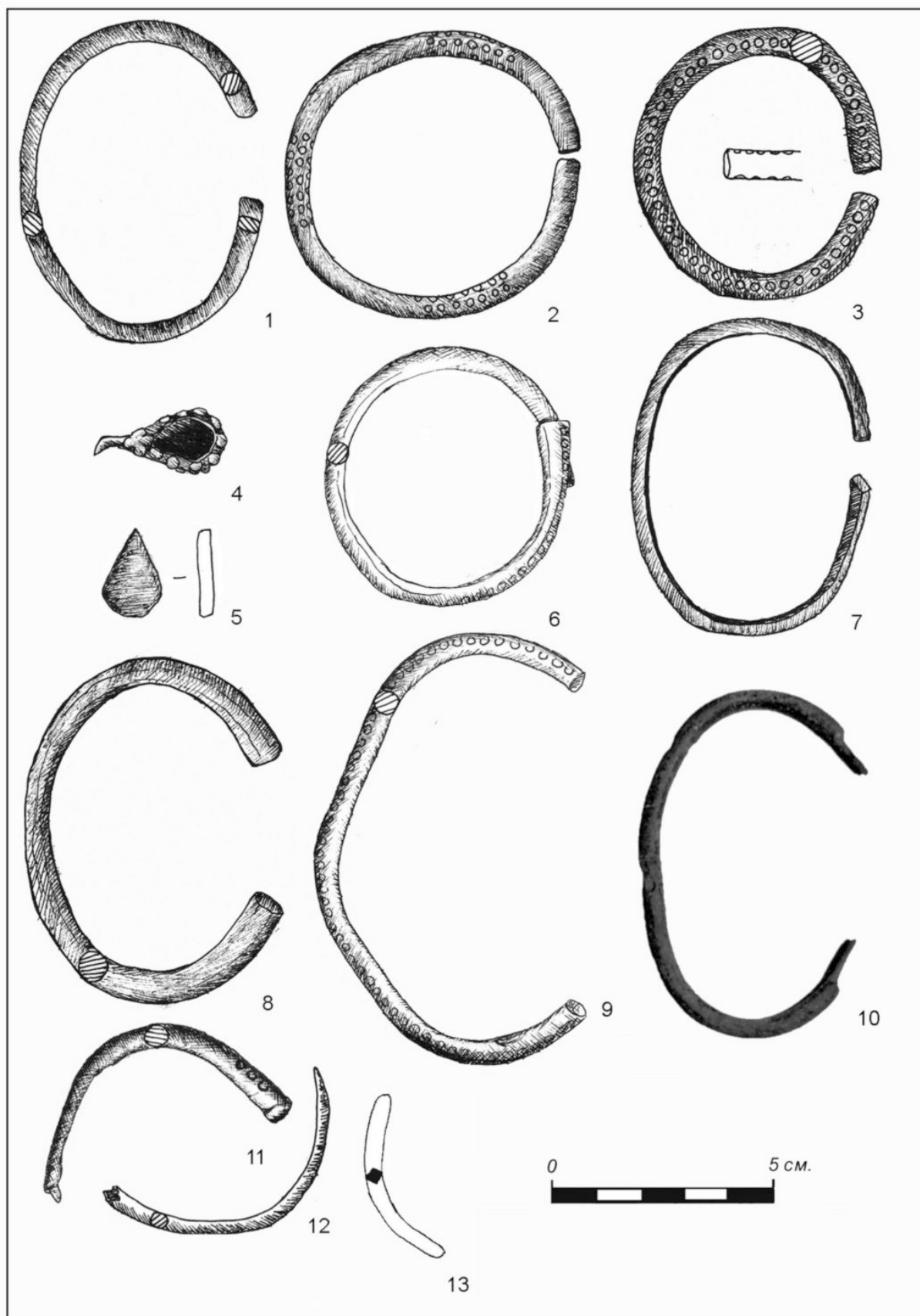

Рис. 2. Браслеты Питер (Степаново Плотбище) могильника.

Материал: 1, 3, 6-15 - бронза; 2, 4 – серебро; 5 – сердолик.

УДК 902/908

А.Н. Сарапулов**ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ ****Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

Статья посвящена так называемым ральникам с «рогами», найденным на территории Пермского Предуралья. Эти наконечники (7 экз.) происходят из депаспартизованной коллекции, поэтому определить их местонахождение и четкую датировку было невозможно. Мы только предположительно могли относить подобные ральники к эпохе средневековья, прежде всего, потому что в этнографических материалах они уже не встречаются. На территории Тобольского Прииртышья были обнаружены аналогичные ральники из датированных археологических комплексов (XII–XIV вв.). Таким образом, теперь мы можем говорить о том, что ральники с «рогами», обнаруженные на территории Пермского Предуралья, относятся к эпохе средневековья до русской колонизации и возникли как результат модернизации широколопастных ральников (с ярко выраженными «плечиками», образующими с втулкой (трубицей) прямой угол).

Ключевые слова: Пермское Предуралье, ральники с «рогами», эпоха средневековья, широколопастные ральники, хронологическая атрибуция, Тобольское Прииртышье.

A.N. Sarapulov**ON A GROUP OF IRON SHARES FOR THE MEDIAEVAL TILLAGE IMPLEMENT IN PERM REGION***Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU),
Perm, Russian Federation*

The article is about “horned” shares that were found in Perm region. The collection of the shares has no IDs, so it is impossible to state their findspots and dates. As they do not appear in the ethnographical materials, we suppose they can be mediaeval. The shares that are analogous to ours were found on the dated sites (12–14 c.) in Tobol and Irtysh region. From there we can say now that the “horned” shares found in Perm region date back to the Mediaeval epoch before the Russian colonization. They appeared through the modernization of broad-bladed shares with the strongly pronounced “shoulders” that are at right angle to the socket.

Keywords: Perm region, “horned” shares, Mediaeval epoch, broad-bladed shares, chronological attribution, Tobol and Irtysh region.

В конце XI – начале XII в. на территории Пермского Предуралья происходят изменения материальной культуры и погребального обряда, связанные со сменой археологических культур — от ломоватовской к родановской. С этими изменениями мы связываем и переход к новому хозяйственно-культурному типу (ХКТ) — пашенному земледелию с применением деревянных пахотных орудий с железными наконечниками. Новый ХКТ характеризуется широким распространением жернового постава для обработки зерна, орудий для уборки урожая,

новых типов хозяйственных сооружений для хранения больших объемов зерна, а также железных широколопастных ральников для деревянного прямогрядильного рала с горизонтальным или близким к горизонтальному положению полоза [2; 3].

На сегодняшний день, по нашим данным, известно 72 местонахождения ральников, всего имеется информация о 238 целых наконечниках и 5 обломках. Все наконечники, происходящие с рассматриваемой территории по характеру скрепления с деревянной частью пахотных орудий относятся к втульчатым. Они скрепляются с деревянной рабочей частью пахотного орудия при помощи втулки (трубицы), образованной загибами концов железного листа, из которого выкован наконечник. Очевидно, что все, найденные на территории Пермского Предуралья наконечники относятся к ральникам. Наиболее яркую подгруппу ральников образуют так называемые ральники с «рогами» (7 экз.) (рис. 1). Данные ральники сильно отличаются от всех других предуральских форм. Пять из них происходят из археологической коллекции А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, хранящейся в фондах Пермского краеведческого музея (рис. 1.1-5). Данная коллекция полностью депаспортизирована, поэтому невозможно понять ни место нахождения, ни, соответственно, их датировку. Еще два подобных наконечника были переданы нам в 2016 г. местным жителем пос. Пожва Юсьвинского района Пермского края (рис. 1.6-7). По его словам, они были обнаружены на берегу р. Кама, недалеко от Роданова городища, датирующегося X–XIV вв. [4]. Исходя из этого, мы только предположительно могли относить подобные ральники к эпохе средневековья, прежде всего, потому что в этнографических материалах они уже не встречаются. В 2016 г. в сборнике «Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий» выходит статья А.А. Адамова, посвященная железным наконечникам пахотных орудий из Тобольского Прииртышья [1]. В ней исследователь публикует два ральника с «рогами» абсолютно идентичных ральникам с территории Пермского Предуралья. Там они были обнаружены в культурном слое археологических памятников. Один ральник был найден на поселении Обрядовщина (недалеко от Тобольска) вместе с кочедыком, характерным для материальной культуры населения Тобольского Прииртышья XII–XIV вв. Другой подобный ральник был обнаружен в верхнем слое Ивановского городища, который также датируется XII–XIV вв. [1, с. 68].

Таким образом, имея теперь четкие аналогии ральникам с «рогами» из датированных комплексов Тобольского Прииртышья, мы можем говорить о том, что они были известны именно средневековому населению Пермского Предуралья в период до русской колонизации. А.А. Адамов совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что пашенное земледелие на территории Тобольского Прииртышья не было результатом долгой эволюции, а появилось сразу со всем комплексом необходимых орудий и набором посевных культур. Это стало результатом прихода на территорию близ устья Тобола значительной группы пере-

селенцев из Пермского Предуралья (родановской культуры), принесших с собой развитое земледельческое хозяйство [1, с. 68].

На территории Пермского Предуралья ральники «с рогами», имеющие овальную в сечении и небольшую по длине втулку (трубицу), принадлежали к ралам с горизонтальным или близким к горизонтальному положению полоза. «Рога» в данном случае являлись более прогрессивным конструктивным элементом, так как, с одной стороны, по ним сползала земля, а с другой стороны, один из краев, подогнутый в сторону сильнее, чем другой, мог подрезать пласт земли. По-видимому, их происхождение связано с генезисом (модернизацией) широколопастных ральников (с ярко выраженными «плечиками», образующими с втулкой (трубицей) прямой угол). Поэтому ральники с «рогами», скорее всего, появились несколько позднее нежели широколопастные ральники. Важно отметить, что А.Ф. Теплоухов, занимаясь вопросами реконструкции средневекового пахотного орудия Пермского Предуралья, провел экспериментальную работу. Была изготовлена точная копия ральника с «рогами» из его коллекции, а также деревянный станок, который состоял из поперечного бруска с двумя рукоятками, вставленными в этот брусок, изогнутой впереди дощечки, на конец которой был насажен ральник, двух оглобель, соединенных между собой на некотором расстоянии от рукоятки поперечным бруском, железной упорины, заменявшей плотину. Ф.А. Теплоухов обнаружил, что получившееся орудие могло иметь прямого потомка в так называемой сохе-курашимке, которая возникла и получила свое распространение в пределах Пермской губернии [5, с. 26]. Действительно, имеющиеся у нас ральники с «рогами» напоминают по виду наконечники сох-курашимок. Соха-курашимка от обыкновенной русской сохи отличалась тем, что имела один наконечник и пригнанный к заднему краю последнего отвал с довольно широкой вогнутой поверхностью. Курашимский наконечник насаживался на конец рассохи несколько наискось, причем левое перо, загнутое сильнее правого, принимало вертикальное положение и исполняло вследствие того роль резца [5, с. 29]. Вполне может быть, что известные родановскому населению ральники с «рогами» были заимствованы активно переселявшимся русским населением в Прикамье в период русской колонизации (с начала XVI в.) и, исходя из их агротехнического опыта, стали наконечниками сохи, т. е. остов был оставлен как у обыкновенной русской сохи, был прикреплен отвал, а один из краев самого наконечника был отогнут и стал выполнять роль резца. Так более удобная для обработки местных почв обыкновенная русская соха и ее разновидности достаточно быстро вытеснили деревянные рала с железными наконечниками.

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)» и проект № 17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».*

Библиографический список

1. Адамов А.А. Наральники XII-XIV вв. из Тобольского Прииртышья // Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий: материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.) / под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), И. К. Новикова. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. — С. 66–68.
2. Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: монография. — Пермь, 2015. — 170 с.
3. Сарапулов А.Н. Новый тип хозяйственных сооружений на территории Пермского Предуралья // Археология евразийских степей. — 2017. — № 1 — Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2017. — С. 324–328.
4. Сарапулов А.Н. Новые раскопки опорного памятника эпохи средневековья Пермского Предуралья – Роданова городища // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. — Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). — Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. — С. 916–917.
5. Теплоухов Ф.А. Земледельческие орудия Пермской Чуди. — Типограф. Н-ков Каменского, 1892.

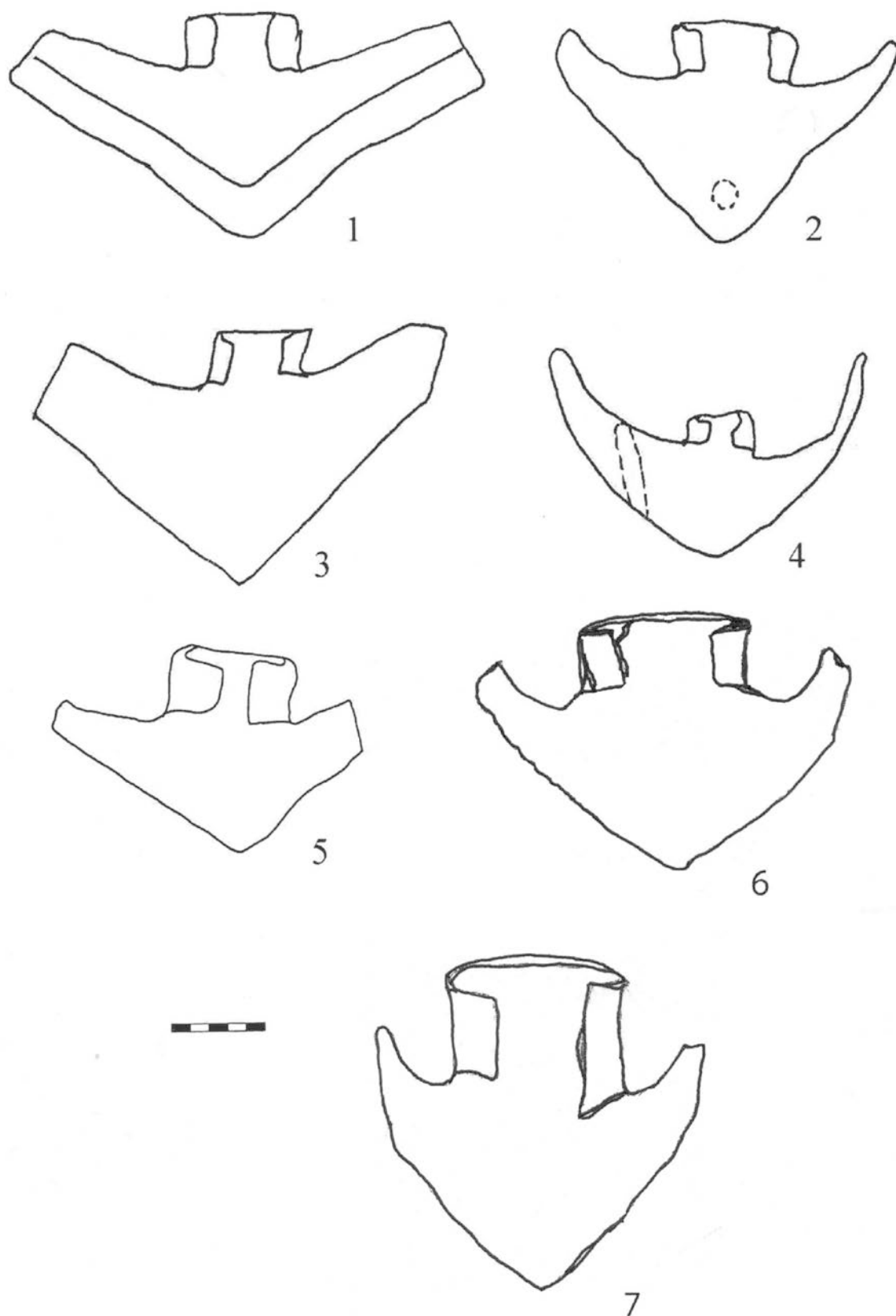

Рис. 1. Ральники с «рогами» с территории Пермского Предуралья
1-5 – коллекция А.Е. и Ф.А. Теплоуховых (Пермская губерния, более точно места находок не известны). 6-7 – близ Роданова городища, берег р. Кама.

УДК 902

А.Р. Смертин¹, Н.Г. Брюхова²**ПЛОТНИЦКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА**

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

² Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Рос-
сийская Федерация

Исследование проводилось с целью рассмотрения плотничества как ремесла. В ходе работы были выявлены основные плотницкие орудия труда, основные занятия плотника, что было прослежено на основе материалов Плотниковского могильника. Плотниковский могильник находится в Верхнем Прикамье в 7 км от г. Кудымкар. Он датируется XIII–XV вв. На Плотниковском могильнике были обнаружены следующие инструменты: топоры, наструги, резцы, сверла, долото. Все они были изготовлены из железа.

Орудия Плотниковского могильника были сравнены с инструментарием археологических памятников Прикамья и соседних регионов. Для сравнения в основном брались памятники, существовавшие позже XII в. Среди них: Рождественский археологический комплекс, Саламатовское городище, поселение и могильник Частухинский Урий, Ыджыдъельский могильник. Сравнение заключалось в рассмотрении плотницкого набора на различных поселениях и могильниках. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что набор инструментов плотника, встречающийся на могильниках в основном, гораздо беднее набора, изученного на поселениях. Это хорошо прослеживается в археологических комплексах, где есть и поселенческий памятник, и могильник.

Ключевые слова: плотницкие орудия труда, плотницкое ремесло, грунтовый могильник, хозяйственная деятельность, Прикамье, эпоха средневековья, Родановская культура.

A.R. Smertin¹, N.G. Bryukhova²**CARPENTRY TOOLS OF PLOTNIKOV BURIAL GROUND**

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU),
Perm, Russian Federation

² Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of
Sciences (PFRC UB RAS)

The study was conducted for the purpose of considering Carpentry as crafts in general. In the course of work were identified basic Carpentry tools, basic classes of Carpenter, which was traced, based on materials Plotnikovo burial ground. Plotnikovo burial ground is in the Upper Kama region, 7 km from the town of Kudymkar. It dates from the 13th–15th centuries.

Materials of Plotnikovo burial ground were compared with the tools of archaeological sites in the Kama region and the neighboring regions. For comparison are mainly taken from archaeological sites that existed late XII century, Among them: the Rozhdestvenskiy archaeological complex, Salamatovsky I settlement, the fortified settlement and cemetery of Chaschinsky Uriy, Idgydjelskiy burial ground. The comparison was to review carpenter set to different settlements and burial grounds. This study allows concluding that the set of carpenter's tools found in the burial grounds, mainly much poorer set of settlement. This is clearly seen in the archaeological complexes, where a settlement site and burial ground.

Key words: carpenter tools, carpentry, burial ground, household activities, the Kama region, the middle ages, Rodanovskaya culture

Понятие плотницкого дела

Плотницкое, плотничное дело — одно из главнейших отраслей механической обработки дерева. Плотничное ремесло являлось одним из самых распространенных на территории России [19, с. 918]. Плотничество есть ремесло обработки леса для постройки домов и их частей. К работе плотника относятся также другие грубые работы, не требующие изящной отделки и сложных инструментов [18, с. 2-3].

В плотничном ремесле приходится иметь дело с грубой обработкой дерева, преимущественно в больших кусках; соответственно с этим, употребляемые инструменты имеют сравнительно простую и грубую форму, а сама работа ограничивается главным образом несложными приемами: распиловкой, обтесыванием и составлением разных деревянных соединений. Ремесло это находит самое широкое применение при постройке различных зданий, а также в судостроительном деле [19, с. 919-921].

Добыча сырья

Стадия отбора и заготовки сырьевого материала является одной из важнейших, так как от правильного ее выполнения будет зависеть в дальнейшем качество и срок службы готового изделия. К вопросу выбора и заготовки сырьевого материала мастера подходили с особой тщательностью. Как правило, заготовкой древесины занимались в зимний период времени, когда сокодвижение практически останавливалось. За счет чего материал подвергается меньшей деформации в процессе использования [12, с. 21].

Процесс деревообработки в древности разделен исследователями на три стадии: 1) отбор и заготовка исходного материала; 2) подготовка заготовок к обработке; 3) обработка [12, с. 13]. Являясь сложным и многоступенчатым процессом, деревообработка включает несколько важных операций: 1) рубка, 2) сучкование, 3) ошкуривание, 4) раскрой, 5) отсека, 6) лицевка, 7) дробление, 8) сверление, 9) резьба и строгание, 10) операция точения. Каждая из этих операций осуществлялась при помощи инструментов, которые делятся на несколько видов: рубящие (кельт, топор, тесло), ударные (молот, молоток-киянка, колотушки), орудия комплексного действия (долота, стамески), режущие (резцы), режуще-проворачивающие (сверло, шило), режуще-строгающие (нож, стамески), скоблящие (рашпиль) [11, с. 28-30].

Плотницкие орудия труда

В современном мире существует множество усовершенствованных концептов древних плотницких орудий труда. Появились новые инструменты для плотничества, а также более совершенные технологии. К тому же, ручной труд повсеместно по большей части стал автоматизированным. Поэтому для этой работы наиболее важным будет рассмотрение древних плотницких орудий труда.

Все деревообрабатывающие инструменты можно разделить на универсальные (или полифункциональные) и специализированные. К универсальным орудиям относятся ножи, шилья, топоры, сверла, абразивы и другие орудия, которые одинаково эффективно могут использоваться в разных производствах. К специализированным инструментам относятся все те инструменты, которые предназначены исключительно для обработки древесины — тесла, стамески, долота и пр. Специализированные инструменты в свою очередь могут иметь и более узкое назначение, т.е. предназначаться для изготовления конкретных деревянных изделий (например, ложек). Наличие узкоспециализированных инструментов — признак развитого производства [17, с. 17].

В плотничестве использовался целый ряд орудий. Основной набор: топоры, тесла, наструги, долота, стамески, сверла, резцы. Также известно, что к плотничьим орудиям относятся пилы, молотки, отчасти ножи. В качестве крепежей использовались скобы и гвозди [2, с. 266-270]. Зачастую деревянные строения были без железных крепежей и держались на пазах и фальцах.

Топоры

Топоры являются основным орудием деревообработки (группа 1 по Белавину, Крыласовой) [2, с.266-270]. Топором выполнялась рубка, расколка, обтеска, фальцовка [18, с.14-16]. Также обух топора использовался в качестве молотка.

Тесла

Тесла являются вторым по значению универсальным орудием для обработки древесины. Тесла рассчитаны на работу одной рукой. Теска находила широкое применение в технике обработки дерева (группа 2 по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270]. Также тесло использовалось для выдалбливания в дереве разнообразных выемов и внутренних объемов [15, с. 48-51].

Наструги

Наструги использовались для строгания дерева после обработки топором и теслом. Они, как правило, имели П-образную форму [2, с. 48-50]. Этим инструментом при строгании можно было брать стружку определенной толщины. Поверхность изделия получалась довольно гладкой. Наструги, по сути, выступают предками современных рубанков (группа 3 по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270].

Долота

Долота представляют собой цельнометаллический стержень внизу прямоугольного, вверху квадратного или круглого сечения. Долота использовались для долбления пазов и выемов (группа 4 по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270].

Стамески

Стамески снабжались деревянной рукоятью и использовались для вырезания пазов (группа 5 по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270].

Сверла

Сверла применялись для изготовления круглых отверстий в дереве и кости [15, с. 48-51]. Группа 6 по Белавину, Крыласовой [2, с. 266-270].

Резцы

Резцы применялись для вырезания небольших выемок, для обработки внутренних объемов деревянных изделий (группа 7 по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270]. Также в качестве резца мог использоваться нож.

Плотницкие орудия труда Плотниковского могильника

Плотниковский могильник располагается в Кудымкарском районе Пермского края на левом берегу р. Серва, левого притока р. Иньва, в 2 км к 3 от ЮВ окраины г. Кудымкар по прямой, в 7 км к СВ от г. Кудымкар по автомобильной трассе, и в 300 м к СВ от д. Плотниково. Могильник находится на склоне крутого частично залесенного, частично распаханного холма [13]. Большинство погребений некрополя разрушены грабительским вмешательством. Несмотря на нарушение целостности могильных ям, во многих погребениях удастся зафиксировать не потревоженные части деревянной погребальной конструкции и вещевой материал. В настоящее время памятник датируется XIII–XV вв. [3, с. 35-38]. Характеризуя материальную культуру Плотниковского могильника в целом, следует отметить разнообразие найденных предметов [4].

К основной группе орудий труда плотника, из материалов исследуемого памятника, мы относим топоры, наструги, резцы, сверла, долото (рис. 1). Эта группа относится к мужским орудиям труда, и была обнаружена в мужских погребениях [16, с. 39-50]. В обработке дерева также могли использоваться ножи, которые имели универсальный характер применения. Из крепежного материала, на памятнике был найден кованый гвоздь. Все плотницкие орудия труда Плотниковского могильника были изготовлены из железа.

Топоры (4 экз.) относятся к группе универсальных, проушных (по Голдиной, Кананину). [5, с. 79-80]. Топоры с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края (рис. 1, 1). В XII–XIII вв. обух для более прочного соединения вытягивается вдоль топорща и заканчивается мысовидными отростками. Исчезают щековицы. Появление таких топоров А.Н. Кирпичников связывает с выработкой массового типа рабочих топоров без каких-либо трудоемких, удорожающих деталей. [8, с. 40]. Такие топоры, вероятно, использовались для всех способов деревообработки, присущих этому инструменту. Не исключено, что топор мог использоваться и в бою. Из 4 найденных топоров, 3 находились в погребениях, 1 — в межмогильном пространстве. В связи с разграблением памятника закономерности расположения топора в могильной яме выявить не удалось. Подобные топоры универсального характера находят во многих средневековых памятниках широкого хронологического и территориального диапазона [5, с. 79-80].

Наструги (8 экз.) также относятся к одному типу. Все орудия имеют П-образную форму, концы лезвия, вероятно, вставлялись в деревянную рукоять (рис. 1, 2). Более половины орудий (5 из 8) были обнаружены в южных, не раз-

грабленных частях погребений (в ногах). Нередко, грабители раскапывали лишь северную часть погребения, более насыщенную артефактами, поэтому в ряде случаев находки в южной части могилы оставались практически в первоначальном положении *in situ* [16, с. 39-50]. Длина лезвий настрогов варьируется от 45 до 66 мм. Аналогии подобным орудиям можно встретить на могильнике Чемшай в Удмуртии [6, с. 4-25.] Также изделия подобного типа были найдены на Ыджыдзельском могильнике в республике Коми [14, с. 12-13].

Единственный обнаруженный на памятнике резец-ложкарь залегал в мужском погребении № 15 (рис. 1, 3). Резец относится к группе 7, типу 3 (по Белавину, Крыласовой). Такие резцы изготавливались из железного стержня с крючком на конце в виде тонкой пластины и применялись для выбирания внутренних объемов изделий. Подобные резцы-ложкари встречаются на Рождественском археологическом комплексе [2, с. 266-270], в Волжской Булгарии [7].

Сверла (2 экз.). Инструменты имеют плоский черешок для крепления рукояти и перо с двумя режущими концами (рис. 1, 4). Оба сверла были найдены в мужских погребениях, в южной части могильной ямы. Подобные сверла встречаются в республике Коми, в частности на Ыджыдзельском могильнике [14, с. 12-13].

Единственное найденное на памятнике долото залегало в мужском погребении № 52 (рис. 1, 5). Изделие представляет собой цельнометаллический стержень с рабочей частью прямоугольного сечения и рукояткой круглого сечения. Долото относится к группе 4 (по Белавину, Крыласовой) [2, с. 266-270].

Ножи (40 экз.) являются самым массовым орудием труда. Все они относятся к категории универсальных (по Голдиной, Кананину), [5, с. 79-80]. Вероятно, нож мог быть использован для более мелкой обработки древесины. Ножи встречались как в мужских, так и в женских погребениях.

Единственный гвоздь, найденный на могильнике, был обнаружен в междумогильном пространстве. Гвоздь загнут, имеет длину около 100 мм, выкован из железа, имеет шляпку и острие. Это изделие могло использоваться как крепежный элемент в широком спектре конструкций.

Обусловить принадлежность ножа к набору мужских плотницких инструментов можно на основе соотношения погребального инвентаря. В погребении № 15, нож залегал вместе с резцом-ложкарем. В погребении № 23 было найдено сверло и нож. Также, в погребении № 76 нож был найден вместе с настрогом. Из 40 экземпляров, 16 ножей располагались в мужских погребениях.

Предварительно, 2 погребения мы можем трактовать как могилы мужчин, занимавшихся плотницким делом. В погребениях № 37 и № 129 прослеживается совпадение топора и настрюга, то есть двух основных плотницких инструментов (рис. 2).

Аналогии

При сравнении с материалами других хронологически одновременных памятников, наблюдается следующая картина:

На Рождественском археологическом комплексе был обнаружен богатый набор плотницких инструментов и строительно-крепежных материалов. Он состоит из топоров, тесел, настрогов, скобелей, долот, стамесок, сверл, резцов, ножей, скоб и гвоздей. На городище встречаются все указанные плотницкие предметы [9]. На языческом могильнике же не встретились скобели, стамески, сверла, скобы. [10]. В отличие от городища, на могильнике топоры встречаются целиком, когда на городище зачастую находят лишь фрагменты.

На Саламатовском I городище, датированном IX – концом XIV в., деревообрабатывающий материал представлен набором из стамесок, ножей, строительно-крепежных гвоздей и скоб. Плотницкие инструменты и крепежные материалы не разнообразны, но здесь, в отличие от Плотниковского могильника, представлены наиболее узкие по применению инструменты — стамески. Также на городище встречаются просверленные предметы, что свидетельствует о применении сверления в ремесле. [1].

Если рассмотреть ситуацию на сопредельных территориях, то можно отметить поселение и могильник Частухинский Урий. Памятник находится в Западной Сибири, в Ханты-Мансийском автономном округе, и датируется концом XVI – началом XVII в. В этом археологическом комплексе прослеживается различие погребального и поселенческого набора орудий для обработки дерева [табл. 1]. Состав орудий, обнаруженных на поселении, значительно разнообразней: топоры, ножи, скобели, наструги, тесла, сверла. В то время как на могильнике деревообрабатывающий набор инструментов представлен лишь комплектом из топора, ножа, скобеля. Погребения, изученные на памятнике, также имеют погребальную конструкцию из дерева [15, с. 34-41]. Деревообрабатывающий инструмент на могильнике, по отношению к поселению, представлен более однообразно и во многом совпадает с набором, обнаруженным на Плотниковском могильнике.

Интерес вызывает набор инструментов с Ыджыдзельского могильника, который располагается в республике Коми, и датируется XII–XIV в. Деревообрабатывающий материал представлен топором, втульчатым теслом, ложкарником, сверлами (3 экз.), стамесками (3 экз.), настругами (7 экз.), столярными ножами (7 экз.). Кроме того, были встречены крепежно-строительные гвозди (5 экз.). [14, с. 12-14]. На этом памятнике представлен наиболее полный набор деревообрабатывающего материала, чего не наблюдается на Плотниковском могильнике.

Выводы

Прослеживается отличие материала могильников и материала поселений. Из выделенной группы средневековых деревообрабатывающих инструментов (топоры, тесла, наструги, долота, стамески, сверла, резцы) и крепежных материалов (скобы, гвозди), на Плотниковском могильнике встречались только топоры, наструги, сверла, долото, резец и гвоздь. Все инструменты однотипны. Это мо-

жет быть связано с недостаточной изученностью памятника с одной стороны, и с сильными разграблениями могильника в разные периоды времени, с другой.

Возможно, найденные на Плотниковском могильнике плотницкие орудия труда могли применяться только с целью изготовления погребальных конструкций — гробовищ. В основном весь представленный набор инструментов предназначался для первичной обработки древесины — для рубки, обтесывания, обстругивания. Это объясняет ограниченный набор инструментов, по сравнению с поселенческими памятниками. Настроги, представленные на Плотниковском могильнике, имеют сильную выработку лезвий. Можно предположить, что плотник изготавливал гробовища, и истративший свой потенциал инструмент складывали в мужские погребения. К тому же, одно сверло имеет обломанный конец, что может свидетельствовать об износе инструмента. Другие инструменты, не истратившие своего потенциала, после смерти владельца-ремесленника могли не складываться в погребение, а далее использоваться по назначению другим плотником.

Ремесло плотника могло являться особой специализацией, в связи с чем, на памятнике встречается малое количество плотницких орудий труда, когда универсальных по применению ножей — огромное количество [16, с. 39-50]. Плотницкое дело требует большой затраты энергии и мускульной силы. Именно это и обуславливает принадлежность основных плотницких инструментов к категории мужских.

Также уменьшение разнообразия деревообрабатывающего инструмента можно связать с тем, что мастера могли одним инструментом делать большее количество операций. В этом качестве мог использоваться универсальный топор.

На могильнике инструмент является погребальным инвентарем, на поселении инструменты, как правило, бывают утерянными вещами, отработанными и поврежденными предметами, а также заготовками кузнецов. Поэтому большее разнообразие орудий на поселениях носит объективный характер.

Библиографический список

1. Абдулова С.И. Отчет о раскопках Саломатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2014 г. — Пермь: ПГГПУ, 2015 // Архив МАЭ ПГГПУ.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула. — Пермь: изд-во ПГГПУ, 2008. — 603 с.
3. Брюхова Н.Г. История существования Плотниковского могильника (Среднее Предуралье, Пермский край) // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2015. — Вып. 63. — №6. — С. 35–38.
4. Брюхова Н.Г. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в июле-августе 2016 г. — Пермь. 2016 // Архив МАЭ ПГГПУ.
5. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. — Свердловск: УрГУ, 1989. — 216 с.

6. Иванова М.Г. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. — Ижевск, 1987. — С. 4–25.
7. Казаков Е.П. О проявлении сибирских культов в средневековых древностях Прикамья // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. — Омск. 1984.
8. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е-1-36. — М.-Л., 1966. — 214 с.
9. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. — Пермь: ПГГПУ, 2016 // Архив МАЭ ПГПУ.
10. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского могильника в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. — Пермь: ПГГПУ, 2016 // Архив МАЭ ПГПУ.
11. Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. — 364 с.
12. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. — 232 с.
13. Памятники истории и культуры Пермской области. Археология. Т.1. — Пермь: «Арабеск», 1996. — 299 с.
14. Савельева Э.А. Ыджыдельский могильник. — Сыктывкар, 2014. — 120 с.
15. Семенова В.И. Поселение и могильник Частухинский урий. — Новосибирск, 2005. — 164 с.
16. Смертин А.Р. Хозяйственный инвентарий Плотниковского могильника // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. — Пермь, 2017. — С. 39–50. (в печати).
17. Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. — 248 с.
18. Федоров Е. Домашний ремесленник. — М., 1927. — 177 с.
19. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том 23а. — СПб: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. — 961 с.

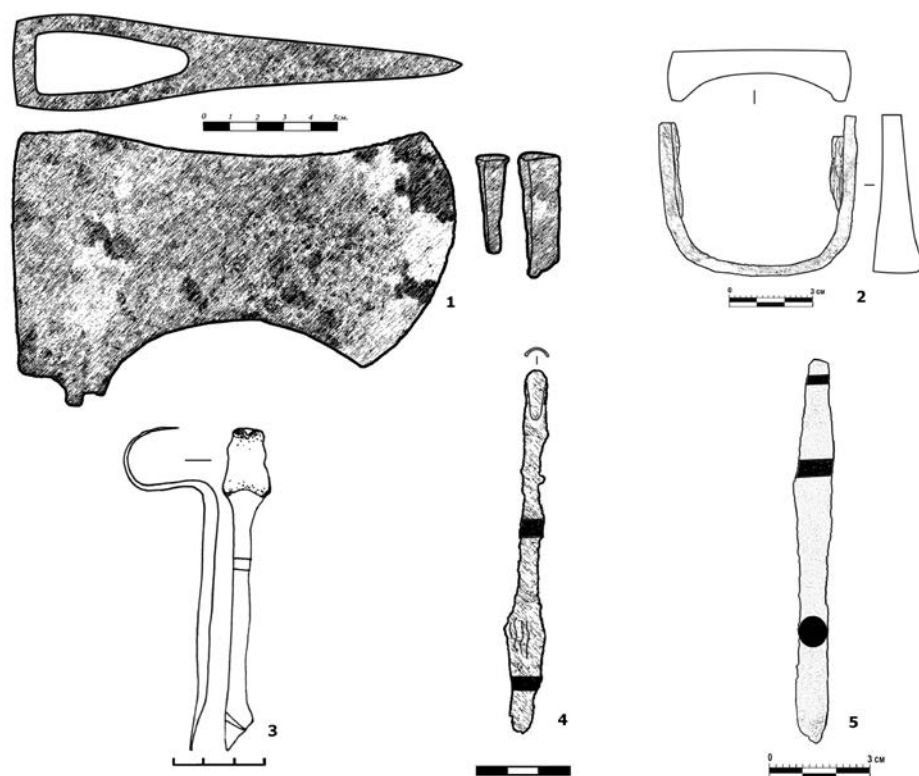

Рис. 1. Плотницкие орудия труда Плотниковского могильника
(1 – топор, 2 – наструг, 3 – резчик-ложкарь, 4 – сверло, 5 – долото).

Таблица 1

Соотношение плотницких орудий труда на поселении и могильнике
Частухинский Урий

ИНСТРУМЕНТЫ	ПОСЕЛЕНИЕ	МОГИЛЬНИК
НОЖИ	9	1
ТОПОРЫ	4	1
СКОБЕЛИ	3	1
НАСТРУГИ	3	0
СТРУГИ	4	0
ТЕСЛА	1	0
СВЕРЛА	2	0

Плотниковский могильник, 2011 г.

Раскоп VII. Уч. Ж-3/133-134

Погребение № 37

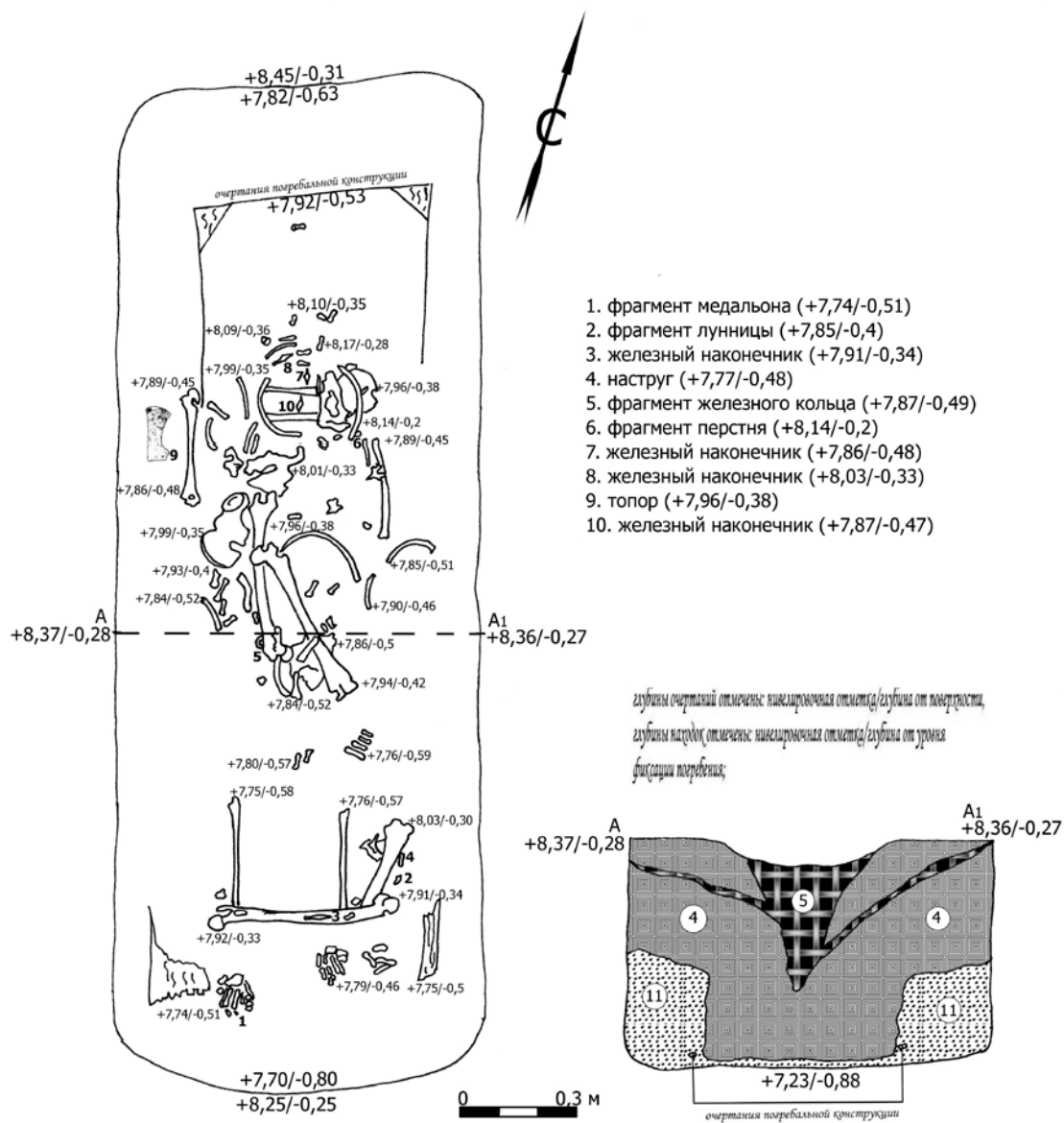

Рис. 2. Погребение № 37 Плотниковского могильника.

УДК 908

К.В. Моряхина, А.Н. Сарапулов
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ПЕРМСКОЙ ЧУДИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

В статье выделено пять этапов формирования представления о «Пермской чуди» в отечественной историографии: от введения термина в научный оборот к возникновению дискуссии об этнической принадлежности и постепенного отстранения от использования термина. В научной литературе сложилось два направления в изучении «Пермской чуди» — рассмотрение легенд о «чуди» и вопрос об этнической принадлежности. Первое отражает представления носителей легенд о древней истории, второе — процесс изучения и накопления источниковой базы по истории Пермского края.

Ключевые слова: Пермская чуждь, средневековье, Пермское Предуралье, этническая принадлежность, легенды, историография.

K.V. Moriakhina, A.N. Sarapulov
PERM «CHUD» IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. The article outlines five stages in the formation of the idea of a "Perm Chud" in Russian historiography: introduction of the term into scientific circulation, discussion of ethnicity, refusal to use the term. In the scientific literature, there were two directions in the study of the "Perm Chud" — legends about the "Chud", the question of ethnicity. The first direction reflects representations of carriers of legends about ancient history. The second direction reflects the process of studying and accumulating sources on the history of Perm Krai.

Key-words: Perm Chud, the Middle Ages, the Perm Cis-Ural, ethnicity, legends, historiography.

Название народа «чудь» в дореволюционное время получило широкое распространение. Данным словом русские обозначали чужие им народы, говорящие на незнакомом языке. Первоначально новгородцы «чудью» называли только западных финнов. Постепенно по мере продвижения новгородцев, а затем москвичей, на восток география «чуди» расширяется: сначала на Урал, а затем на Алтай [22, с. 37–38]. Местные народы со временем заимствовали от русских это название, придавая ему свое значение. Как отмечает Р.А. Агеева, под «чудью» могли понимать: 1) в целом финно-угорские народы; 2) прибалтийско-финские народы; 3) финно-угорское население Русского Севера; 4) древнее население, оставившее городища и могильники; 5) древний воинственный народ [1, с. 195].

В Пермской земле под «чудью» стали понимать древнее население, некогда проживавшее на этой территории. Так, например, в одних из первых письменных источниках края — в писцовой книге М. Кайсарова 1623 г., в переписной книге 1678 г. — говорится о чудском селище близ Соли Камской, чудском городище в районе Кунгура [29, с. 127].

Постепенно понятие «чудь» проникает в научную среду, где под данным понятием опять же понимается древнее население. Поскольку «чудь» встречается на широкой территории, появляется необходимость в сужении понятия. Ф.А. Теплоховым было введено понятие «Пермская чудь», которое, по его мнению, связано с расселением этого народа на территории древней Перми, но не определяет связь чуди с пермяками [36, Б, с. 4]. В последующем как синоним использовалось также понятие «Камская чудь».

Дореволюционные исследователи, изучая древнюю историю Пермской земли, задавались вопросами: кто здесь проживал в древности? что за народ такой «Пермская чудь»? В советское время интерес не исчезает, остается он и до настоящего времени.

В отечественной историографии можно выделить три периода формирования представления о Пермской чуди:

1. кон. XVIII – сер. XIX вв. Появления первых археологических и этнографических работ о Пермском Предуралье. Впервые название «чудь» употребляется по отношению к древнему населению Пермского Предуралья в литературе.

2. 50-е – 80-е гг. XIX в. Исследователи Пермского края стали понимать под чудью финский народ. Но конкретных уточнений касательно этнической принадлежности чуди не делали.

3. 80-е г. XIX – нач. XX вв. Возникает полемика по вопросу этнического определения чуди: одни исследователи считали, что это пермские финны, другие — что это угры, третьи — что это полиэтническое население (и пермские финны, и угры).

4. 20–90-е гг. XX в. Термин «Пермская чудь» практически перестает употребляться в научной литературе, вместе с этим прекращаются дискуссии об этническом определении Пермской чуди. Теперь чудь рассматривается в ключе мифического народа, и исследователи обращаются к сбору, изучению, интерпретации легенд о чуди.

5. Начало XXI в. По-прежнему интерес исследователей обращен к легендам о Пермской чуди. Но вновь был поднят вопрос об этнической принадлежности древних жителей Прикамья (понятие «чудь» по отношению к нему не используется).

Первый этап (кон. XVIII – сер. XIX в.). Упоминание о чуди встречается в одних из первых археологических исследованиях Пермского края. В конце XVIII в. Н.П. Рычков пишет в своих записках, что жителями Древней Биармии была чудь. В начале XIX в. В.Н. Берх упоминает чудь как древних жителей Пермской земли, не имеющих отношения к пермякам [32, с. 1, 18]. При этом исследователи не задаются вопросом, а кем же именно была «чудь». Параллельно с этим начинается сбор легенд о чуди. Еще во второй половине XIX в. И.И. Лепихиным была записана легенда о Пере-богатыре [23, с. 7], в начале XIX в. В.Н. Берхом — о чудской деде [4, с. 118].

Второй этап (50-е – 80-е гг. XIX в.). В 50-е гг. XIX в. появляются работы, в которых чудь называют финским народом. Первый об этом написал Эйхвальд: «чудские или финские племена жили в отдаленной древности на востоке Азии. Оттуда они стали передвигаться одно за другим на запад, перешли Урал и заселили весь север нынешней Европейской России» [32, с. 5–6]. Практически в это же время выходит статья А. Крупенина, в которой он среди финских народов выделяет племя чуди. Чудь, по его мнению, уже вышла из первобытного состояния, изготовляла изделия из металла, и вела торговлю с Волжской Булгарией [17, с. 5–6].

С.Г. Строгонов считает чудь и финнов одним и тем же народом. Так, в своем письме к А.Е. Теплоухову он пишет о том, что исследует проблему происхождения «скифов, одноплеменных с чудами или финнами, переселившимися с равнин Средней Азии в первых веках н.э.» [27].

Первые попытки представить, кем же была «чудь» весьма условны и поверхностны, не имеют доказательной базы. По мере изучения средневекового археологического материала, лингвистики, легенд возникают споры: кто был древним жителем «Перми»?

Третий этап (80-е г. XIX – нач. XX вв.). В ученой среде складывается три точки зрения на этническую принадлежность «Пермской чуди»: пермские финны, угры, полиэтническое население (и пермские финны, и угры).

Сторонники идеи, что чудь — это пермские финны, а, следовательно, предки коми-пермяков, отстаивая свою позицию, опирались на лингвистику, археологические материалы и собранные легенды. Приверженцами данной точки зрения были А.Ф. Теплоухов, П. Богословский, Д.Д. Смышляев, Н. Добротворский, А.П. Иванов, В. Волегов, Н.М. Малиев, Н.Г. Первухин, Г. Верещагин.

А.Е. Теплоухов и П. Богословский обращают внимание на топонимы и гидронимы — они все имеют финскую основу: городища имеют окончания –кар [5, с. 4], реки бассейна Камы окончания –ва. Следует отметить, что А.Е. Теплоухов выделяет чудь как самостоятельный финский народ, отличающийся от пермяков, зырян и вотяков. Чудь стояла на более высоком уровне развития, чем выше перечисленные народы, и вела торговлю с азиатскими народами при посредничестве Булгарии в VIII–XI вв. По мнению исследователя, вытеснен был чудской народ с территории Пермского Предуралья не русским населением. Русские нашли только покинутые чудью селища, заросшие лесом [35, с. 1].

Опираясь на данные лингвистики, а также оценивая обнаруженные археологические артефакты В. Волегов и Н.М. Малиев приходят к аналогичному выводу. Так, В. Волегов, обращаясь к археологическим материалам, найденным на чудских городищах, и приходит к выводу, что эти находки имеют сходство с пермскими изделиями, таким образом, по его мнению, чудь и пермяки являются родственными народами. В подтверждение этого В. Волегов указывает на то, что пермская топонимика и гидронимика имеет финскую основу [32, с. 7–8].

Н.М. Малиев отмечает, что торговые связи местного «чудского населения» были одинаково развиты и велись с одними и теми же странами до и после Стефана Пермского. К тому же археологические находки соответствуют языческим представлениям пермяков. Исследователь в качестве подтверждения приводит 105 названий рек имеющих финскую основу. Но при этом Н.М. Малиев считает, что вопрос об этническом определении чуди нельзя решить окончательно без сравнения черепов пермяков и чуди [19, с. 30–32].

Н.Г. Первухин считал, что пока вопрос об этническом определении древнего населения Прикамского края остается открытым. Но делает предположение, что чудь могла быть предками пермско-зырянской народности. Такой вывод Н.Г. Первухин строит на основе исследований Зюздинского края (в наст. вр. — Афанасьевский р-он, Кировская обл.): более древние чудские изделия имеют наибольшее сходство с поздними старо-пермскими (пермскими и зырянскими, как уточняет далее Первухин) изделиями [25, с. 160].

Обращаются исследователи и к этнографическим материалам, которые, по их мнению, указывают на родство «чуди» с пермскими народностями. Н. Добротворский, предполагая, что чудь представляет собой пермскую ветвь финского племени (пермяки, зыряне и вотяки), основывается на легенде о самопогребении чуди: «Но не вся чудь зарылась в ямы. Много ее в лес убежало. Пермяки от этой чуди и народились». Что же касается появления чудского народа на северо-восточной части Европейской России, то, по мнению Н. Добротворского, они были выходцами из Средней Азии [11, с. 229–231].

А.П. Иванов тоже принимал чудь за прямых предков пермяков, зырян и вотяков. Время господства чуди он относил к X–XIII вв. А.П. Иванов опирается главным образом на местные традиции: дети пермяков носят на чудские кладбища и поминают там «чудского дедушку, чудскую бабушку» [31, с. 125]. Что же касается вотяков, то данный исследователь предполагает, что ими были заимствованы личные имена от родственного народа — чуди [30, с. 37]. Различие археологического материала раннего и позднего периодов А.П. Иванов объясняет следующим образом: культура Пермской чуди не была самостоятельна, она находилась в зависимости от Волжской Булгарии. С прекращением исторической автономии Булгарии — прекратился и доступ металлических изделий в чудской край, которые поступали раньше в большом количестве. Поэтому и отмечается упадок культуры Пермской чуди [10, с. 19–20].

Г. Верещагин, изучая Вятскую летопись, пришел к выводу, что чудь — это предки вотяков. Вятская летопись гласит: «На Вятке реке жили чуди предки Отяков, обладающих многими землями и угоды, построища окопы и валы земляные круг жилищ своих, боящиеся находу России... На правой стороне на высокой горе устроен град чудской <...>, называемой чудью Болванский городок, иже ныне нарицается Никулицыно» [28, с. 185–186]. Г. Верещагин еще обращает внимание на то, что в Завьяловской волости (в наст. вр. — Завьяловский р-он, Удмуртская Респ.) вотяки причисляют себя к племени чуди [6, с. 23].

Д.Д. Смышляев придерживался мнения, что биармийцы, чуди и финское племя представляют собой один и тот же народ. Что же касается определенного этноса жившего на территории Пермского Предуралья, то на этот вопрос Д.Д. Смышляев не дает четкого ответа. С одной стороны, он говорит, что известие об обращении пермяков в христианскую веру Стефаном Великопермским подтверждает скандинавские рассказы IX в. о существовании богатых капищ и идолов. Из этого следует, что пермяки и есть биармийцы, древние обитатели этой земли. С другой стороны, Смышляев указывает, что Биармия или Пермь — это территориальное обозначение, и не подразумевает под собой, что пермяки изначально жили на данной территории. К тому же сами пермяки называют себя коми. Д.Д. Смышляев затрагивает и проблему угорского присутствия на западном склоне Урала: еще в XII в. они жили на указанной территории. А «остатки угров до сих пор существуют в Пермской губернии, под именем вогулов» [33, с. 1–6].

Иной точки зрения, что чудь — это угорская народность, придерживались, опираясь в первую очередь на археологические данные, М.В. Малахов, Ф.А. Теплоухов, Д.Н. Анучин, И.Н. Глушков, К. Жаков, А.А. Спицын.

Одним из первых, кто выдвинул идею о родстве чуди с вогулами (т.е. уграми), был М.В. Малахов. Он обратил внимание на сходство чудских изображений на скалах и береговых утесах, на так называемых писаницах, с вогульскими тамгами (тамга — название знака, вероятно имеющего символическое значение, принадлежащего каждой вогульской семье или фамилии) [18, с. 213].

Ф.А. Теплоухов, развивая идею, что чудь — это вогулы, указывает, что древности Пермской чуди принадлежали одному народу, т.к. они весьма своеобразны. Также исследует чудских идолов и баснословных существ, на берегах Камы и ее притоков и приходит к выводу, что эти вещи идентичны угорским. Примерами тому являются находки Чаньвенской пещеры и других пещер по р. Колва [37, с. 62]. Следует отметить, что чудскую культуру Ф.А. Теплоухов датировал V–XII вв. По каким-то причинам (это не было установлено) Пермская чудь (угры) отступила на другую сторону Урала, место которой впоследствии заняли родственные финно-угорские народы [36, с. 73].

Д.Н. Анучин, один из первых исследователей пермского звериного стиля, в своих работах делает заключение, что изображения птиц на древностях присваиваемых Пермской чуди аналогичны изображениям птиц у вогулов и остяков в XIX в. [2, с. 135].

И.Н. Глушков, вслед за предшественниками, сравнивает религиозный быт вогулов и Пермской чуди, от которой остались поселения на территории Пермской, Вятской и Вологодской губерний. Чудские и угорские изображения почитаемых животных (лошадь, соболь, «чудской ящер») и глиняные чашечки, использовавшиеся для приношений богам, как предполагает И.Н. Глушков, имеют сходства между собой и, возможно, имели одинаковые функции и значение [7, с. 60].

А.А. Спицын, анализируя облик чудских древностей, например, Сасанидских блюд, серебряных гривен глазовского типа, серебряных погребальных масок, относил Пермскую чудь к угорской народности. Хотя ранее А.А. Спицын, когда занимался исследованием только Вятской губернии, считал чудь предками вотяков. Но, когда он познакомился с археологией всего Урала, более детально изучил древности края, его мнение изменилось в пользу угорской теории [13, с. 646].

К. Жаков, ссылаясь на труды Ф. А. Теплоухова и поддерживая его мнение относительно «чуди», добавляет в качестве доказательства, что гидронимика северо-восточной части Европейской России имеет угорские корни. Например, это реки Вычегда, Вымь, Сысола, Пижма, Вишера. Но, тем не менее, К. Жаков был до конца не уверен в угорском происхождении «чуди», поскольку как он пишет: «не хватает еще данных, чтобы окончательно утвердиться в том, что представляет собой Пермская чудь» [12, с. 106].

К исследователям, рассматривающим Пермскую чудь как полиэтничное население, стоит отнести А.А. Дмитриева, И.Н. Смирнова, В.Н. Шишонко, И.Я. Кривошекова. По их мнению, на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья проживали пермяки, зыряне, вотяки, вогулы и остяки.

По мнению А.А. Дмитриева, под чудью стоит понимать «всех далеких предков поздних финских народов, безразлично пермской или угорской группы, — всех исконных обитателей, чуждых по племени и религии русским людям» [10, с. 4]. По мнению А.А. Дмитриева, исчезновение чудской культуры было связано с монголо-татарским нашествием, т. к. ее существование находилось в прямой зависимости от Волжской Булгарии. В XIV в. нет уже ни прежней чуди, ни прежней Булгарии. Чудь потеряла свое благосостояние, и с того момента, как указывает А. А. Дмитриев, началось ее быстрое племенное разложение. Это обстоятельство послужило причиной усиления на чудских землях русской колонизации и появления народов тоже финского происхождения (зырян, пермяков, вогулов и др.) [9, с. 56–68]. Какой именно народ в данном случае под чудью понимал А.А. Дмитриев не совсем ясно. Но из его слов можно заключить, что чудской финский народ позднее смешался с пришлыми родственными финскими народами, соответственно это были не идентичные народы.

В.И. Шишонко, ссылаясь на «Повесть временных лет» Нестора и на древние исторические акты, указывает, что пермяки с XI–XII вв. (возможно раньше) проживают в северной части Пермской губернии. С появлением русских в этой местности и начавшейся христианизацией, по преданию, одни из коренных жителей приняли христианство и остались на своей земле (видимо это были пермяки), а другие (угры) отказались принять христианство и отправились за Урал в Сибирь [39, с. 7]. Кто проживал в Пермской земле до прихода пермяков, исследователь не указывает. Но поскольку нет указаний на переселение угров, то, вероятно, они уже здесь проживали к этому времени. Свидетельством проживания угров в древности в Пермском Предуралье, как указывает В.И. Шишонко, явля-

ются Соликамские писцовые книги 1623–24 гг., где есть указания, что в этом месте «была деревня остяцкая». По мнению В.И. Шишонко, деревня была оставлена остяками, переселившимися в другое место [39, с. 19].

И.Н. Смирнов в своих исследованиях также делает вывод, что «чудь народных преданий и русских актов представляет одно и то же с предками современного населения с Северо-Западной частью Пермской губернии — пермяками на западе, уграми — на востоке». Название «чудь» не представляет собой создание народов пермской группы, а было заимствовано у русских, обозначавших «чудь» туземцев [31, с. 114]. Доказательством родства пермяков с чудью является топонимика, этнографические данные, записанные А.П. Ивановым. Указывает на это родство помимо прочего и сходство чудского и древнепермского костюма. Чудской костюм состоял из кожаных одежд, украшенных подвесками, которые прикреплялись к одежде ремнями. Древний костюм пермяка также состоял из выделанных шкур. Близок к чудскому был и костюм шамана, представляющий пережиток прошлого [31, с. 123–125]. Жилище чуди тоже схоже с жилищем пермских финнов. И.Н. Смирнов обращается к легендам, в которых встречаются описания чудских построек — это маленькие избенки или шалаши, похожие на те, которые можно встретить у черемис или вотяков [30, с. 37]. Что касается вопроса родства чуди и вогул, он остался для исследователя открытым. В свое время на него оказала влияние статья Теплоухова о Чаньвенской пещере, и по разрешению Императорской археологической комиссии в 1896 г. И.Н. Смирнов занимается поиском вогульских могильников в Пермской и Вятской губернии, чтобы выявить представляют ли вогулы собой чудь. Но экспедиция не дала результатов, могильники так и не были обнаружены [26, с. 189–211].

И.Я. Кривошеков рассматривает древних жителей Пермской губернии как полиэтническое население, а соответственно и «Камскую чудь». По его мнению, просто поменялось название: до русской колонизации называли народ чудью, а после пермяками. Камская чудь приняла христианство и подчинилась Московской власти, после чего превратилась в современных пермяков. Пермские князьки и пермяки, ставшие помещичьими крестьянами, и есть прямые потомки Камской чуди. Находясь в крепостном режиме чудь забыла свой прежний образ жизни и свою культуру [14, с. 49–56]. Появление слова «чудь» И.Я. Кривошеков относит к XVI в. В то время русские начали называть оставшихся в язычестве пермяков чудью. А в первой переписи населения (перепись Яхонтова) в 1579 г. пермские «кары» уже называются чудскими городищами [15, с. 33]. Тот факт, что современные пермяки сейчас отрицают родство с Пермской чудью, И.Я. Кривошеков объясняет следующим образом: «и это совершенно справедливо, если в нем течет кровь, содержащая несколько процентов из Гордеевок с Волги, с Устюга и Тотмы на Северной Двине и других местностей, то родство с чудью действительно является отдаленным» [14, с. 54].

В дореволюционное время вопрос об этнической принадлежности чуди так и остался открытым. Во многом это было связано с нехваткой источниковой ба-

зы для разрешения вопроса и противоречащими друг друга данными лингвистики и археологии.

Четвертый этап (20–90-е гг. XX). 20-е гг. XX в. являются отголосками дореволюционных взглядов на проблему Пермской чуди. А.Ф. Теплоухов вслед за своим отцом придерживается мнения, что под чудью стоит понимать угорское население. К такому выводу он приходит, анализируя названия рек и поселений на территории Верхней Камы, Верхней Вычегды, Чепцы. Многие современные коми-пермяцкие название деревень и рек носили раньше угорские названия. Например, угорское название реки Ядья (у угров окончания –я или –ье означают реку) было заменено на пермское Ядьва, поселения Анюшкар и Майкар имеют другие названия (угорские) — Кыласово и Туманово. Часть рек сохранили свои угорские названия: Кордья — приток Иньвы, Урья — приток Косы и др. Жития святых, записки путешественников также свидетельствуют о проживании угров в Предуралье и об их последующем переходе в Зауралье [38, с. 70–74]. А. Канисто тоже обращает внимание на угорские корни в названиях местностей в Прикамье и Вычегде [34, с. 62–74].

Отход от проблематики этнической принадлежности «Пермской чуди» связан с трудами А.В. Шмидта, который считал «чудь» народным вымыслом. Но при этом указывал, что вопрос об этничности средневекового населения края необходимо дальше исследовать. Сам А.В. Шмидт придерживался мнения, что, судя по данным археологии, VI–VIII вв. — проживали угры, в XI–XIV вв. — уже древнепермское население. Для IX–X вв. он не определил состав населения [40, с. 42–51].

В 50–70-е гг. XX в. археологи и этнографы обращаются к исследованию легенд о «Пермской чуди», подтверждения которым пытаются найти в археологических и исторических фактах. Стоит отметить работы Л.С. Грибовой [8, с. 96–106], В.А. Оборина [21, с. 110–111], А.С. Кривошековой-Гантман [16, с. 140], М.Н. Ожеговой [24]. Все исследователи связывали легендарную «чудь» с предками коми-пермяков.

Пятый этап (начало XXI в.). Интерес к легендам о Пермской чуди снижается. Зачастую ее определяют, как мифический, вымышленный народ.

Но, несмотря на то, что «чудь» потеряла свое «историческое лицо», интерес к проблеме этнического состава средневекового населения Пермского Предуралья сохраняется, и сейчас это один из актуальных вопросов археологии.

В настоящее время проходят очень бурные дискуссии между сторонниками угорской теории (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, В.А. Иванов) [3, с. 118–124] и сторонниками теории пермского автохтонного населения (Р.Д. Голдина, А.Ф. Мельничук, И.Ю. Пастушенко) [20, с. 109–117]. По мнению первых угорское население в XI–XII вв. значительно сокращается, и его место занимают пермские финны, которые и ранее совместно с уграми («чрезполосно») проживали на рассматриваемой территории, а также мигрирующие сюда финны Поволжья и Северо-Запада.

Вне зависимости как обозначать население Пермского Предуралья «чудью» или просто средневековым населением вопрос об его этнической принадлежности привлекает интерес ученых. Интерес стал формироваться по мере накопления источниковой базы. Привлекая данные археологии, лингвистики, этнографии исследователи до сих пор не могут дать однозначного ответа на вопрос: «кто проживал здесь в средневековье?», по-прежнему имеют место быть споры и поиск новых данных, подтверждающих ту или иную точку зрения.

Библиографический список

1. Агеева Р.А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. — М.: Наука, 1970. — С. 194–203.
2. Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуды // Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. — М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1899. — 165 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // Труды КАЭЭ. — 2009. — Вып. 6. — С. 118–124.
4. Берх В.Н. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания древностей. — СПб: Печатано в Воен. Типографии Гл. штаба Его Импер. Величества, 1821. — 234 с.
5. Богословский П. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскор, Соликамского уезда. — Пермь: Типо-Литограф. Губ. Правл., 1915. — 48 с.
6. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда. Т. 2. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. — 204 с.
7. Глушков И.Н. Чердынские вогулы: Этногр. очерк. — М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1900. — 64 с.
8. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. — М.: Наука, 1965. — 147 с.
9. Дмитриев А.А. Историко-археологические очерки Чердынского края // Календарь Пермской губернии. — Пермь: Тип. Губ. правл., 1883. — С. 56–99.
10. Дмитриев А.А. Исторический очерк Пермского края. — Пермь: Типография губернского правления, 1896. — 48 с.
11. Добротворский Н. Пермьяки // Вестник Европы. — СПб: Типография Стасюлевича, 1883. — март. — С. 228–265.
12. Жаков К. По Иньве и Косе // Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. — М: типография т-ва И. Д. Сытина, 1905. — 211 с.
13. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — 1192 с.
14. Кривошеков И.Я. К вопросу об исчезновении Камской чуды // Труды ПУАК. Вып. 7. — Пермь: Типография губернского правления, 1904. — С. 49–56.
15. Кривошеков И.Я. Словарь географически-статистический Чердынского уезда Пермского края. Пермь: Издание Чердынского уездного земства. 1914. — 850 с.

16. Кривошекова-Гантман А.С. К проблеме Пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. — Пермь: Перм. пед. ин-т, 1974. — С. 132–142.
17. Крупенин А. Краткий исторический очерк и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. Кн.1. — М., 1859. — С. 1–45.
18. Малахов М.В. На чудском городище // Древняя и новая Россия. Т. 1. № 3. — СПб., 1879. — С. 210–221.
19. Малиев Н.М. Антропологический очерк племени пермяков // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. — Казань: Тип. Императорского ун-та, 1887. — 70 с.
20. Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века Среднего Предуралья? // Труды КАЭЭ. — 2009. — Вып. 6. — С. 109–117.
21. Оборин В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. — Пермь: Перм. пед. ин-т, 1974. — С. 107–120.
22. Овчинникова Б.Б. «Чудь»: представления об исчезнувшем народе // Урал в зеркале тысячелетий. Вып. 50. Кн. 1. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. — С. 31–40.
23. Ожегова М. Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. — Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1961. — 115 с.
24. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. — Пермь, 1971. — 132 с.
25. Первухин Н.Г. По следам чуди. У верховьев реки Камы // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 2. — М., 1896. — С. 128–160.
26. Пермская и Вятская губернии (Экскурсии проф. И.Н. Смирнова) // Записки императорского русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1–2. — СПб., 1896. — С. 189–211.
27. Письмо С. Строганова А.Е. Теплоухову // ГАПК. Ф. 613. Оп.1. Д. 192.
28. Повесть о земле Вятской // Труды Вятской губернской ученой архивной комиссии. — 1905. — Вып. 3. — С. 3.
29. Полякова Е.Н. Проблема Пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. — Пермь: Перм. пед. ин-т, 1974. — С. 124–131.
30. Смирнов И.Н. Вотяки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Том 8. Вып. 2. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1890. — 351 с.
31. Смирнов И.Н. Пермяки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Том 9. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. — 289 с.
32. Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. — Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1876. — 181 с.
33. Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь: Типография губернского правления, 1891. — 300 с.
34. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. — 1951. — № 22. — С. 33–96.

35. Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. — 1880. — Т. 6. — Вып. 1. — С. 1–31.
36. Теплоухов Ф.А. Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии. — Пермь: Тип. н-ков Каменского, 1892–1895. — 280 с.
37. Теплоухов Ф.А. Древности, найденные в Чаньвенской пещере, Соликамского уезда // Пермский край. Том 3. — Пермь: Пермским губ. стат. комитетом, 1895. — С. 3–74.
38. Теплоухов А.Ф. О произошедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Ученые записки ПГУ. — 1960. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 70–74.
39. Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881. Первый период с 1263–1613. — Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1884. — 238 с.
40. Шмидт А.В. О Чуди и ее гибели // Записки УОЛЕ. — 1927 — Т. XL. — Вып. II. — С. 49–53.

УДК 902

А.В. Вострокнутов, Д.В. Шмуратко**ТУЙСКО-ПОЛУДЕНСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГРУППА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ V – VII ВВ. Н.Э. В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ***

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация*

Авторы представляют результаты применения геоинформационных (ГИС) технологий для изучения Туйско-Полуденской территориальной группы памятников в Пермском Предуралье в начале 2 половины II тыс. н.э. Итогом исследования являются выводы о способе ведения хозяйства местного населения и организации заселенного пространства

Ключевые слова: территориальная группа, памятник археологии, геоинформационные технологии, ГИС, население

A.V. Vostroknutov, D.V. Shmuratko**TUYSKO-POLDNEVSKAYA TERRITORIAL GROUP OF ARCHAEOLOGICAL SITES V – VII CENTURIES AD IN PERM CIS-URALS: THE EXPERIENCE OF STUDY WITH USE OF GIS-TECHNOLOGIES**

*Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russian Federation*

Authors of this article present results of use geographical information (GIS) technologies for the study Tuysko-Poldnevskaya territorial group of archaeological sites of Perm Cis-Urals in the beginning 2 half of II millennium AD. The summary of the study are the conclusions about the method of economy of the local population and the organization of the populated area

Key words: territorial group, archaeological site, geographical information technologies, GIS, population

Эпоха Великого переселения народов (ВПН) затронула не только центральные (для мировой истории), но и периферийные регионы Ойкумены. Этот тезис применим и к территории Пермского Предуралья, где в V в. появляется и функционирует в течении трех столетий так называемый «харинский культурный феномен», характеризующийся, в первую очередь, курганным обрядом захоронения. Харинским этот феномен назван по могильнику в д. Харино современного Гайнского района Пермского края, где впервые были обнаружены вещи, относящиеся к ВПН. До этого времени у местного населения отмечаются только грунтовые захоронения.

Памятники археологии, где наблюдаются проявления харинского феномена в течение V – VII вв. распространяются по территории всего Пермского Пре-

дуралья: на севере до современного с. Гайны и дальше в Республике Коми, на территории современных Очерского, Осинского, Пермского, Краснокамского, Бардымского районов Пермского края. Харинское население осваивает реки Чусовая и Сылва. Необходимо отметить, что к настоящему времени можно четко выделить только 5 полных территориальных групп памятников археологии, где так или иначе встречены следы харинского населения. Под понятием «полные территориальные группы» мы обозначаем такие группы археологических памятников, где представлены как поселенческие, так и погребальные объекты. Остальные памятники, которые тоже, безусловно, входят в различные территориальные группы пока представлены либо только могильниками, либо только поселениями, не объединяющимися в единую территориальную единицу.

Перечислим имеющиеся в нашем распоряжении территориальные группы: Гайнская, Лологская и Велвинская, расположенные на северо-востоке (для Гайнской и Лологской) и востоке Верхнекамской возвышенности, Сылвинская, расположенная на северо-восточной оконечности Тулвинской возвышенности и Туйско-Пулуденская группа. О последней и пойдет речь в данной работе.

Туйско-Полуденская группа расположена на северо-восточной оконечности Оханской возвышенности в бассейнах рек Большой Туй, Полуденная и Гаревая. Естественной северо-восточной границей служит река Кама, чьими правобережными притоками и являются вышеуказанные реки.

Следует отметить, что среди обозначенных территориальных групп Туйско-Полуденская группа стоит особняком. Это единственная территориальная группа, население которой осваивает не только надпойменные террасы вдоль крупных и малых рек, но и территории водоразделов. При этом фиксируется четкая взаимосвязь между типом памятника и топографией его размещения. Укрепленные поселения занимают территории на водоразделах, неукрепленные селища и могильники тяготеют к надпойменным террасам. Высота памятников над уровнем моря колеблется в пределах от 115 м – на надпойменных террасах до 200 м – на водоразделах (табл. 1). Таким образом, вариационный размах высотных значений составляет 85 м. Это наибольший вариационный размах среди всех анализируемых групп. Другой интересной особенностью расположения памятников данной группы являются наименьшие высотные значения неукрепленных поселений.

Создается впечатление, что Туйско-Полуденское население сознательно выбирало для селищ наиболее низкие надпойменные террасы, для которых характерен особый микроклимат, благоприятствующий разведению скота. Травы, произрастающие на хорошо увлажняемых пойменных лугах, являются идеальной кормовой базой [7, С. 166 – 170]. Стоит отметить, что тезис о преобладании животноводства в комплексном хозяйстве местных позднегляденовских племен достаточно убедительно доказал Ю.А. Поляков [6].

В плане организации пространства для Туйско-Полуденская группы характерно наличие большого числа городищ. Укрепленные многовальные поселения

располагаются на водоразделах и, по-видимому, защищают границы территории. Традиция сооружения городищ на коренных мысах речных террас была характерна для местного населения еще с ананьинского времени [2, с. 90]. В V в. под их защитой находились довольно компактные хорошо обжитые плотно заселенные земли – в пределах условного треугольника площадью 52 км², по углам которого размещены форпосты. В VI в. за счет возведения нового укрепленного поселения на периферии ранее освоенных земель, границы группы расширились, площадь возросла вдвое. Городище Белошейка преобразовало границы защищенной территории, превратив ее из треугольника в четырехугольник, площадью около 122 км² (рис. 1).

Помимо фортификационных особенностей Туйско-Полуденская территория характеризуется крайне незначительным числом погребальных памятников. На сегодняшний день в пределах территориальной группы достоверно известно только два могильника – Бурковский и Полуденковский (факт существования Беклемишевского могильника нельзя считать установленным, поскольку в разведочных обследованиях он так и не был обнаружен [3, с. 99]), и это при том, что междуречье рек Большой Туй и Полуденная, бассейн р. Гаревая археологически изучено очень хорошо (это своеобразная «Месопотамия» Прикамской археологии). Возможно, известные могильники бытовали продолжительное время и использовались населением всей территориальной группы. К примеру, Бурковский могильник имеет площадь около одного гектара. Исследователь памятника Н.В. Кулябина отмечает «...могильник занимает значительную часть мыса. Возможно, бескурганные захоронения будут выявлены не только на восточном конце, но и по всей периферии могильника. Не исключено выявление комплексов более ранних, чем раскопанные до сих пор» [5].

Для Туйско-Полуденской территории в VI в. характер демографический рост с увеличением числа памятников. В VI в. здесь появляется еще 1 городище (Белошейка) и 1 селище (Зародята), площадь освоенной территории возрастает вдвое. В последующем VII в. число памятников на данной территории сокращается – прекращают существование 2 городища (Опутята и Бутыры, находящиеся вблизи р. Кама) и 2 селища (Патраки и Коновалята I). Возможно в это время Туйско-Полуденское население начинает свое постепенно продвижение на север, ассимилируя проживавшие там харинские племена Велвинской, Лологской и Гайнской территориальных групп.

В археологической литературе описывается несколько методик оценки вероятной численности населения той или иной территории. В частности, И.М. Акбулатов применительно к ранним кочевникам Южного Урала описывает методику, основанную на вычислении экологической емкости территории [1, с. 11 – 14]. Этот метод позволяет оценить максимальную численность населения, которое могло проживать на данной территории, при условии, что основой хозяйства в этом обществе было скотоводство. В рамках методики подсчитываются возможности кормовых угодий исследуемого региона, которые могут обеспе-

чить содержание определенного количества скота, за вычетом части кормовых запасов, обеспечивающих существование диких животных. Количество же домашнего скота, которое определяется возможностями данной экологической ниши, в конечном счете определяет численность населения [8, с. 21]. Данная методика может быть применена к расчету вероятной численности населения Туйско-Полуденской группы (единственной из синхронных групп, где харинские памятники расположены в окружении позднегляденовских). Напомним, что ряд исследователей настаивают на высоком значении скотоводства у гляденовских племен.

Вторая методика основана на расчете вероятной численности населения на основе числа раскопанных погребений. Суть методики подробно описана С.С. Сорокиным и Б.Ф. Железчиковым и в итоге сводится к тому, что число одновременно проживавших людей равно частному от деления произведения общего числа погребений, средней продолжительности жизни, коэффициента смертности, коэффициента изученности и сохранности памятника на продолжительность использования могильника в годах [9а, с. 20; 9б, с. 65].

Расчет вероятной численности населения *Туйско-Полуденской группы* по методике оценки экологической емкости территории дал результат 397 чел.¹ Расчет по второй методике – 432 чел.²

Учитывая тот факт, что обе методики дали в принципе достаточно близкие значения есть основание говорить о том, что на территории Туйско-Полуденской группы одновременно проживало население численностью чуть более 400 чел. Проведенный расчет также подтвердил предположение о том, что занятие животноводством вполне могло обеспечить данное население продуктами питания.

Туйско-Полуденская группа состоит из четырех «кустов» поселений. Первый куст составляют селища Сибирь I, Сибирь II, Сибирь III. Второй куст – селища Зародята, Патраки, Коновалята. Третий куст – Чудиново I, Чудиново II. В четвертый куст, очевидно, следует выделить городища Сенькино I и II, причины этому следующие. Эти городища расположены на той же высоте, что и селища – т.е. достаточно низко над поймой. Фортификационные сооружения данных городищ также отличаются – оба городища одновальные. Возможно, в данном случае, мы можем говорить о данных памятниках не как о форпостах, призванных охранять определенную территорию, а именно как о поселениях. С другой стороны, отличие от многовальных городищ Бутыры, Опутята, Белошейка мо-

¹ Площадь территории 12 200 га. Площадь потенциальных пастбищ $12\,200 \times 0,86 = 10\,492$ га. Продуктивность пастбищ 412 кормовых единиц с гектара (лесостепь). Потребление одной головы скота в день 5 кормовых единиц. Годовое потребление одной головы скота $5 \times 365 = 1825$ кормовых единиц. Площадь пастбища для одной головы скота $1825 : 412 = 4,4$ га. Максимальное количество голов скота на территории $10\,492 : 4,4 = 2384$ голов. Норма потребления на одного человека 6 голов скота. Количество человек $2384 : 6 = 397$ чел.

² Расчет по могильнику Бурково. Количество исследованных погребений 144. Общая площадь могильника 1 га. Раскопанная площадь 1233 кв.м. Изученная часть памятника 1/8. Средняя продолжительность жизни 37,5 лет. Коэффициент смертности 2. Время использования могильника 200 лет. Вероятная численность $(144 \times 37,5 \times 2 \times 8) : 200 = 432$

жет указывать на необходимость корректировки датировки городищ Сенькино I и Сенькино II.

Среднее расстояние между селищами внутри куста 1 км, среднее расстояние между кустами 7 км. Данные значения позволяют говорить о включенности селищ в единую хозяйственную структуру территории. Каждый куст селищ обслуживается одним могильником. Селища первого, второго и четвертого кустов, по-видимому, тяготеют к Бурковскому могильнику, селища третьего куста – Полуденскому. Среднее расстояние между селищем и могильником 3 км. Обжитые и хозяйственные земли охраняются городищами, среднее расстояние между которыми 13 км, что дает основание утверждать о существовании единой оборонительной и/или сигнальной системы на территории. Среднее расстояние между селищами и городищами 9 км.

Коммуникационным центром территории выступает Коновалытское I селище, медианное расстояние от которого до объектов группы равняется 4 км. На периферии коммуникационной сети расположено городище Белошейка, медианное расстояние от него до объектов группы составляет 14 км., такое его положение однозначно не позволяет рассматривать городище как элемент хозяйственно-экономической системы территории, и делает единственно возможной интерпретацию в качестве составной части оборонительной системы. Городища Бутыры и Опутята занимают более выгодное положение их медиальные расстояния до других объектов группы – 7 км, таким образом, данные поселения могли выполнять как в хозяйственную, так и оборонительную функции (табл. 2). В частности, Опутятское городище В.Ф. Генинг интерпретирует как «производственный центр по добыче железа и производству из него необходимых хозяйственных изделий» [4, с. 132].

Мы можем сделать вывод об интересных особенностях Туйско-Полуденской территориальной группы памятников археологии. Они заключаются в том, что население данной территории продолжало заниматься скотоводством (на что указывает особенность расположения поселений в низинах); отдельные кусты памятников использовали два разных могильника (что является интересной особенностью: например, в Лологской группе каждому поселению соответствует свой могильник); оборонительная система группы опиралась на 4 крупных городища, расположенных на водоразделах. Наглядно эти выводы представлены на трехмерной визуализации рельефа интересующей нас территории (рис. 2, 3).

Таким образом, благодаря использованию ГИС технологий удалось подтвердить выводы, полученные предыдущими исследователями, и сделать новые. Интересно также отметить, что ГИС технологии относятся неdestructивным археологическим методам, что является крайне актуальным в настоящее время.

** Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья*

(комплексное исследование)», а также при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №16-11-59004 «Система расселения «харинских» племен во второй половине I тыс. н.э. на территории Прикамья»

Таблица 1. Высоты над уровнем моря памятников археологии Туйско-Полуденской территориальной группы

Памятник	Тип памятника	Датировка (вв. н.э.)	Высота над уровнем моря
Бурково	могильник	V - VI	115
Полуденский	могильник	V - VII	118
Белошейка	городище	VI - VIII	194
Антоновцы	городище	V - VII	200
Бутыры	городище	IV- VI	142
Опутатята	городище	IV- VI	180
Чудиново I	селище	IV - VII	113
Чудиново II	селище	IV - VII	112
Зародята	селище	VI - VIII	123
Патараки	селище	IV- VI	123
Коновалята I	селище	IV- VI	123
Сибирь I	селище	IV - VII	120
Сибирь II	селище	IV - VII	132
Сибирь III	селище	IV- VII	120
Сенькино I	городище	IV - VII	120
Сенькино II	городище	IV - VII	134

Таблица 2. Расстояния между памятниками археологии Туйско-Полуденской территориальной группы

	Бурково, мгк	Полуденский, мгк	Белошейка, грдш	Антоновцы, грдш	Бутыры, грдш	Опутята, грдш	Чудиново I, слщ	Чудиново II, слщ	Зародята, слщ	Патараки, слщ	Коновалята I, слщ	Сибирь I, слщ	Сибирь II, слщ	Сибирь III, слщ	Сенькино I, грдш	Сенькино II, грдш
Бурково, мгк		11	17,4	10,3	3,7	4,7	9,3	9,5	3,3	3,3	3,4	4,3	5,2	4,4	3	2
Полуденский, мгк	11		6,3	8,7	14,8	7,5	2,6	2,1	7,9	7,6	7,9	10,7	10,3	10,2	13	11,4
Белошейка, грдш	17,4	6,3		12,7	21,2	13,7	8,4	8,3	14,3	14	14,2	16,6	16	16,2	19	17,4
Антоновцы, грдш	10,3	8,7	12,7		12,7	10,5	9,5	9,3	9,4	8,4	7,4	6,8	5,7	6,3	10	8,8
Бутыры, грдш	3,7	14,8	21,2	12,7		8,5	13,2	13,3	7,2	7,1	6,9	5,9	7,1	6,4	3	4
Опутята, грдш	4,7	7,5	13,7	10,5	8,5		5,2	5,4	1,7	2,6	3,8	7,2	7,5	7	7,7	6,2
Чудиново I, слщ	9,3	2,6	8,4	9,5	13,2	5,2		0,2	6,2	6,2	6,8	9,9	9,7	9,6	11,6	9,9
Чудиново II, слщ	9,5	2,1	8,3	9,3	13,3	5,4	0,2		6,3	6,1	6,9	10	9,7	9,6	11,7	9,9
Зародята, слщ	3,3	7,9	14,3	9,4	7,2	1,7	6,2	6,3		1	2,3	5,6	5,9	5,3	5,9	4,3
Патараки, слщ	3,3	7,6	14	8,4	7,1	2,6	6,2	6,1	1		1,2	4,7	5	4,4	5,5	3,9
Коновалята I, слщ	3,4	7,9	14,2	7,4	6,9	3,8	6,8	6,9	2,3	1,2		3,6	3,7	3,3	4,9	3,2
Сибирь I, слщ	4,3	10,7	16,6	6,8	5,9	7,2	9,9	10	5,6	4,7	3,6		1	0,4	3,2	2,4
Сибирь II, слщ	5,2	10,3	16	5,7	7,1	7,5	9,7	9,7	5,9	5	3,7	1		0,8	4,3	3,5
Сибирь III, слщ	4,4	10,2	16,2	6,3	6,4	7	9,6	9,6	5,3	4,4	3,3	0,4	0,8		3,6	2,6
Сенькинское I, грдш	3	13	19	10	3	7,7	11,6	11,7	5,9	5,5	4,9	3,2	4,3	3,6		1,7
Сенькинское II, грдш	2	11,4	17,4	8,8	4	6,2	9,9	9,9	4,3	3,9	3,2	2,4	3,5	2,6	1,7	

Библиографический список

1. Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в до н.э. – IV в.н.э.). Уфа: НМ РБ, 1999. 102 с.
2. Борзунов В.А. Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1998. Вып. 19. С. 88 – 103
3. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 58 – 121
4. Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-ая половина V – 1-ая половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 92 - 135
5. Кулябина Н.В. Бурковский курганный могильник – эталонный памятник эпохи великого переселения народов [Эл. ресурс]. URL: http://museum.perm.ru/img/file_old.php?id_file=224 (дата обращения 09.12.2017)
6. Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.). Автореферат дис. ... к.и.н. Пермь, 1980.

7. Рамазанов С.П., Николаев Н.Ю., Юрченко С.А. Речной ландшафт и топография памятников в археологических культурах Поволжья и Южного Урала в период позднего энеолита и бронзового века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 166 – 170.

8. Скрипкин А.С. К проблеме определения численности сарматского населения в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. 2012. № 1 (21). С. 20 – 23

9. а) Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. 1975. С. 17 – 22; б) Железчиков Б. Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. - I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. С. 65 – 68

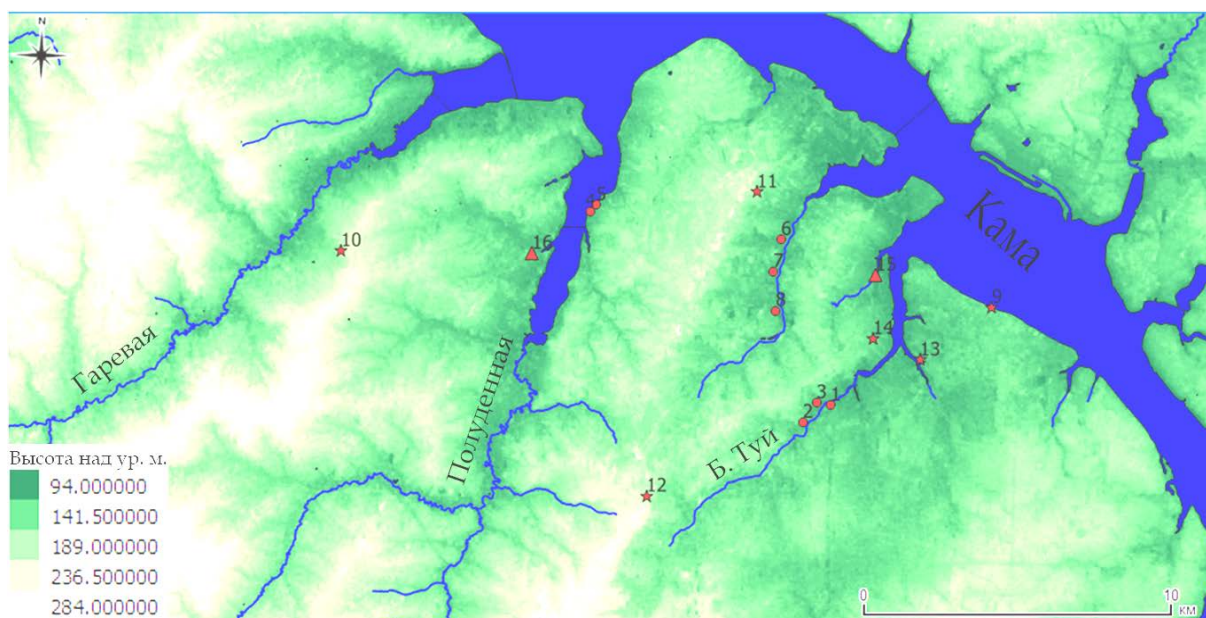

Рисунок 1. Памятники археологии Туйско-Полуденской группы.

1 – Сибирь I, селище, 2 – Сибирь II, селище, 3 – Сибирь III, селище, 4 – Чудиново I, селище, 5 – Чудиново II, селище, 6 – Зародята, селище, 7 – Патраки, селище, 8 – Коновалята I, селище, 9 – Бутыры, городище, 10 – Белошейка (Медведицкое), городище, 11 – Опутята, городище, 12 – Антоновцы – городище, 13 – Сенькино I, городище, 14 – Сенькино II, городище, 15 – Бурково, могильник, 16 – Полуденский, могильник

ник

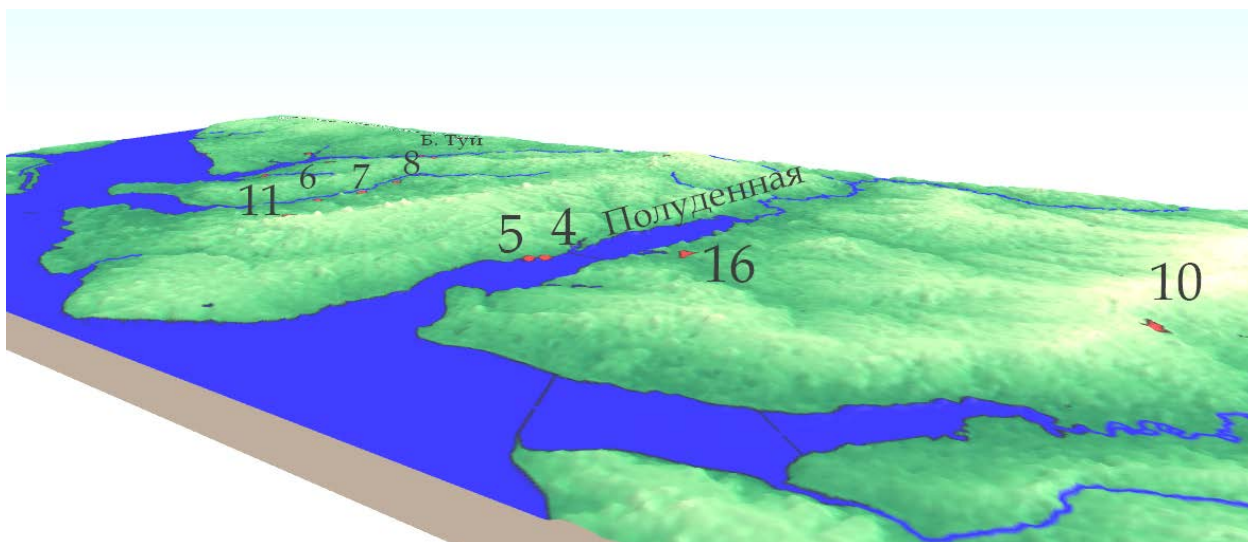

Рисунок 2. Трехмерная визуализация Туйско-Полуденской территориальной группы. Вид с северо-запада.

4 – Чудиново I, селище, 5 – Чудиново II, селище, 6 – Зародята, селище, 7 – Патраки, селище, 8 – Коновалыта I, селище, 10 – Белошейка (Медведицкое), городище, 11 – Опутята, городище, 16 – Полуденский, могильник

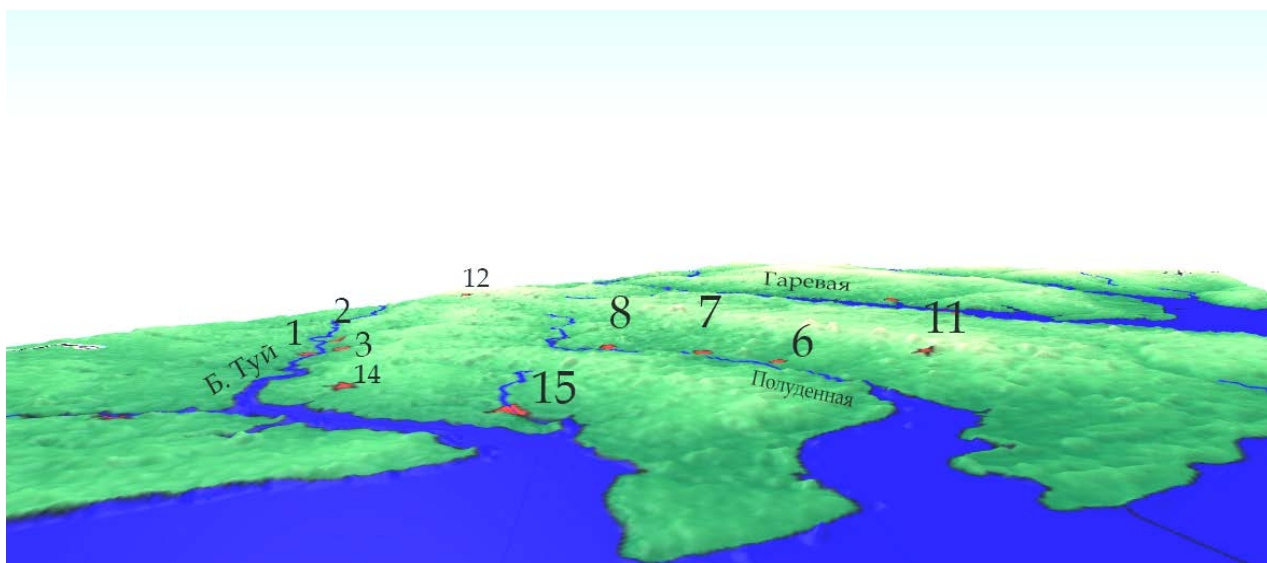

Рисунок 3. Трехмерная визуализация Туйско-Полуденской территориальной группы. Вид с северо-востока.

1 – Сибирь I, селище, 2 – Сибирь II, селище, 3 – Сибирь III, селище, 6 – Зародята, селище, 7 – Патраки, селище, 8 – Коновалыта I, селище, 11 – Опутята, городище, 12 – Антоновцы – городище, 15 – Бурково, могильник

УДК 908(470)

А.В. Каракулова**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА
КРИВОЩЕКОВА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)***Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация*

Статья посвящена археологической деятельности известного в свое время (конце XIX – начале XX вв.) коми-пермяцкого краеведа, географа, археолога, общественного деятеля И.Я. Кривощекова. Благодаря переписке окружного лесничего И.Я. Кривощекова с главным лесничим Пермского имения графов Строгановых, археологом и коллекционером «чудских древностей» Ф.А. Теплоуховым за 1884–1902 гг. удастся проследить путь становления И.Я. Кривощекова как археолога. На основе анализа трудов И.Я. Кривощекова описаны и охарактеризованы основные научные достижения в археологии Пермской земли.

Ключевые слова: И.Я. Кривощеков, археологическая коллекция Теплоуховых, археологические памятники, чудские древности.

A.V. Karakulova**IVAN KRIVOSHCHKOV'S ARCHAEOLOGICAL ACTIVITY (LATE XIX –
EARLY XX CENTURIES)***Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russian Federation*

The article is devoted to the archaeological activity of a well-known at his time (late XIX – early XX centuries) Komi-Perm ethnographer, geographer, archaeologist, public person Ivan Krivoshchekov. Due to the correspondence between the district forester Ivan Krivoshchekov and the chief forester of the Perm estate of the counts Stroganovs, the archaeologist and collector of "Chud antiquities" Fedor Teploukhov in 1884 – 1902 it is possible to trace the way of formation of Ivan Krivoshchekov as an archaeologist. Based on the analysis of the works of Ivan Krivoshchekov the major scientific achievements in the archeology of Perm region are described and characterized.

Keywords: Ivan Krivoshchekov, Teploukhovs' archaeological collection, archaeological sites, Chud antiquities.

Для отечественной исторической науки фигура любого ее представителя имеет несомненный интерес. Тем более, если это относится к малоизвестным деятелям, чье изучение перспективно в плане получения нового знания.

В последние десятилетия научному анализу подвергается жизнь и деятельность не только широко известных личностей, но и деятелей регионального значения, что помогает осмыслению прошлого определенных регионов на разных уровнях. В поле зрения ученых оказываются и деятели, личностный вклад которых в историю был недооценен в силу различных обстоятельств. К таким людям можно отнести личность Ивана Яковлевича Кривощекова (19 августа 1854 г. – 28 сентября 1916 г.), известного в свое время (конце XIX – начале XX вв.) коми-

пермского краеведа, археолога, географа, общественного деятеля, внесшего весомый вклад в развитие многих сторон жизни пермской провинции.

Иван Яковлевич Кривошеков был создателем подробных географических карт разных районов Пермского края, создателем первого атласа археологических памятников Пермского края (*тогда – губернии – А.К.*), основным и «забытым сборщиком» знаменитой археологической коллекции Теплоуховых, создателем первых пособий для учителей по преподаванию истории и географии родного края в школах. Несмотря на это, личность Ивана Яковлевича остается практически забытой в научной и популярной литературе, посвященной деятельности прикамских краеведов, географов, общественных деятелей, сведений о нем найти практически невозможно.

Непосредственно в интересующей нас области — археологии — И.Я. Кривошековым были достигнуты определенные успехи. В данной статье мы предприняли попытку показать путь становления И.Я. Кривошекова как археолога.

Нужно отметить, что продолжительное время Иван Яковлевич Кривошеков работал в строгановском имении лесничим, где судьба его познакомила с династией Теплоуховых. После того как Александр Ефимович Теплоухов занимает место главного лесничего Пермского имения Строгановых, вместе с этим в его обязанности входит извещать графа С.Г. Строганова об археологических находках. Так начинается научная деятельность Александра Ефимовича в археологии, интерес к которой он прививает и своему сыну Федору Александровичу. После смерти отца Федор Александрович продолжает пополнять археологическую коллекцию. Основной и важный итог работы Теплоуховых — это коллекция «чудских древностей». О том, что И.Я. Кривошеков принимал участие в собирании знаменитой археологической коллекции Теплоуховых, говорят записные книжки Ивана Яковлевича, которые были изучены Б.Н. Вишневским, а также важным источником подтверждения этого является переписка Ивана Яковлевича с Федором Александровичем Теплоуховым. Данные писем отражают начальный период знакомства И.Я. Кривошекова с предметом археологии, результатом которого становятся научные работы Ивана Яковлевича в этой области.

«Относительно покупки чудскихъ вещей, я уже сделалъ починъ, куплено вещей до пяти; в томъ числе, на мой взглядъ, интересенъ крестъ купленный в Церкви села Монастырского, бывшая Троицкая пустошь; при этомъ покорнейше прошу Васъ, Милостивый Государь, дать указания: нужно ли покупать дубликаты или же тройные экземпляры». [8, письмо от 1 июля 1886 г.]

Несмотря на то, что Ф.А. Теплоухов был непосредственным начальником Ивана Яковлевича и их переписки друг с другом имели, в основном, служебный характер, можно сказать, что их объединяли весьма дружеские отношения. Так, в одном из писем Иван Яковлевич пишет о подготовленном для Федора Александровича подарке, часто в письмах просит совета по каким-то личным вопросам.

«На дняхъ мне удалось впервые разъ увидеть живую куницу и даже убить из своей Берданки-дробовика, желая сохранить этотъ первый опытъ моей лесной охоты, я позволяю себе, покорнейше просить Васъ принять этотъ ничтожный подарокъ, хотя на чучело, для этой цели она заморожена почти въ натуральномъ виде» [7, письмо от 17 декабря 1885 г.].

Ф.А. Теплоухов, в свою очередь, поддерживает Ивана Яковлевича в различных начинаниях. Отмечу еще одну весьма показательную ситуацию. В 1900 г. на И.Я. Кривощекова заводится «Дело о злоупотреблениях по службе Инвенского окружного лесничего И.Я. Кривощекова» [1]. До этого против И.Я. Кривощекова, со стороны служащих, в главную контору были отправлены донесения с различными неоправданными обвинениями. Причина поведения сослуживцев И.Я. Кривощекова понятна, так как их очень тревожило присутствие в округе такого принципиального лесничего, мешающего промышлять «свои дела» по отмывке прибыли за излишки заготовленного леса.

В свое оправдание Иван Яковлевич отправляет Федору Александровичу донесение, в котором излагает свою «сторону правды» по сложившейся обстановке в лесном округе. Он объясняет это тем, что в канцелярии окружного лесничего не редки случаи беспорядка, когда служащие не выполняют своих прямых обязанностей [2].

Тогда Ф.А. Теплоухов, чтобы спасти Ивана Яковлевича от незаслуженного обвинения, объясняет ситуацию графу Строганову. Окружному лесничему Кривощекову удастся остаться с незапятнанной репутацией, но с понижением в должности.

Спустя месяц после первых покупок в коллекции Ивана Яковлевича было уже более ста предметов, когда-то принадлежавших таинственному народу чуди. В одном из писем к Федору Александровичу он признается, что «испытывает уважение к малоизвестному народу и все больше втягивается въ археологический вкусъ» [9, письмо от 7 августа 1886 г.]. Изучая находки И.Я. Кривощеков классифицировал древнерусские вещи, отличая их от чудских. Исходя из своих наблюдений, он пришел к выводу, что есть основания считать потомков чуди современных пермяков и зырян.

Купленные вещи И.Я. Кривощеков нумерует, а затем составляет списки, которые отправляет на рассмотрение Ф.А. Теплоухову, так как не все вещи интересовали коллекционера.

Владельцы, найденных вещей, порой сильно завышали цену, в связи с этим Ивану Яковлевичу не раз приходилось торговаться. Но первые покупки, ввиду неопытности и увлечения, как говорит сам И.Я. Кривощеков, достались ему по достаточно высокой цене [10, письмо от 30 ноября 1886 г.].

Еще в период пребывания по служебным делам в с. Юксеево И.Я. Кривощеков находит время для просмотра ближайших мест, в итоге обнаруживает недалеко от села ряд могил и курганов, в связи с этим предпринимает на этом месте проведение раскопок с целью обнаружения артефактов.

В первое время раскопки имели любительский характер, это можно понять, по некоторым сведениям, из писем.

Отсутствие специальной подготовки проявляется в терминах, используемых при описании археологических объектов: И.Я. Кривошеков сообщает, что ему удалось купить антропологическую находку «часть головы допотопного быка, рога совершенно целы и часть лба до глазных впадинъ, весить сия вещь 1 пудъ» [11, письмо от 3 февраля 1887 г.].

Также отсутствие достаточного опыта и знаний подтверждает методика раскопок И.Я. Кривошекова: «Раскопка Бородкинского кургана по прибавке на три сажь штольни оставлена, дальнейшие работы будутъ продолжаться по лету; относительно же результатовъ работы по пробивке штольни мною было лично доложено» [12, письмо от 29 мая 1887 г.].

Впоследствии, понимая отсутствие достаточных знаний в данной области, Иван Яковлевич интересуется у Федора Александровича «о руководстве для правильных раскопок могил и курганов», на что получает ответ, что таких данных не имеется.

В связи с этим И.Я. Кривошеков начинает изучать теоретические вопросы археологии. Он собирает различную литературу, находит в бумагах своего брата указания Уральского Общества на книги со статьями, где даются указания на предосторожности при раскопках, а также инструкции для антропологических наблюдений.

Стоит отметить, что один из братьев И.Я. Кривошекова также внес свой вклад в коллекцию Теплоуховых, так как в 1887 г. соглашается продать найденные древности, взамен на возможность пользоваться книгами из библиотеки Федора Александровича Теплоухова.

Несмотря на смену места своей основной деятельности по службе в 1887 г., И.Я. Кривошеков продолжает поиски чудских городищ. Так, занимаясь углежжением в Косьвинском лесничестве, им были найдены городища на р. Туе у деревни Меркутовой, удалось узнать о существовании городища в д. Вяткиной, а также о древних вещах в береговых осыпях по р. Косьве в д. Тысяцковой.

В с. Калинино И.Я. Кривошекову удастся обнаружить древние бронзовые вещи, которые были вымыты водой на берегу реки Лысьва. Среди местных жителей, заметивших необычные предметы, начали появляться коллекционеры. Так, у старшины волости оказалось более 50-ти экспонатов, которые он собирал и хранил для того, чтобы показывать людям. Иван Яковлевичем были предприняты попытки купить эти вещи, но все уговоры и выгодные предложения были встречены очередным отказом. К счастью Ивана Яковлевича, в подарок ему достались три необычных предмета, которые он мог выбрать сам. Таким образом, коллекция Ивана Яковлевича была пополнена еще несколькими неоценимыми экземплярами.

Позднее, Иваном Яковлевичем было также обнаружено чудское городище у д. Плесо, на тот момент Чусовской волости.

«..валь этотъ сохранился очень хорошо; есть сведения о многомъ интересномъ, но къ сожалению размеры настоящаго письма не позволяютъ распространиться» [14, письмо от 11 января 1889 г.].

С получением различных сведений Иван Яковлевич составляет для Федора Александровича справку по археологии с приложением карты, что стало началом составления полной детальной карты с археологическими памятниками.

«Относительно же содействия по составлению карты Пермской губернии съ археологическимъ указателемъ весь готовъ къ Вашимъ услугамъ – материалы известные мне какъ до историческаго периода такъ и историческаго могу представить въ всевозможныхъ формахъ для составления карты, это мне темъ более легко сделать, что все известно мне по археологии края вошло въ указателе къ карте и распределено по уездамъ, волостямъ и селениямъ» [13, письмо от 7 октября 1888 г.].

Нужно отметить, что Федор Александрович, в свою очередь, отправлял Ивану Яковлевичу некоторую дополнительную информацию о географии и археологии родного края, способствуя при этом становлению Ивана Яковлевича знатоком в определенной области знаний.

Благодаря письмам, можно проследить, как создавалась археологическая карта Чердынскаго уезда. Иван Яковлевич в одном из писем сообщает, что начал готовить записку о городищах Чердынскаго уезда, одновременно составляя карту местности, на которую Иван Яковлевич наносил местонахождения вещей и их названия [15, письмо от 25 августа 1889 г.].

Составляя археологическую карту Чердынскаго уезда, Иван Яковлевич пользуется дополнительными сведениями, так, например, он знакомится с сообщениями Иванова о чудских городищах Чердынскаго уезда, упоминает брошюру Малахова. Эти сообщения позволяют ему увеличить список местонахождений, наносимых на карту [15, письмо от 25 августа 1889 г.].

Иван Яковлевич не оставляет без внимания религиозные старинные вещи, находившиеся в церквях посещаемых им местностей. Так, в с. Голубятском, Ивану Яковлевичу удастся изучить разную церковную утварь: иконостас, паникадило, которое вызвало наибольший интерес, и было приобретено для заводскаго музея Добрянки. Также в этой церкви была приобретена икона для фельдшера, в знак благодарности его долгой службы в Добрянке.

Итогом изучения чудских вещей стали научные работы И.Я. Кривошекова. Первой историко-археологической работой И.Я. Кривошекова стала статья «Справка о прошлом Иньвенскаго Края». Иньвенский край имеет свою глубокую историю, пишет Иван Яковлевич, и этому свидетельствуют находки каменнаго века, земляные укрепления, т.е. городища с массой находок-предметов домашняго обихода чуди [6].

И.Я. Кривошеков, пользуясь трудами А.Е. Теплоухова, сообщает, что земледелие в бассейне р. Иньвы положено за много столетий до нашего времени. По находкам серебряных сосудов восточнаго происхождения, он делает вывод о

том, что уже в доисторический период существовали связи Иньвенского населения с отдаленными странами. Отмечает высокую степень культурного развития Чуди, о существовании торговли и даже местной добывающей и обрабатывающей промышленности.

В 1911 г. издается работа «Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники». Содержание данной работы включает в себя небольшое предисловие, начинающееся с того, что 3 июня 1894 г. Ф.А. Теплоухов выступает с сообщением на выставке в г. Перми. В сообщении дает краткие сведения о том, что было сделано для археологии в Пермском крае [5, с. 3].

Именно к этой статье прилагается археологическая карта Чердынского уезда, процесс составления которой упоминался выше. На карте представлено местонахождение археологических памятников, отмечены такие места как Юксовское, Лолог, Иванчино, эти места также часто упоминаются в письмах.

По словам Ивана Яковлевича, данный материал может быть полезен в археологическом, этнографическом или историческом отношении, при составлении которого он использовал, кроме литературных материалов, свои личные наблюдения.

В «Известиях Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества» второго выпуска 1917 г. можно найти такую статью И.Я. Кривошекова как: «Иллюстрации к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству» [4, с. 19].

Данная работа является текстом выступления И.Я. Кривошекова на публичном собрании Пермского Церковно-Археологического Общества, датой проведения которого является 17 января 1916 г.

Изучая предметы старины народов чуди, И.Я. Кривошеков предпринимает исследование такого вопроса как соприкосновение двух религиозных культов.

«Нахождение христианских символовъ съ такъ называемыми чудскими древностями явление для некоторыхъ местностей обычное» — сообщает Иван Яковлевич [4, с. 20].

Для сравнения Иван Яковлевич берет бассейн р. Ветлуги и левый приток р. Волги, чтобы исследовать совместное нахождение христианских крестов и образков с чудскими изделиями. Иван Яковлевич, рассматривая этот вопрос, пишет о том, что случаи совместного нахождения христианских и языческих памятников не являются единичными. Нахождения совместных памятников имели место быть в Московской, Рязанской, Тверской и Калужской губерниях. Говоря о Пермской, он приводит пример коллекции Теплоуховых, в которых имеются указания о нахождении христианских крестов совместно с чудскими изделиями.

Перечисляя церковные принадлежности разных уездов, исследователь говорит о том, что эти вещи ждут своего изучения и полной оценки. Он также считает, что возникновение Церковно-Археологического Общества раскроет много нового для Прикамья и осветит историю появления христианства.

Последним научным трудом Ивана Яковлевича в области археологии станет работа под названием «Древние Пермь, Югра, Печора въ ихъ историческомъ прошломъ до эпохи великихъ реформъ Императора Александра II». Предлагаемая работа, по словам И.Я. Кривошекова, это — попытка познакомить читателей с историей Прикамской области [3, с. 85].

Несмотря на то, что взгляды И.Я. Кривошекова на проблемы этногенеза народов Прикамья и интерпретация исторических источников далеко не всегда соответствовали действительности, его исторические работы сохраняют свою значимость до сегодняшнего дня, в первую очередь, благодаря богатому содержанию материала.

Библиографический список

1. Дело о злоупотреблениях по службе Инвенского окружного лесничего И.Я. Кривошекова, 1900–1901 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.187. Л.95.
2. Донесения Инвенского Окружного лесничего Кривошекова Ивана Яковлевича Теплоухову Федору Александровичу, 1886–1887 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.144. Л.13.
3. Кривошеков, И.Я. Древние «Пермь, Югра и Печора» в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II-го: (крат. хронолог. перечень событий). // Известия Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества. — Пермь: Типо-Литограф. Губ. Правл., 1917. — Вып. 2. — С. 85.
4. Кривошеков И.Я. Иллюстрации к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству. // Известия Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества. — Пермь: Типо-Литограф. Губ. Правл., 1917. — Вып. 2. — С. 19–24.
5. Кривошеков И.Я. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники. Археологическо-этнографические заметки по Чердынскому уезду. — Пермь, 1911. — 61 с., 1 л. карт.
6. Кривошеков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края // Материалы для истории села Кудымкара. — Пермь, 1894. — С. 10–14.
7. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф. А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо № 3.
8. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо №4.
9. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо №5.
10. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо №7.
11. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо №11.
12. Письма лесничего Кривошекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. — Письмо №13.

13. Письма лесничего Кривощекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895–1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54.– Письмо №23.
14. Письма лесничего Кривощекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1889 г. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.150. Л.27 – Письмо №1.
15. Письма лесничего Кривощекова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1889 г. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.150. Л.27 – Письмо №13.

УДК 39 (397.4)

М.С. Каменских**УКРАИНЦЫ ПРИКАМЬЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ****Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,**Пермь, Российская Федерация**Кафедра теоретического и прикладного языкознания**ФГБОУ ВО «Пермский государственный национально-исследовательский
университет», Пермь, Российская Федерация*

В статье на основании письменных источников реконструируется общественная жизнь украинского населения Прикамья в 1920-е гг., а также политика большевиков в отношении украинцев. Раскрыты вопросы, связанные с размещением украинских солдат в Прикамье в годы Первой мировой войны, жизни украинских большевиков в Перми в 1918–1919 гг., а также представлен анализ деятельности Украйбюро при Пермском губкоме РКП (б). Автор делает выводы о причинах активной политики большевиков в отношении украинцев в 1919–1921 гг.

Ключевые слова: национальная политика, Прикамье, большевики, украинцы, Украйбюро, бюро нацмен.

M.S. Kamenskikh**UKRAINIANS OF PERM REGION IN THE NATIONAL STATE POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER**

Perm federal researching center of the Ural Department of Russian Academy of science, senior researcher of department of theoretical and applied linguistics of Perm State National Researching University.

The article on the basis of written sources reconstructs the social life of the Ukrainians of the Perm region in the 1920s, as well as the policy of the Bolsheviks against local Ukrainians. Issues related to the deployment of Ukrainian soldiers in the Perm region during the First World War, the life of the Ukrainian Bolsheviks in Perm in 1918–1919, as well as an analysis of the activities of the Ukrainian Bureau (Ukrayburo) at the Perm Gubernia of the RCP (B.) were presented. The author draws conclusions about the reasons for the active policy of the Bolsheviks against Ukrainians in 1919–1921.

Keywords: national state policy, Perm region, Bolsheviks, Ukrainians, Ukraybyuro, national office

Сразу после прихода к власти в 1917 г. большевики начали активно проводить различные социальные преобразования, в том числе в решении национального вопроса. В первые годы советской власти национальная политика большевиков была направлена, в первую очередь, в отношении этнических сообществ, которые успели институционально оформиться в период работы Временного Правительства, и имели собственные программы развития. В этом ряду особое место занимают украинцы. Во-первых, в Российской Империи они занимали второе место после русских по численности. В «Атласе народов, проживающих в Российской Империи» указана численность 17,1 млн. человек с несколь-

кими районами компактного проживания по Империи [7, с. 49-52], а по переписи 1897 г. в России отмечено 22,3 млн. человек, говорящих на малороссийском языке. Это был второй по численности народ империи, составлявший 17 % от всех жителей страны [9]. Во-вторых, Украина с июня 1917 г. пыталась пойти по пути независимого от России развития и политической самостоятельности [8, с. 173]. В-третьих, украинцы в большинстве не были едины в вопросе поддержки советской власти или борьбы с ней, а численность украинцев в отдельных областях была весьма значительной. В этой связи неудивительно, что в первые годы после прихода к власти большевики уделяли большое внимание работе с украинцами по всей контролируемой ими территории. Пермская губерния в этом отношении не являлась исключением.

В рамках данной статьи будет рассмотрена общественная жизнь украинцев в Прикамье в 1917–1921 гг., а также политика большевиков в отношении украинцев. История украинцев Прикамья в контексте общей этнической истории региона уже несколько раз освещалась в региональной историографии, особенно в последние 5 лет [17; 18; 19]. В научный оборот введен обширный корпус не публиковавшихся ранее письменных источников, проведены полевые исследования. Между тем, основной интерес историков вызывают, как правило, периоды пребывания украинцев в Перми в начале XX в. и в 1930-е гг. в связи с репрессиями и ссылкой, в то время как 1920-е гг. являются наименее освещенными в науке. Разные виды источников до сих пор не опубликованы, что актуализирует проведение исследования истории украинцев в Прикамье в 1920-е гг. Особую важность эта тема приобретает в период юбилея событий октября 1917 г. и их активной текущей переоценки.

Исторически украинская община Прикамья формировалась в западных от Перми территориях Оханского уезда со второй половины XIX в. [17, с. 228]. В Перми же по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. проживало 72 украинца (60 мужчин и 12 женщин), из которых 45 были грамотны (33 мужчины и 8 женщин). По роду занятий 35 мужчин были отнесены к категории «Вооруженные силы», что позволяет сделать вывод о существовании в Перми в конце XIX в. воинского подразделения, сформированного из украинцев. Кроме этого, украинцы были представлены в характерных для мигрантов видах деятельности — занимались торговлей, работали прислугой, на плотницких работах и железной дороге [10, с. 104-105, 205].

В годы Первой мировой войны в результате эвакуации населения из западных районов страны в Прикамье оказалось немало беженцев и военных украинцев. В Перми, в частности, квартировалось несколько рот украинцев. Когда 25 июня 1917 г. размещенные в Перми солдаты разогнали большевистскую демонстрацию и жестоко избили манифестантов, местные газеты писали, что «из солдат, разгонявших манифестантов, особенно отличались солдаты из украинских рот, с желто-голубыми лампасами» [15]. Среди большевиков также было немало украинцев. Так, одним из видных революционеров Прикамья в офици-

альной историографии был уроженец Херсона Иван Сергеевич Сухобрус. В до-революционный период он, будучи уже большевиком со стажем, работал на пермском филиале петроградского завода Леснера (позже — завод им. Дзержинского). И.С. Сухобрус погиб в боях за Пермь в июне 1918 г. Он был похоронен в Перми, на сегодня является единственным украинцем среди наиболее известных революционеров Прикамья [16].

Работа среди украинцев началась с открытия Украинского кружка, который располагался по ул. Пермской, 70. В «Известиях Пермского губернского исполнительного комитета» за 4 июня 1918 г. было опубликовано объявление, приглашающее украинцев города записаться в члены кружка: «К сведению украинцев. Правление пермского украинского кружка ставит в известность всех граждан-украинцев, что в доме №70, по Пермской улице принимается запись в члены кружка, а также в хор, выдаются книги для чтения и разного рода справки у дежурного члена правления, каждый день с 6 часов вечера» [5]. Однако о судьбе этого кружка после декабря 1918 г. ничего неизвестно.

После отступления войск Колчака из Перми в составе красноармейских частей, вошедших в город, было немало украинских коммунистов, направленных центром для работы в освобожденных территориях. В декабре 1919 г. они украинцы подняли вопрос об эвакуации обратно на родину, всего 32 человека (члены партии, партийные инструкторы, работники советских учреждений и средств массовой информации Украины, рабочие с дореволюционным стажем) [12, с. 45-48]. Многие из них самостоятельно подали заявления об отправлении их на родину и выехали к концу 1919 г., однако некоторым было отказано ввиду важности занимаемой должности и невозможности подыскать замену [12, с. 64-65]. Оставшиеся в Перми украинцы занялись общественной работой среди соотечественников в рамках бюро нацмен. По данным губкома партии, в Перми и Мотовилихе на 1920 г. проживало 600 человек украинцев [11, с. 5], что требовало отдельной работы, особенно в период советско-польской войны. Решение об открытии при Бюро национальных меньшинств украинского отделения Пермского губкома РКП (б) было принято 03 июля 1920 г., о чем и сообщалось в местном органе печати. Газета «Звезда» сообщала, что при большом количестве украинского населения «как культурно-просветительской, так и агитационной работы почти совершенно не велось», в связи с чем и создавалась украинская секция агитации и пропаганды при губкоме (также называется в источниках Украйбюро или Украйкомитет) [3]. 28 июля 1920 г. состоялось учредительное собрание бюро, председателем которого был избран некто т. Петров, а членами президиума — Блиндер, Мушинский, Балабанский, Дудка, Пикулев и др. Пермское Украйбюро имело свою собственную печать [11, с. 5]. После избрания председателя и президиума были намечены основные цели деятельности бюро, среди которых значились: учет всех украинских коммунистов, регистрация украинского населения, издание газеты на украинском языке, установление свя-

зей с Центром и бюро других губерний Урала, организация работы Украинского клуба «в культурно-просветительском отношении» [11, с. 48об].

В рамках своей работы Украйбюро наладило учет украинского населения (в том числе беспартийного) [3], проводило собрания, о чем сообщалось в местном органе печати, ставило спектакли «с просветительской целью» [13, с. 33]. При организации существовал Украинский коммунистический пролетарский клуб имени Т.Г. Шевченко и Драматическая секция [4]. Кроме этого, организация вовлекала своих соотечественников в большевистскую политику через создание ячеек в городах губернии и участие в различных акциях, самыми крупными из которых были сбор средств для голодающих на Украине и призыв бороться с войсками Врангеля в 1920 г. [6]. Украйбюро даже издало брошюры на украинском языке призывом помочь землякам [11, с. 14-15].

В 1921 г. при Украйбюро была создана школа по ликвидации безграмотности на родном языке, трудовая коммунистическая артель по обработке земли. Усилиями пермских украинцев была установлена связь с ЦК Украины, с помощью которого в Пермь доставлялась литература на украинском языке, в отчете Украйбюро за апрель 1921 г. сообщается, что «литература имеется в достаточном количестве» [11, с.5 об.].

Между тем, следует отметить, что работа по вовлечению украинского населения в политику большевиков не была полностью успешной даже, по оценке самих украинских коммунистов. Согласно протоколу заседания Украйбюро от 04 декабря 1920 г., зарегистрировать в бюро удалось только 46 пермских украинцев, из которых партийными были 11. В протоколах заседаний бюро по целому ряду вопросов сохранились формулировки «принять к сведению» и «работу поднять на должную высоту», что свидетельствует о неудовлетворенности руководства секции качеством работы Украйбюро [11, с. 5, 28-28 об.]. Показателен в этом плане протокол бюро от 11 августа 1920 г., где сообщается, что «вследствие перезагруженности членов бюро другими работами, работа бюро протекала не вполне нормально, поэтому просить Губком РКП (больш.) и те учреждения, где служат члены бюро не перегружать их работой ввиду важности и усиления работы бюро» [11, с. 29]. А объявления в местных органах печати о собраниях украинцев, как правило, заканчивались фразой «Явка обязательна» [2], что также косвенно указывает на слабую посещаемость. По всей видимости, украинцы не могли заниматься общественной работой из-за занятости на своих основных местах. Близость языка и культуры не ставили вопрос о национальнй принадлежности на первый план.

После 1922 г., когда бюро нацмен было распущено, какой-то значимой информации о жизни украинцев в Перми в источниках не отложилось.

В целом нужно признать, что численность украинского населения в Прикамье в начале 1920-х гг. по-прежнему была невысокой, однако она увеличилась в сравнении с предыдущим периодом. Основными причинами увеличения численности стали миграция крестьян в Сивинское имение Оханского уезда, миграции,

вызванные Первой мировой войной, революциями и Гражданской войной. Если официально по данным переписи в городах Пермского округа проживало 87 украинцев [15, с. 38-39], то в 1926 г. их численность только в Перми увеличилась до 193 человек, из которых 135 были мужчинами, 58 — женщинами [1, с. 123].

Анализируя данные источников, можно заключить, что украинцы являлись весьма важной для большевиков частью общественной жизни Прикамья. Работе с украинцами, вовлечению их в советскую политику местные власти придавали большое значение, помня участие украинцев в разгоне большевистской манифестации. Однако работа с украинским населением по линии создания Украйбюро при губкоме не была достаточной успешной, что признавали сами большевики, однако антисоветских выступлений и каких-либо других проблем, связанных с украинским населением, после 1918 г. в источниках не фиксируется.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 17-11-59003 «Национальная политика в РСФСР в 1923-1939 годах: региональный аспект».*

Библиографический список

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. — М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. — 303 с.
2. Звезда. 1920. 20 дек.
3. Звезда. 1920. 26 нояб.
4. Звезда. 1920. 3 июля.
5. Известия Пермского губернского исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 4 июня.
6. Красный Урал. 1920. 20 мая.
7. Малороссы // Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи. — СПб.: Издание Канцелярии комитета министров, 1895. — С. 49–52.
8. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. — М.: Форум., 2013. — 304 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]: Демоскоп Weekly. — URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения: 30.10.2017).
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. — СПб., 1904. — Т. XVI. — 156 с.
11. Пермский государственный социально-политический архив (ПермГАСПИ). Ф. 557. Оп. 2. Д. 282.
12. ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 103.
13. ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169.
14. Пермский вестник. 1917. 27 июня.

15. Статистический сборник на 1923 год / Пермское губстатбюро. — Оханск, 1923. — С. 38–39.
16. Сухобрус Иван Сергеевич // Революционеры Прикамья. — Пермь, 1966. — С. 620–623.
17. Украинцы // Народы Пермского края. История и этнография Том 2. / сост. А.В. Черных. — Пермь: Издательство «Пушка», 2014. — С. 224–247.
18. Украинцы // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. — СПб.: Маматов, 2014. — С. 371–379.
19. Черных А.В., Каменских М.С. Украинцы Перми: история и культура. — СПб.: «Маматов», 2017. — 64 с.

УДК 398.32(=511.132)

Т. Г. Голева**ПОЧИТАНИЕ КОМИ-ПЕРМЯКАМИ РОДНИКА ТАРКОМЫС ****Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация*

Территория расселения коми-пермяков богата водоемами. Особое внимание в народной традиции обращено к родникам. Статья представляет исследование почитания коми-пермяками родника Таркомыс, который хорошо известен в настоящее время среди населения одного из районов Коми-Пермяцкого округа. Первые материалы о роднике были зафиксированы в середине XX в. Они вместе с современными данными помогают определить, что известно о данном источнике, позволяют проследить, как развивался народный культ, какие произошли изменения. Особенностью почитания ключа Таркомыс можно назвать сочетание в обычаях и мифологических рассказах представлений о древнем населении края, о целебных свойствах воды и о православных сооружениях.

Ключевые слова: коми-пермяки, предания о чуде, культ предков, почитание воды, почитание христианских святынь, легенды об утонувших храмах, сновидения

Tatiana G. Goleva**THE WORSHIP OF TARKOMYS WELL BY THE KOMI-PERMIANS***Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences*

The territory on which the Komi-Permians are settled is rich waters. Wells occupy a special place in the folk tradition. The article contains a study of the worship of the Tarkomys well by the Komi-Permians, which is well known to the population at the present time. The first data about the well were fixed in the middle of XX century. Together with modern data, they help determine what is known about this well, allow us to see how the popular cult has developed, and what changes have taken place. The worship the Tarkomys well has several features. This is a combination in the customs and mythological tales the ideas about ancient population of the region, about the healing properties of water and orthodox objects.

Keywords: Komi-Permians, legends about Chud, the cult of ancestors, the cult of water sources, the cult of Christian relics, legends about drowned churches, dreams

Коми-пермяки использовали воду и водоемы в большом числе ритуалов, многие из которых остаются актуальными в современное время. Так, в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа особым вниманием в последнее десятилетие у населения пользуется родник Таркõмыс (Таркомыс, Таркамыс). О почитании коми-пермяками данного водного объекта уже не раз писалось в научных трудах [4, с. 129; 13 с. 73-75]. Впервые данный «культ» был описан Л.С. Грибовой в 1961 г. [1, с. 16]. Данные сведения вместе с современными данными позволяют проследить историю почитания родника и развитие народных представлений о нем.

Для проведения настоящего исследования используются опубликованные данные, полевые записи и наблюдения автора (2007, 2008, 2017 гг.), а также опросы участников экспедиций Пермского государственного гуманитарно-

педагогического университета, прошедших в 2007-2008 гг. под руководством А.В. Черных.

Исходной версией для изучения процессов сохранения и модернизации обычая является текст Л.С. Грибовой, поэтому считаем необходимым привести его.

«Т. н. “чучкая” часовня в поле Таркомыс близ деревни Куделькино Кочевского района. Место представляет собой небольшой узкий овражек, образованный ключом, выходящим из склона холма. В народе рассказывают, что здесь была некогда “чучкая” часовня, хотя о существовании ее никто не помнит. Еще недавно о ней вообще не вспоминали, и никаких поминок там не было. Лет 5-6 назад заболевшей старухе Н. из дер. Куделькино приснилось, что “часовню” надо восстановить. Эта “восстановленная” часовня летом 1959 г. представляла следующее: к одному из деревьев, росших вокруг овражка, прибита маленькая фанерная дощечка, на которой химическим карандашом крупным неровным почерком написано: “Поминаем старых людей, старых людей”. Подпись на русском языке. Тут же висело холщовое белое полотенце, крестик на гайтане, к полотенцу приколото несколько английских булавок. На дне овражка в воде блестяли монеты в 3, 5, 10 копеек.

Не имея возможности тогда все это сфотографировать, я решила посетить это место еще раз, летом 1960 г. Дощечки с надписью уже не было, полотенце истлело, но зато на нем оказалась масса приколотых английских булавок. В воде уже не было монет. Данное место не пользуется известностью, и поминать “старых” сюда приходят только из близлежащих деревень» [1, с. 16].

Итак, по данным Л.С. Грибовой, проведение поминок у родника началось в середине XX в. Об этом свидетельствуют и современные материалы: *Когда я молодая была, ходили за пиканами туда. Тогда ничего не говорили, потом стали говорить, что там похоронены* (зап. от Ботоноговой А. А., 1940 г. р., с. Пелым). Пересказанное Л.С. Грибовой предание о роднике очень лаконичное, тогда как некоторые современные тексты дают больше сведений. Вероятно, Л.С. Грибова зафиксировала или передала не полный текст предания, так как в нем не объясняется, что случилось со старой часовней и кого именно поминают в данном месте. Отсутствующие части известны и довольно актуальны в современных истолкованиях обычая. Кроме этого, в настоящее время предания отличаются друг от друга по сюжету. Данная черта свойственна фольклорным жанрам [10, с. 3] и свидетельствует об их историческом развитии.

Сон как причина появления культа

Причиной появления ритуала Л.С. Грибова называет сон, после которого началось «восстановление» часовни. Среди современных записей всего лишь в одной упоминается сновидение. Данный рассказ немного отличается от приведенного выше. Во-первых, в нем женщина названа жительницей деревни Пыстогово. Во-вторых, в нем ничего не говорится о часовне, а почитаемый объект

называется местом самопогребения «маленьких человечков», которых никто не поминает, поэтому люди болеют: *Тогда были тут люди такие маленькие. <...> Закопали землю, там столбы сделали, сами себя погубили маленькие-то. Тут ключ стал, течет. Километров пять <отсюда> Пыстогово деревня есть, там заболела женщина и во сне видела: вот бы это место, эта горушка и этот ключок. А там место-то называют Таркомыс. <...> Видит: маленькие человечки и они говорят: «Нас никто не поминает, поэтому ты болеешь». У нее ноги, видимо, не были. Это знать-то стали лет 30 наверно уже, это место. Она сказала все людям. <...> Запрягли лошадь, ушли много. Стряпали, все делали. Пришли, где ключок течет, и поминали. И через три дня она стала ходить* (зап. от Андровой Ф.Л., 1940 г.р., д. Петухово).

В народной культуре сновидения всегда считались символическим явлением. Для коми-пермяков сон, кроме прочего, является средством общения с умершими родственниками и средством определения причины заболеваний в рамках проведения ритуала черешлан [3, с. 61]. Считаем, приведенные предания о сновидении могут быть правдивыми, появление обычая, возможно, обусловлено народным толкованием сна.

Родник как чудское место

Почитаемый объект в местечке Таркõмыс по сведениям Л.С. Грибовой назывался «чучким». Среди коми-пермяков Кочевского и соседних районов распространен обычай почитания древних захоронений, некоторые из них в народе известны как места самопогребения чуди. Л.С. Грибова исследовала 4 таких места, и только один из них она относит к древним могильникам, все остальные считает местами древних святилищ [1, с. 18]. Соотношение большинства почитаемых мест с древним населением края, общее поверье, что они могут наслать болезни — все это уже на более позднем этапе способствовало закреплению в преданиях о ключе старых сюжетов о чуди. В современных рассказах о Таркõмыс слово «чудской» упоминается лишь один раз. Но в приведенном выше примере рассказывается о «маленьких человечках», а в ряде преданий чудь описывается именно небольшого роста [5, с. 240]. В другом тексте родник называется «колодцем», также в народе обозначаются и водоемы древних жителей — «чудские колодцы» [4]. То есть, несмотря на то, что почитание ключа Таркõмыс может быть позднего происхождения, часть представлений о нем основана на архаичных преданиях о древнем населении края, типичных для данной местности.

Предание об утонувшей часовне

Главным сакральным объектом, по словам Л.С. Грибовой, в местечке Таркõмыс была часовня. Исследовательница добавляет, что «часовнями в крае называют деревянные сооружения для христианских молений или даже кресты, или столбы с иконами. <...> обилие часовен объясняется ничем иным, как тем,

что в период христианизации православная церковь, приспособляясь к местным условиям, ставила свои “святителища” вместо “языческих”» [1, с. 17]. В народе распространена легенда, что часовня (церковь, монастырь) на этом месте утонула, причем многие считают, что вместе с людьми: *Сэтчö пö вöйлöм вичку, часöвня пö вöйлöм кум мортöн...* (Здесь де утонула церковь, часовня де утонула с тремя людьми) (зап. от Пыстоговой А. А., 1938 г. р., д. Пыстогово).

Мотив о затонувшей часовне самый известный среди местного населения, во время полевых опросов он был записан от 9 человек. По одной из версий родник здесь появился после исчезновения постройки: *Оказывається, вöйлöм сэтчин, и сэссянь пондöм родничокыс петны, целебнöй источник* (Оказывається, утонула там. И с тех пор начал родник выходить, целебный источник) (зап. от Хомякова М. А., 1949 г. р., д. Кузьмино). Похожие рассказы о затонувших христианских сооружениях или утонувшем населении распространены в западных областях России, в Белоруссии [8, с. 157; 9; 12, с. 66–77 и др.]. Примечательно, что среди них также встречается повествование о сновидении, в котором человеку было указано облагородить место рядом с провалившейся церковью, чтобы избавиться от болезни ног [11 с. 128–129]. Легенды об утонувших церквях не типичны для Пермского края, вместе с тем среди коми-пермяков бытуют предания о том, что древняя чудь провалилась под землю или утонула в водоеме (см.: [2, с. 139–143; 5, с. 240–241]). Предполагаем, что на появление предания об утонувшей часовне в местечке Таркöмыс повлияли как местные предания о гибели чуди, так и услышанные из других мест легенды о провалившихся под землю храмах.

В преданиях коми-пермяков называется число погибших — это три человека, или «народа много», или целая деревня, возможно, со всеми жителями: [13, с. 73]. Известно, что недалеко от родника еще во второй половине XX в. располагалась д. Куделька (Куделькина, Кудельникова), о каких-либо других жилых постройках сведения отсутствуют. Деревня Куделька, по изысканиям И.Я. Кривошекова, в документах фиксируется с 1848 г. В 1884 г. в ней числилось 12 домохозяйств [7, с. 473]. В народном предании о трех утонувших жертвах отмечается, что имена их были известны, среди них было имя Матрена. По словам Анны Григорьевны Петровой, которая несколько лет прожила в д. Куделька, «первыми людьми» в местечке Таркöмыс были Антон, Фрол (Прол), Кирилл, Агафья (Агап), Фекла (Пекла) и Домна. В своих поминальных молитвах она перечисляет эти имена вместе с названием места, так как коми-пермяки по традиции во время поминок на древних и коллективных захоронениях первыми называют имена православных святых, предков или названия мест с их захоронениями, веря, что иначе они могут покарать людей. В зафиксированных и опубликованных исследователями поминальных молитвах коми-пермяков из перечисленных выше имен встречается только Домна: [6, с. 55]. Кого именно обозначает данное имя в молитве остается не известным, может быть, оно имеет отношение к местечку Таркöмыс.

Имена предков и названия захоронений коми-пермяки также перечисляли во время обряда черешлан, чтобы выяснить, кто наслал болезнь. В одной из записей такого списка значится *Таркомыс ключ* (зап. от Петровой А.Д., 1924 г. р., с. Пелым), рядом в скобочках добавляется: «Георгий Победоносец 6/5», — что указывает на дату и почитаемого в данном месте святого. Имя святого было упомянуто и другим респондентом во время опроса о роднике: *Таркамыс, тут, видимо, когда-то монастырь... Утонул этот монастырь, вот и поминают. Георгия Победоносца де это место* (зап. от Петровой О.И., 1938 г.р., с. Пелым). По словам А. Г. Петровой, в д. Кудельке местным чтимым праздником был Макарьев день, дату памяти св. Георгия там не отмечали. Но в соседней деревне Деминой, которая находится примерно в 10 километрах от Кудельки, в Егорьев день, 23 апреля по старому стилю, проходили торжки [7, с. 340]. То есть дата должна была быть известной и чтимой среди местного населения. Другим вариантом объяснения связи ключа Таркёмыс со святым может быть то, что там находилась икона св. Георгия. Народные предания сообщают историю об иконе, от которой местные власти избавились в советское время. Когда именно икона была установлена не уточняется, поэтому открытым остается вопрос о времени начала почитания родника.

Культовые сооружения и ритуальные предметы

По описанию Л.С. Грибовой в 1959 г. «восстановленная часовней» рядом с родником представляла собой прибитую к одному из деревьев фанерную дощечку с надписью. Через год данная дощечка исчезла. По народным воспоминаниям, рядом с источником на сосне или ели когда-то была прикреплена икона. Одна женщина видела икону во время посещения родника в молодости: *А икона-то на елке только виселась. Тут на елку-то и молились* (зап. от Ратеговой А.С., 1926 г. р.). Другая — знает о ней из народных рассказов: *Мужчина был партийный и женщина партийная, они все иконы сняли и в болото выбросили. <...> Стали в Кочеве возвращаться, мужчина ногу сломал* (зап. от Рисковой А.А., 1928 г.р., д. Малая Коча). Вероятно, борьба местной власти с религиозными обычаями была отчасти успешной, и долгое время рядом с родником не появлялось никаких рукотворных объектов. В конце XX – начале XXI в. место стало постепенно облагораживаться — появился деревянный настил, стол с лавками, на поляне был воздвигнут крест, а вокруг него сооружена ограда. По рассказу А.Г. Петровой, большое участие в установке новых сооружений принял ее сын, причиной его внимания к роднику стало знаковое событие: *... Иду, говорит, открывается как небо, и там идет как огонь такой большой. <...>и где Таркомыс, где церковь утонула, там опустилось. И я, говорит, поехал в Кунгур на Белую гору, и рассказал. Что-то надо там делать, от тебя помощи просят...* (зап. от Петровой А.Г., 1941 г. р., с. Юксеево). Мужчина вместе с единомышленниками собирался построить рядом с родником часовню, но пока данные планы не были реализованы.

Ритуальными предметами, оставленными на почитаемом месте в конце 1950-х гг., было полотенце с булавками, крест на гайтане, монеты на дне ключа. Все они могли быть оставлены в качестве жертвы, искупления. Подобные вещи коми-пермяки приносят обычно к иконам. Единственно, непонятной остается функция булавок. В настоящее время также можно наблюдать, что при посещении ключа люди оставляют монеты, на ветви деревьев и кустов вешают полотенца, предметы одежды. По рассказам, многие оставляют тот предмет, который связан с больной частью тела: болит голова — привязывают к ветке платок. По-видимому, старая традиция оставлять подарок рядом со святым объектом в случаях *мыжи* (болезни, насланной данным местом) постепенно преобразилась, стали оставлять одежду как знак, который указывает на болезнь.

Ритуальная практика

Согласно современным данным большое количество людей посещает ключ Таркёмыс в субботу перед Троицей, так как именно в этот день коми-пермяки поминают «старых» людей. Отмечается, что некоторые бывали на почитаемом месте в Ильин день. Кроме этого, местные жители приходят за водой и в любое удобное для них время. По воспоминаниям А.Г. Петровой, жители д. Кудельки брали воду из родника довольно часто: когда болели дети, когда нужно было обрызгать огород, чтобы насекомые не испортили урожай. Каждый раз при посещении родника старались брать с собой пищу, чтобы помянуть «старых». Исследователями записана также история о том, что у ключа молились во время пожара, чтобы огонь не уничтожил постройки в селе [13, с. 74].

Если по сведениям Л.С. Грибовой в конце 1950-х гг. о роднике знали только жители близлежащих деревень, то в последние годы ключ стал широко известен в Кочевском районе и на соседних территориях. К роднику приходят не только чтобы помянуть «старых», а чаще чтобы набрать воды, считающейся целебной. Ключ вызывает интерес и у туристов. В 2017 г. он был включен в туристический маршрут «Чудный край», разработанный Кочевским районным музеем этнографии и быта.

Посещение почитаемого места предполагает проведение ритуала. Рядом с родником и крестом читают поминальные молитвы, затем умываются родниковой водой, бросают в ключ монеты, а на деревья вешают полотенца или одежду, устраивают трапезу. Ключевую воду уносят с собой и в домашних условиях умываются ею, пьют ежедневно или при недуге.

Мифологические повествования о роднике

Как можно было увидеть, с родником связано несколько мифологических сюжетов. Кроме описанных выше текстов известны и другие. Неожиданным, но типичным для православной культуры является мотив о том, что якобы об утонувшей часовне в местечке Таркёмыс написано в Библии [13, с. 73]. Сакральное

отношение к воде прослеживается в истории о том, что во время очистки ключа лопатами вода окрасилась в бардовый цвет, а когда продолжили работу руками, вода стала «хрустальной» (зап. от Петровой А.Г., 1941 г. р., с. Юкеево). Несколько рассказов посвящены целебной силе источника: *У меня глаза так сильно болели, и в больнице лежала, не выздоровела. Потом бабушка ходила на Таркёмыс, воду принесла. Водой мыла...* (зап. от Пыстоговой А.А., 1938 г.р., д. Пыстогово). Разнообразие текстов и сюжетов является показателем актуальности народных представлений в последние годы, свидетельствует о развитии народного мифотворчества.

Выводы

Ключ Таркёмыс является одним из почитаемых коми-пермяками мест, с ним связаны представления о древнем населении края, культ воды и почитание христианских святынь. Три данных составляющих сочетаются как в народных верованиях, фольклорных сюжетах, так и в ритуальной практике. Разнообразие сюжетов и тем мифологических текстов о роднике обусловлено, вероятно, поздним происхождением обычая, поэтому они включают как архаичные, так новые мотивы, а также значимостью места для местного населения, сохранением ими традиций. По сравнению с серединой XX в., в настоящее время источник посещает большее число людей, появились варианты мифологических сюжетов о нем, изменились состав и символика оставляемых рядом с родником предметов.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-31-00008. «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».*

Библиографический список

1. Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. Субботина-Пермяка. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Грибова Л.С. Культ «старых» у коми-пермяков и его исторические корни по данным пережитков, верований, языка и фольклора. Дипломная работа. — М., 1961.
2. Голева Т.Г. Предания коми-пермяков о древнем населении Прикамья в современных записях // Этнокультурное наследие пермских финнов. — Кудымкар, 2013. — С. 139–143.
3. Голева Т.Г. Сон и сновидения в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник Пермского научного центра. - 2015. - № 4. - С. 53-62.
4. Голева Т.Г. Водные объекты как места памяти о древнем населении в традиционной культуре северных коми-пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. - 2016. - № 3. - С. 125–133.
5. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая проза и поэзия / Перевод на рус. яз. и сост. В.В. Климов. - Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997. - 392 с.
6. Королева С.Ю., Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Народные поминальные молитвы из Коми-Пермяцкого округа // Живая старина. - 1913. - № 1. - С. 53–56.

7. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда. — Пермь: Электро-типогр. «Труд», 1914. — 839 с.
8. Криничная Н.А. Предания русского Севера. — СПб: Наука, Санкт-Петербург, 1991. — 327 с.
9. Луканкина Е. Озеро загадок [электронный ресурс] // Притамбовье. - 2013. - 23 окт. (№ 58). — Режим доступа: <http://www.top68.ru/study-of-local-lore/ozero-zagadok-27073> (27.11.2017).
10. Неклюдов С.Ю. Фольклор: Типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. - 2002. - № 3. - С. 3–7.
11. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. - СПб.: Алетейя, 1998. - 305 с.
12. Рогалев А.Ф. Скрытый смысл географических названий, легенд и преданий (на материале Беларуси). – Гомель: Барк, 2012. – 207 с.
13. Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края. - Пермь: ПГУ, 2010. - 224 с.

УДК 391.4

А.В. Черных**ТРАДИЦИОННАЯ ТЮБЕТЕЙКА ПЕРМСКИХ БАШКИР И ТАТАР:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛА ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И
ОРНАМЕНТАЦИИ ТЮБЕТЕЕК В ТУЛВИНСКОМ ПОРЕЧЬЕ ****Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь,
Российская Федерация*

В статье на основе материалов полевых исследований в Бардымском районе Пермского края, с башкирским и татарским населением, анализируются особенности становления и развития одного из видов декоративно-прикладного творчества — изготовление и орнаментация мужских головных уборов — тюбетеек. Выявляется начало развития промысла и его расцвет в середине XX в., а также особенности его современного этапа, сохранение традиций и инноваций, деятельность современных мастеров. Становление технологических и художественных традиций промысла происходило в середине XX в. на основе традиционных технологий вышивки и этнических художественных традиций, проявившихся в орнаментальной композиции и полихромности. Уже в этот период бардымская тюбетейка приобретает яркие и характерные стилистические и композиционные особенности, выделяющие ее на фоне традиций оформления тюбетеек в других группах татар и башкир. Исследуются технологические особенности изготовления и орнаментации тюбетеек, сложившиеся художественные традиции оформления, состав и символика орнамента, отмечаются особенности бытования головного убора у пермских башкир и татар. Современный этап развития промысла ставит задачу дальнейшего его сохранения и развития в сложных условиях влияния внешних художественных традиций, вытеснения предметами массового производства.

Ключевые слова: этнография татар и башкир Урала, декоративно-прикладное искусство татар и башкир, традиционный костюм, тюбетейка.

Alexander V. Chernykh**TRADITIONAL TYUBETEYKA OF PERM TATAR AND BASHKIR:
ORIGIN, CRAFT EVALUATION AND EMBROIDERY OF TYUBETEKKA IN
TULVA***Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences*

Article, based on field work collected in Barda district uncovers peculiarities of origin and evaluation of tyubeteyka which is one of the kind of traditional arts and crafts in Tulva. Article brings its origination and golden ages out in the middle of the XX century as well as some features of its modern state, tradition maintenance and innovation. Technological and art traditions of the craft took place in the middle of the XX century based on traditional embroidery and ethnic art traditions showed in ornament composition and polychromies.

Traditional tyubeteyka gets its special features and compositional peculiarities which emphasize it from other tyubeteykas of Tatar and Bashkir in this particular period. Article brings technological features and ornament of tyubeteykas, decoration traditions and symbolism of ornament to light. Modern situation sets a mission to keep and evaluate tradition under the conditions of external traditions and mass production.

Key words: Ethnography of Tatar and Bashkir of the Urals, arts and crafts of Tatar and Bashkir, traditional costume, tyubeteyka.

Одним из ярких проявлений декоративно-прикладного творчества пермских татар и башкир, связанного с традиционным костюмом, явилось формирование в Тулвинском поречье промысла по изготовлению орнаментированной тюбетейки. Характерные технологические и художественные особенности промысла формируются к середине XX в., сохраняются и развиваются в настоящее время.

Тюбетейка — один из древних и традиционных головных уборов татар и башкир. Происхождение термина тюбетейка связано с тюркским «тюбе» в значении вершина, навершие [3]. Исследователи связывают ее появление с воинскими подшлемниками, мягкую шапочку надевали, чтобы избежать соприкосновения с металлическим шлемом. Бытование таких подшлемников в период Волжской Булгарии и Казанского ханства отмечают казанские исследователи [5, с. 32]. Постепенно головной убор распространяется в качестве повседневного и праздничного головного убора всех слоев мужского населения.

В Пермском Прикамье тюбетейка в качестве мужского головного убора использовалась на протяжении длительного периода. На рубеже XIX – XX вв. тюбетейка в Пермском Прикамье известна как повседневный и праздничный мужской головной убор. По имеющимся немногочисленным источникам можно выделить особенности тюбетейки пермских татар и башкир указанного периода: это была небольшая полусферическая шапочка с круглым, слегка выпуклым верхом из четырех клиньев и невысоким, расширяющимся к нижней части околышем. Фотографии С.И. Руденко, на которых запечатлены более двух десятков тюбетеек, позволяют предполагать широкое распространение в Тулвинском поречье в этот период простеганных тюбетеек [Российский этнографический музей. Фотоколлекция № 1022]. Тюбетейки изготавливали как в татарских и башкирских деревнях Пермского Прикамья, так пользовались спросом и изделия татарских казанских кустарей-ремесленников. Орнаментированные тюбетейки в этот период встречались достаточно редко, это были преимущественно изделия кустарного производства.

В конце XIX–XX вв. у тулвинских татар и башкир бытовали и другие виды тюбетеек, которые приобретались на ярмарках. Большой популярностью пользовались покупные тюбетейки в виде усеченного конуса — каляпуши, широко распространенные у казанских татар. Зажиточные крестьяне, муллы, купцы приобретали каляпуши, украшенные вышивкой золотой и серебряной нитью, канителью [6, с. 105].

Орнаментированные тюбетейки местного производства в этот период имели небогатый и несложный узор: волнистый или зигзагообразный узкий кант часто пришивался по краю околыша, на средней части околыша и на тулье вышивались небольшие круглые розетки. Розетки формировались из перекрещиваемых в центре и лучами расходящихся по кругу нитей. На черно-белых фото-

графиях сложно определить цветовую гамму вышивки, однако на сохранившихся образцах она не была полихромной.

Существенные изменения в орнаментальном оформлении головного убора и некоторые технологические особенности происходят к середине XX в., именно к этому периоду можно отнести и формирование промысла, становление основных технологических и художественных приемов, характеризующихся существенным своеобразием, выделившим бардымскую тюбетейку среди других центров производства головных уборов татар и башкир.

Формирование промысла в середине XX в. обусловлено несколькими взаимосвязанными причинами. Этот период характеризуется распространением и популярностью разных технологий вышивки, используемых для орнаментации предметов одежды, прежде всего, фартуков. Активное распространение вышивки в это время связано с угасанием узорного ткачества, характерного для более раннего периода. Наряду с традиционным тамбуром особую популярность приобретает вышивка гладью. Характерными и наиболее расхожими в этот период явились черные фартуки, богато орнаментированные полихромной вышивкой. Ее популярность обусловила наличие почти у каждой девушки цветных хлопчатобумажных нитей для вышивания в полихромной гамме. Кроме того, в этот период живы были технологические приемы орнаментации женских головных уборов, в том числе золотного шитья и вышивки бисером, характерными особенностями которых было выполнение вышивки поверх трафарета. Таким образом, развитие в целом декоративно-прикладного творчества в этот период способствовало формированию технологических и художественных особенностей для орнаментации тюбетеек.

Другой существенной причиной развития промысла именно в этот период явилась потребность в головных уборах, которую могли удовлетворить только местные мастера. Развивающаяся промышленность не обеспечивала татарские и башкирские деревни необходимым ассортиментом домашних головных уборов, отвечающих в том числе и национальным запросам по части художественных особенностей. Приток кустарных товаров из Поволжья, в том числе и тюбетеек, в этот период прекратился вместе с разрушением прежних центров и угасанием самого промысла. В то же время потребность в праздничной тюбетейке не исчезла, она была необходима как элемент костюма жениха и подарок невесты, праздничный головной убор для семейных торжеств и ритуалов, общественных праздников, в том числе и сабантуя.

Таким образом, целый комплекс причин явился фактором включения механизма саморазвития традиций и формирования на собственной этнической основе, с учетом сложившихся местных технологических и художественных приемов промысла по изготовлению орнаментированных тюбетеек. На протяжении более чем полувекового периода происходило развитие промысла, совершенствование технологических приемов, применение новых материалов.

Технологические особенности изготовления бардымской тюбетейки имеют свои устойчивые каноны. Изготавливалась тюбетейка обычно из ворсовых тканей — плиса, бархата, плюша. Известны шапочки, выполненные из плотных гладких тканей. Для традиционных бардымских тюбетеек был характерен черный цвет. Черные орнаментированные тюбетейки — классический и наиболее распространенный вариант этого головного убора Тулвинского поречья. Известны тюбетейки, выполненные из материалов и другого цвета — темно-синие и темно-зеленые, бардовые. В 2000-е годы появляется новый вид — белая тюбетейка, неизвестная ранее. Так промысел достаточно быстро и адекватно отреагировал на появление светлых мужских костюмов, особенно в качестве нарядов жениха, так как традиционная тюбетейка по-прежнему сохранилась в свадебном костюме [7, с. 306–339].

Бардымские тюбетейки приобрели с течением времени особую, характерную только для пермских татар и башкир, форму: невысокий околыш цилиндрической формы и полусферический пирамидальный верх, выполненный из четырех клиньев. Первоначально в пермских тюбетейках полусферический верх значительно не выступал над околышем, однако появление орнаментированного верха потребовало увеличения этой части тюбетейки. Головной убор стал выполняться так, чтобы верхняя часть значительно выступала над околышем. Благодаря такому конструктивному решению орнамент верхней части тюбетейки был лучше виден. Увеличение верхней части происходило постепенно, только в последние десятилетия тюбетейка достигает своей современной формы. Тюбетейки 1960-е гг. имеют меньшую верхнюю часть.

Этапы создания тюбетейки имеют четкую последовательность, они связаны с основными технологическими приемами ее изготовления. Первоначально выкраиваются пять основных деталей изделия: неширокая длинная полоса для околыша, четыре клина в форме правильных равнобедренных либо равносильных треугольников. Выкраивание деталей обычно происходит по трафаретам. Обычно у мастериц подобраны несколько трафаретов для разных размеров тюбетеек: *«Есть заготовки на все размеры из картона, есть на 60 сантиметров (окружность головного убора), еще побольше есть, есть на 55 сантиметров»* (Бардымский район, с. Березники). Выкроенные заготовки подшивали к плотному картону. В некоторых случаях ткань и картон на деталях-заготовках соединяли при помощи крахмала. После раскроя приступали к орнаментации. Каждая деталь орнаментировалась отдельно. После выполнения вышивки на всех деталях, изделие собиралось: четыре клина сшивались вместе, образуя верх тюбетейки, затем верхняя часть соединялась с околышем так, чтобы раппорты узора этой части сходились с узорами верха тюбетейки. После соединения всех деталей изготавливалась подкладка из мягкой однотонной или цветной ткани — ситца, сатина. Чаще всего она также выполнялась из отдельных деталей, полностью повторяя раскрой тюбетейки. За счет того, что верхние клинья и околыш подшивались к картону, тюбетейка была плотной и жесткой, хорошо держала заданную

форму. Готовое изделие обычно не стирали и использовали как праздничный и выходной головной убор.

Первоначально, особенно в 1950–1970-е гг., тюбетейка, как правило, орнаментировалась вышивкой цветными нитями. Однако доступность с 1980-х гг. бисера, а с 1990-х и 2000-х и других материалов для украшения тюбетеек и создания узора, обусловили большую вариативность в технологических приемах. С начала 1990-х гг. вышитая цветными нитками тюбетейка постепенно уступает по распространенности головному убору, орнаментированному бисером. Появление в 1990–2000-е гг. разнообразной швейной фурнитуры обусловило активное использование блесток-паеток и других элементов в орнаментации тюбетеек.

Выполнение вышивки также имело характерные технологические особенности. Сначала по образцу вырезался трафарет узора из плотной бумаги или картона. Каждая мастерица хранила множество образцов элементов узора, из которых и составляла композицию. Трафарет пришивался к материалу и только затем обшивался хлопчатобумажными цветными нитями в технике глади. За счет трафарета узор имел четкие контуры и объемность. Такой прием обшивания трафарета имеет прямые аналоги в вышивке головных уборов калфаков, на которых золотными нитями, канителью и бисером также узор чаще всего выполнялся поверх подложенного трафарета. Иногда вышивку дополняли бисером: отдельные цветные бисеринки пришивали по контуру узора.

Вышивка бисером также выполнялась по трафарету, в этом случае в качестве трафарета использовалась фольга или фольгированная бумага. Обычно для этого применяли серебристую фольгированную бумагу, в которую упаковывали чай. Фольгу из под шоколадных плиток использовали, предварительно приклеив ее вареным картофелем на бумажную основу: *«У фольги чтобы была бумажной основа. Заготовки на фольгу надо приклеить картошкой. Утюгом, картошкой. Картошку сварим, мажем и сюда, и утюгом, клеится она. Если клеим клеить – иголкой не проткнуть его, иголка ломается. Вышиваем»* (Бардымский район, с. Березники). Необходимость в фольгированном трафарете обусловлена тем, что наиболее популярный для вышивки тюбетеек цветной прозрачный стеклянный бисер в этом случае приобретал особый блеск: *«Если фольгу не сделать, бумажку, он [узор на тюбетейке] не светится. Если фольгу – светится, бисер хорошо светится»* (Бардымский район, с. Березники). Бисером заполнялось все пространство узора по трафарету.

Основными навыками изготовления и орнаментации тюбетеек владела вся женская часть населения Тулвинского поречья, хозяйки шили тюбетейки своим домашним, на подарок родственникам и знакомым. Однако в каждой деревне были и особые мастерицы, специализирующиеся на изготовлении тюбетеек на заказ. Как правило, они владели более профессиональными навыками, были более опытными, их тюбетейки считались более совершенными. Технологические основы изготовления и орнаментации тюбетеек при этом оставались общими,

различаясь лишь в деталях. Мастера, работающие на заказ, часто имели свои стилистические особенности в орнаментации. Отдельные мастера, насколько показывают наши полевые материалы, создавали и свои узоры, при этом в рамках общих местных орнаментальных традиций вышивки тюбетеек.

При всем многообразии и вариативности узоров, у бардымской тюбетейки есть свои особенности композиции раппортов узора на головном уборе, своеобразие ее цветового решения. Для Тулвинского поречья обязательным является четырехкратное повторение раппорта узора на верхней части тюбетейки — по одному на каждом клине. Узор должен был располагаться в рамках треугольника, заполняя значительную часть детали-клина. На околыше также идет четырехкратное повторение раппорта узора, при этом каждый раппорт должен располагаться непосредственно под узором верхней части. Особенностью композиции узора на околыше является его стилистическое единство с узором верхней части. Нижняя часть узора обычно повторяет большую часть узора верхней части.

Цветовое решение орнамента тюбетейки также имеет свои закономерности, прежде всего, характеризуется полихромностью. При вышивке нитками каждая деталь узора выполняется разным цветом. При этом при орнаментации тюбетеек в целом могли использоваться нити от двух до десятка цветов. Особенностью цветовой композиции является и отсутствие повторения в цветовом решении отдельных раппортов узора. При вышивке бисером также нередко бусями одного цвета заполняли отдельную деталь узора, хотя чаще всего использовали иные варианты. В с. Березники Бардымского района, например, считали, что контур каждой детали должен быть выполнен более светлым бисером, нежели ее внутреннее заполнение: *«На край посветлее надо. Белый надо обязательно, чтобы контур был ярче, а внутри можно и потемнее цвета подобрать. Чтобы она издалека была видна»*. Полихромность в выполнении узоров тюбетейки связана с общими традициями декоративно-прикладного искусства татар и башкир: она характерна для ткачества, вышивки, аппликации [4; 1].

Состав узоров, встречающихся на бардымской тюбетейке, многообразен, одни из них являются более распространенными, в других видны проявления индивидуального творчества мастериц. Наиболее типичным и популярным узором является *яфрак* — лист, чаще всего встречающийся на вышитых нитями тюбетейках: *«Это старинный, называется. Это не цветок, лист яфрак. Это вообще старинный узор. Это у нас в Березниках самый ходовой узор»* (Бардымский район, с. Березники). Технология выполнения вышивки по трафарету обусловила выполнение узора широкой полосой контура по краям и незаполненную вышивкой среднюю часть листа. Края листьев оформлялись зубчатым профилем. Общая композиция узора включает в себя трилистник на верхней части тюбетейки и два соединенных листа в нижней части. Каждый лист выполняется нитями разного цвета. Трилистник — один из наиболее распространенных мотивов орнамента татар и башкир, известный с древности [4, с. 48]. Особенностью бардымского трилистника является его использование как самостоятельного орна-

ментального мотива. В целом следует отметить, что растительные композиции являлись доминирующими в составе орнамента бардымской тюбетейки.

Среди узоров, выполняемых мастерицами в с. Березники Бардымского района — цветок колокольчика, ромашки, гусиная лапка. Популярность того или иного узора в отдельной деревне обусловила появление и географических наименований узоров — таныпский узор, ишимовский узор, березниковский узор по названиям населенных пунктов Танып, Ишимово, Березники: *«В этой деревне этот узор, в другой — другой. Этот узор ишимовский, соседней деревни. Все время там так вышивали. А у нас вот этот узор. Это тоже ишимовский орнамент. А это — таныпский, в Таныпе другие орнаменты»* (Бардымский район, с. Березники).

Бардымская тюбетейка с ее художественными традициями оказала влияние и на соседние территории Пермского Прикамья, прежде всего, Сылвенско-Иренское поречье. В татарских деревнях этих территорий можно встретить не только тюбетейки, приобретенные у мастериц Бардымского района, но и изделия местных мастеров, испытавшие сильное влияние бардымской традиции. В то же время для сылвенско-иренских татар характерно отступление от технологических особенностей изготовления тюбетейки, менее строгое следование канону в подборе узора и выстраивании композиции.

В последние десятилетия бардымская тюбетейка переживает один из сложных и интересных этапов своего развития. Она испытывает сильнейшую конкуренцию со стороны головных уборов массового производства, прежде всего, легких турецких матерчатых тюбетеек с машинной вышивкой. Определенное влияние оказывает на современное развитие промысла казанская тюбетейка, как более известный и раскрученный бренд России. Наблюдается не только копирование казанских вариантов тюбетеек с плоским верхом, но и использование технологических приемов изготовления казанской тюбетейки, прежде всего – простегивания. Более простые в исполнении орнаментальные мотивы казанской традиции также проникают в Тулвинское поречье. В этих условиях требуются дополнительные общественные усилия по сохранению и развитию промысла, сохранению художественных традиций.

В то же время о развитии промысла свидетельствуют в настоящее время творческие поиски бардымских мастеров, как, например, появление нового варианта тюбетейки — небольшого сувенира с сохранением формы и орнаментальных приемов бардымской тюбетейки. Явлением нового времени стало и отмечавшееся ранее появление свадебных белых тюбетеек. Творческое развитие получает и орнаментальная традиция. В с. Березники живет одна из самых знаменитых бардымских мастериц — Ануза Сакаева. Ее работы отличаются не только изяществом и тонкостью рисунка, но и особым почерком, который позволяет из сотни выделить тюбетейки мастерицы. В руках мастера не только сохраняются традиционные узоры и стиль бардымской тюбетейки, но и рождаются новые идеи. Именно А. Сакаева сотворила «бардымский» узор, в котором нашли

место и цветок колокольчика и лапка гуся — символы Бардымского района, вошедшие и в герб муниципального образования.

«Бардымская тюбетейка» как один из традиционных и развивающихся народных промыслов стала одним из символов не только Бардымского района, но и всего региона. Коллекции бардымской тюбетейки сегодня представлены в ведущих прикамских музеях — Пермской государственной художественной галерее, Пермском краеведческом музее, Бардымском краеведческом музее. В 2007 г. в с. Березники Бардымского района открылся «Музей тюбетейки», в котором собраны лучшие работы местных мастериц за последние полвека. Работники музея не только знакомят туристов и гостей с творческим наследием бардымской тюбетейки, но и проводят мастер-классы по изготовлению и орнаментации этого головного убора [2]. Знакомство с бардымской тюбетейкой происходит и в образовательных учреждениях, где на уроках технологии, татарского языка педагоги знакомят учащихся и с народным промыслом. Технологии пошива традиционной тюбетейки осваивают также в Бардымском профессиональном училище № 84. Два мастера бардымской тюбетейки получили почетное звание «Народный мастер Пермского края»: в 2014 г. Ануза Сакаева из с. Березники, в 2015 г. Розалия Тляшева из с. Барда.

Таким образом, бардымская тюбетейка явилась одним ярких проявлений народного творчества башкир и татар Тулвинского поречья. Становление технологических и художественных традиций промысла происходило в середине XX в. на основе традиционных технологий вышивки и этнических художественных традиций, проявившихся в орнаментальной композиции и полихромности. Уже в этот период бардымская тюбетейка приобретает яркие и характерные стилистические и композиционные особенности, выделяющие ее на фоне традиций оформления тюбетеек в других группах татар и башкир. Во второй половине XX в. тюбетейка местного производства стала единственным традиционным предметом в мужском костюме башкир и татар Тулвинского поречья, явившаяся главным его этническим символом. Современный этап развития промысла ставит задачу дальнейшего его сохранения и развития в сложных условиях влияния внешних художественных традиций, вытеснения предметами массового производства.

** Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 17-31-00008 «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».*

Библиографический список:

1. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. — Уфа, Уфимский институт истории, языка и литературы Академии наук СССР, Государственный музей этнографии народов СССР, 1964. — 260 с.
2. Барда. Путеводитель / А.В.Черных, Д.И. Вайман. — СПб.: Изд-во «Маматов», 2009. — 96 с.

3. Богословская И. Об особенностях тюбетейки [Электронный ресурс]. — URL: <http://fdculture.com/page386539> (дата обращения: 18.02.2016).
4. Валеев Ф. Татарский народный орнамент. — Казань: Департамент по поддержке малого и среднего предпринимательства, 2002. — 302 с.
5. Завьялова М.К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. — Казань: изд-во «Заман», 1996. — 256 с.
6. Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты / А.В. Черных [и др.]. — Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. — 455 с.
7. Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Татары и башкиры. — СПб.: Изд-во Маматов, 2017. — 416 с.

УДК 394.268.3

Д.И. Вайман**ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ
НЕМЦЕВ УРАЛА ****ПФИЦ УрО РАН, Пермь, Российская Федерация*

В статье на основе полевых этнографических материалов, полученных в немецких сельских поселениях Пермского края, Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской области, рассматривается поминальная обрядность в народном календаре немцев Урала. Обычаи, связанные с поминовением умерших анализируются с учетом региональной и локальной специфики.

Ключевые слова: Этнография российских немцев; немцы Урала; традиционная культура; поминальная обрядность, календарные праздники и обряды.

D.I. Vayman**MEMORIAL TRADITIONS IN THE CALENDAR RITES OF THE URAL
GERMAN***Perm Federal Research Center UB RAS*

The article based on the field ethnographic research got in the German field settlements of Permskii Krai, Bashkortostan, Orenburg and Chelyabinsk regions consider the memorial rites of the Ural German. The article uncovers some features of the remembrance of the death taking regional peculiarities into account.

Keywords: Ethnography` of the Ural German, the Ural German, traditional culture, memorial rites, calendar fests and rites.

Одним из комплексов обрядности весенне-летнего периода народного календаря российских немцев был комплекс поминальной обрядности [3, с. 249]. Поминальная обрядность весеннего периода была характерна для многих народов Европы [1, с. 266-267], в том числе являлась характерной особенностью и русского населения Урала [6, с. 191-199]. У земледельческих народов Европы, как показывают исследователи традиционной культуры, в основе поминальной обрядности лежали представления, связанные с культом предков и аграрным культом [5, с. 120].

В большинстве традиций российских немцев специальных дней поминовения не было, поэтому кладбище обычно посещали, как правило, в дни больших религиозных праздников (Пасха, Пятидесятница) и по случаю — в дни похорон [4].

Обычаи, связанные с поминовением умерших, в разных локальных группах немцев Урала группировались вокруг комплекса весенних праздников, обычно в период между Пасхой и Пятидесятницей, а в ряде случаев были приурочены к религиозным праздникам Пасхи, «Белому воскресенью» и Троице. Обрядность поминального дня у немцев Урала проявлялась в традициях домаш-

него поминовения предков и посещения кладбища с чтением молитв. Отличительная особенность немецкой поминальной традиции от соседней русской — это отсутствие поминальной трапезы на кладбище: «Русские как-то по-другому к этому относятся, они могут выпить и конфеты на могилку разложить, и пшено рассыпать. У нас такого не было...» (ПМ-2011; ЧО, Октябрьский р-н, с. Барсучье).

В других вариантах традициях, прежде всего, у волынских немцев, на кладбище было принято оставлять принесенные продукты, но трапезы также не совершали: «На кладбище прибирали, печенье, пряники собирали, что есть, и там оставляли. И раньше так делали. Это мертвым приносили. Это на Пасху ходили рано утром. Яйца тоже им ложили и печеное что есть. Все люди носили. Там все оставляли» (ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский р-н, д. Александрово-Волынка).

Поскольку поминальный комплекс календарной обрядности немцев Урала представлен множеством локальных вариантов, мы рассмотрим его на полевых материалах на примере особенностей каждой локальной группы. В большинстве локальных традиций немцев Урала поминальная обрядность весеннего периода не была связана с конкретными датами календаря и ограничивалась уборкой кладбища, приуроченного к периоду ранней весны: «У лютеран нет определенного дня на кладбище ходить» (ПМ-2014; РБ, Благоварский р-н, с. Пришиб). О поминальных ритуалах в этом случае отмечали: «На кладбище не поминают, поминать дома можно» (ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий р-н, с. Михайловка). Привести кладбище и могилы родственников в порядок было обязательным обычаем весеннего периода. Во многих лютеранских поселениях посещение могил предков ограничивалось приборкой на кладбище, а особых поминальных действий не совершалось. Например, в лютеранской традиции Оренбургской и Челябинской областей, специального поминального дня не было, а действия, связанные с посещением кладбища и приборкой, были приурочены к весеннему потеплению: «Специального дня не было. У нас вообще не ходили поминать на кладбище, вот похоронили и все. Весной просто ходили, смотрели за могилками» (ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий р-н, с. Мещеряковка). В лютеранской традиции Челябинской области посещение могил умерших также имело индивидуально-семейный характер, не было привязано к конкретным календарным датам: «У нас так не было как у русских родительского дня. Когда тепло уже, в апреле месяце ходим, убираем» (ПМ-2011; ЧО, Октябрьский р-н, с. Барсучье); «У нас не было родительского дня, вот весна настала, и все поодиночке пошли прибирать кладбище, и это была такая традиция. И это как неписанный закон, не договариваясь. И точно также было на кладбище, вот снег подтает, подсохнет, и с весны начинали ходить убирать могилки, и к определенному дню все могилки должны были быть убраны» (ПМ-2011; ЧО, Октябрьский р-н, с. Барсучье).

Комплекс поминальной обрядности меннонитов Оренбуржья также не был развернутым, особых поминальных дней в народном календаре меннонитов

не отмечено: «У нас на кладбище поминать не ходят» (ПМ-2009; ОО, Переволоцкий район, с. Кичкасс); «У нас не поминают на кладбище» (ПМ-2009; ОО, Переволоцкий р-н, д. Долиновка). Обряды поминального цикла имели ярко выраженный семейный, индивидуальный характер. При этом поминовение предков обычно происходило в домах: «Между собой просто поминали и все» (ПМ-2009; ОО, Переволоцкий р-н, д. Суворовка); «На кладбище идти, так не поминают, мы так между собой поминаем» (ПМ-2010; ОО, Александровский р-н, д. Ждановка). Однако приборка на кладбище у меннонитов, также как и других конфессиональных групп немцев Урала, приходилась на весеннее время, но не имела привязки к четким календарным датам: «Специального дня на кладбище идти нет у нас, это у русских есть. У нас такой обычай, если время есть, то иди» (ПМ-2009; ОО, Переволоцкий р-н, д. Суворовка).

У немцев Давлекановского района Башкортостана, включающих разные конфессиональные группы, достаточно рано произошло разрушение традиций, в связи с чем календарная обрядность, как и многие другие элементы духовной культуры, испытали сильное инокультурное влияние соседней русской традиции. В данном ключе целостность обрядового комплекса с учетом региональной и конфессиональной специфики выделенной группы не выявлена. Зачастую в описании обрядовых действий встречается весьма противоречивая информация как о бытовании календарных поминальных обычаев: «На Троицу на кладбище ходят, на Пасху ходят» (ПМ-2010; РБ, Давлекановский р-н, д. Новая Березовка (Ворошилова), так и наоборот, их отсутствия: «У немцев ведь нет отдельно родительского дня, но мы ходим, поправляем там все, налаживаем» (ПМ-2010; РБ, Давлекановский р-н, д. Новая Березовка (Ворошилова).

Поминовение умерших в Пасхальное воскресенье является характерным для некоторых лютеранских деревень Башкортостана, выходцев с Волыни, основные действия при этом заключались в чтении молитв на кладбище: «Старухи шли на кладбище на Пасху, все вместе стояли, пели, бабушка с книгами. Ну, тайком, конечно, ходили с утра, нельзя же было. Они прямо заходили на кладбище, вместе молились, потом каждый на могилу к своим шел и молитву читал «*Vater unser*», эта самая главная» (ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский р-н, д. Александрово-Волынка).

В большинстве католических деревень Оренбуржья поминовение умерших происходило в следующее воскресенье после Пасхи, известное в немецкой традиции как *Weisser Sonntag (m)*** [Белое воскресенье]. В обычаях Белого воскресенья было посещение кладбища и чтение молитв: «Следующее воскресенье после Пасхи на кладбище ходят» (ПМ-2011; ОО, Акбулакский р-н, д. Федоровка); «Строго, в первое воскресенье после Пасхи ходили на кладбище, всей деревней ходили. Это как на родительское, вроде. Я знаю, молебная служба была прямо на улице» (ПМ-2011; ОО, Акбулакский р-н, д. Федоровка). Как правило, прибираться на кладбище в этот день было запрещено, а приборку на кладбище совершали накануне: «*Weisesonntog* – то, как Белое воскресенье через неделю

после Пасхи, там как родительский день. Там нельзя работать, только посещать кладбище. До этого можно кладбище убирать, а в этот день нельзя» (ПМ-2011; ОО, Акбулакский р-н, д. Федоровка).

Другой календарной датой, связанной с обычаями поминовения умерших на кладбище, была Пятидесятница. Наиболее развернутые обрядовые комплексы поминальной обрядности этого периода характерны для волынской группы немцев. У волынских немцев Башкортостана «[Родителей поминали] вот только на Троицу мы ездили, в воскресенье» (ПМ-2010; РБ, Стерлитамакский р-н, д. Александрово-Волынка); «Ходили на кладбище, сидели там и пели. Это на Троицу в Александровке ходили» (ПМ-2010; РБ, Стерлитамакский р-н, д. Александрово-Волынка). В отдельных семейных коллективах волынской традиции Башкортостана поминальная обрядность Троицкого периода растягивалась на два дня. В субботу перед праздником Пятидесятницы (Троицы) было принято прибираться на кладбище, посещение же могил с поминовением умерших происходило на праздник Троицы: «На Троицу ходили всегда. Когда в субботу идут, могилки посмотрят, подкрасят. А на Троицу пойдут обязательно помянуть» (ПМ-2010; РБ, Стерлитамакский р-н, д. Александрово-Волынка).

В Пермском крае характерной особенностью Троицкой обрядности волынских немцев был обычай посещать кладбища в течение нескольких дней праздника. Накануне, чаще всего в субботу, приходили «прибираться» на могилах, а поминание усопших проводили на следующий день, в Троицу: «Накануне ходили на кладбище, там все прибирались. А в Троицу ходили на кладбище поминать» (ПМ-2006; ПК, Октябрьский р-н, д. Баймурзино). При этом информаторы указывают на различие в поминальной традиции немцев с соседним русским населением, проявляющееся в сроках поминовения и совершения обрядового действия: «Русские-то ходят в субботу поминать, а немцы-то ходили в Троицу» (ПМ-2006; ПК, Октябрьский р-н, д. Романовка). Так, в отличие от русских, немцы не устраивали на кладбище поминальной трапезы: «На Троицу всегда ходили на кладбище. Такого, чтобы застолье, вино пили, такого не было» (ПМ-2006; ПК, Октябрьский р-н, д. Баймурзино); «На Троицу на кладбище в субботу тоже ходили, могилки поправляли, кто цветы садить, кто че делали. Но у нас вот на кладбище обеды там не носят нигде, вот это у нас нету» (ПМ-2000; ПК, Чернушинский район, д. Ивановка). Необходимо отметить, что посещение кладбища в Троицу не типично для традиционной немецкой обрядности, данный обычай был свойственен преимущественно волынским немцам [2, с. 72].

В других локальных группах немцев упоминания о поминовении умерших на Пятидесятницу единичны. О поминовении умерших в этот период отмечали в д. Блюменталь Беляевского района Оренбургской области: «На Троицу ходят, могилки поправляют. Молятся» (ПМ-2011; ОО, Беляевский р-н, д. Блюменталь). Встречаются упоминания информаторов о посещении кладбища в Троицкое воскресенье с целью поддержания порядка и ухода за могилами в с. Барсучье Октябрьского района Челябинской области: «Троица — тоже нас привлекали, что

кладбище надо прибрать» (ПМ-2011; ЧО, Октябрьский р-н, с. Барсучье). Возможно, что эти обычаи, упоминания о которых единичны, являются влиянием поминальной традиции соседнего православного населения.

Таким образом, поминовение умерших в календарной обрядности немцев Урала было периферийным комплексом, не имевшим развернутых обычаев и ритуалов, характерным лишь для некоторых локальных групп немецкого населения региона. Все бытовавшие обычаи были связаны с весенним периодом народного календаря и были приурочены к пасхальному периоду и празднику Пятидесятница. Наиболее развернутый поминальный комплекс у немцев Урала был характерен для волынской группы. Другим ритуально наполненным локальным вариантом представляется поминальная обрядность Белого воскресенья у католиков Беляевского и Акбулакского районов Оренбургской области. Именно в этих традициях поминальные обычаи в этот день имели общественный характер. Для большинства же других традиций характерно отсутствие развернутой обрядности и его слабая привязанность к датам календаря, а также преобладание семейного характера поминального цикла.

Список сокращений:

ПМ – Полевые материалы
ОО – Оренбургская область
ПК – Пермский край
РБ – Республика Башкортостан
ЧО – Челябинская область

****** – знаком в тексте отмечены варианты календарной терминологии в соответствии с диалектными нормами немецкого языка, зафиксированными у немцев Урала.

**Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 17-31-00008, «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».*

Библиографический список:

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М.: Изд-во «Индрик», 2002. — 816 с.
2. Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. — М.: Изд-во «Готика», 2000. — 136 с.
3. Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. — М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2012. — 316 с.
4. Смирнова Т.Б. Семейные обряды и обычаи немцев Западной Сибири [Электронный ресурс]. — URL: <http://sfrik.omskreg.ru/res/page000000000480/Files/Smirnova.pdf> (дата обращения: 12.10.2017).

5. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX – нач. XX в. — М.: Изд-во «Наука», 1979. — 287 с.
6. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Часть I. Весна, лето, осень. — Пермь: Изд-во «Пушка», 2006. — 368 с.

IN MEMORIA

УДК 902

А.В. Жук

РУССКИЕ ЛЮДИ В ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ X–XIII вв.

(к 85-летию В.А. Могильникова) *

*Омский государственный университет Ф.М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация*

Статья посвящена памяти замечательного советского археолога, одного из классиков нашей науки Владислава Александровича Могильникова (1932–2002).

Ключевые слова: В.А. Могильников, история археологической науки, Западная Сибирь, история русского присутствия в Нижней Оби.

A.V. Zhuk

THE RUSSIAN PEOPLE

IN THE UGORIA X–XIII CENTURIES.

TO THE 85-ANNIVERSARY OF V.A. MOGILNIKOV

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Dostoevsky
Omsk State University», Omsk, Russian Federation*

The article is dedicated to the memory of the outstanding Soviet archaeologist, one of the classics of our science Vladislav Alexandrovich Mogilnikov (1932–2002)

Keywords: V.A. Mogilnikov, the history of archaeological science, Western Siberia, the history of the Russian presence in the Lower Ob.

*Короткая будет о нас сага, если мы
не будем ездить к другим людям...
Сага о Стурлауге Трудолюбивом*

*За страну Йура находятся берего-
вые люди; они плавают в море без нужды
и цели, а лишь для прославления самих се-
бя, что вот, мол, они достигли такого-
то и такого-то места. Они – люди,
находящиеся на крайней степени глупо-
сти и невежественности!
Каспийский Свод*

Время неумолимо. Еще совсем недавно мы отмечали 80–85-ти — летние юбилеи наших классиков — тех, кто пришел в науку в 1920-1930-е гг., учился у корифеев XIX в., состоялся, как археолог-профессионал, к началу Великой Оте-

чественной войны и заложил основы современных школ отечественной археологии. И вот, как-то незаметно подошел черед следующего поколения, по историко-графической инерции можно сказать, *молодежи* — людей, которые пришли в советскую археологию уже по окончании войны, сформировались, как профессионалы, к излету Сталинской эпохи и стали учителями ныне благополучно здравствующих мэтров по части древностей, *совсем молодежи*.

Один из замечательнейших представителей этой генерации наших коллег — Владислав Александрович Могильников (28 июля 1932 – 14 декабря 2002). Человек с судьбоносной, профессионально звучащей фамилией (на Руси такое бывает: фехтовальщик, заслуженный мастер спорта СССР В.А. Кровопусков, маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, классик истории культуры пищи В.В. Похлебкин...), Владислав Александрович родился летом 1932 г. в Пермской земле, в городе Чердынь. Разумеется, далеко не все, кому посчастливилось родиться на Чердынщине, стали впоследствии замечательными археологами. Но согласимся, обратное верно: для археолога родиться и вырасти в такой исторической земле, как Чердынская — это хорошее, простое и основательное счастье по человечеству. Хорошо и правильно замечательному археологу состояться как личность в земле, замечательной своею историей!

Впрочем, археологическое счастье В.А. Могильникова по месту рождения — это еще не все. Пермские вообще и Чердынские в частности Могильниковы — особая страница нашей истории. Их много, род Могильниковых обильно и очень сложно разветвлен, широко разнесен по просторам не только Урала, но и Сибири (и, в частности, Могильниковы Пермской земли прослеживаются где-то века с XVII-го; т.е., надо понимать, их предки могли обитать здесь и до Смуты); они характерны, интересны. Могильниковы — воины, попы и монахи, разбойники, промысловики и торговцы, люди высоких степеней по Табели о Рангах и советские служащие, герои Великой Отечественной войны и репрессированные за антисоветскую агитацию... Пока я еще не могу воспроизвести родословие Владислава Александровича; однако, материал для этого понемногу накапливается, ждет своего часа...

А вот по критерию возраста, Владислав Александрович состоялся, как археолог, довольно-таки поздно. Его учителя, Отто Николаевич Бадер (1903–1979) и Валерий Николаевич Чернецов (1905–1970), к 25-30-ти годам уже вполне сформировались как ученые-исследователи; а вот В.А. Могильников даже и на студенческую скамью (историко-филологический факультет Пермского университета) пришел лишь 19-ти лет от роду — где-то, очевидным образом, потеряв два года. Кстати, Пермь, по отношению к Чердыни — это самый настоящий юг...

В аспирантуру Института археологии АН СССР В.А. Могильников поступает, опять-таки, поздно, лишь в 1960 г.; а служба его в Институте археологии значится, соответственно, с 1965-го. Таким образом, свое присутствие в советской археологии (и, в частности, в археологии Сибири) В.А. Могильников доста-

точно четко обозначил лишь к исходу четвертого десятка лет жизни (как сказал бы Данте — *путь земной пройдя до половины...*). Правда, к этому времени Владислав Александрович уже накопил полуторо-десятилетний полевой стаж.

С другой стороны, научная школа, из которой Владислав Александрович вышел, как археолог-профессионал — явление примечательнейшее. Первым по времени наставником В.А. Могильникова становится Отто Николаевич Бадер. Владислав Александрович, его *однокорытники* и *однокорытницы* счастливо застали в Пермском университете курсы О.Н. Бадера по археологии, истории первобытного общества и этнографии. Отто Николаевич впервые вывез В.А. Могильникова летом 1952 г. в поле — на *бронзовые* стоянки по Чусовой и Галкинское городище. Позднее, в 1960-м году он доверил Владиславу Александровичу завершить раскопки Турбинского могильника. И, наконец, именно О.Н. Бадер сориентировал Владислава Александровича на Сибирь и рекомендовал его в аспирантуру Института археологии АН СССР к В.Н. Чернецову.

Учителями же О.Н. Бадера были Василий Алексеевич Городцов (1860–1945) и Борис Сергеевич Жуков (1892–1938); а те, в свою очередь, вышли из школы Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923). Это, что называется, *московская* линия научной традиции В.А. Могильникова. А вот по линии *питерской*, которая, собственно, и вывела Владислава Александровича на проблематику древностей Сибири, он — ученик В.Н. Чернецова (на службу в Московское Отделение Института истории материальной культуры АН СССР Валерий Николаевич перейдет лишь накануне войны, в 1940-м году). Так что родословие В.А. Могильникова, как ученого, выстраивается не менее замечательно, нежели его родословие как человека...

Три года назад сокращенная редакция предлагаемой здесь работы была опубликована в Омском сборнике [26], который мы посвятили памяти В.А. Могильникова (правда, тогда все сложилось безалаберно-анахронично: издание, увидевшее свет в 2014 г., готовилось, вообще-то, к 80-летию Владислава Александровича). Да и тираж книги вышел оскорбительно мал — 100 экземпляров, а потому она так и не получила заслуженной известности среди коллег: этот сборник вообще мало кто видел. Надеюсь, впрочем, что настоящая публикация привлечет внимание археологов и к тому, уже ушедшему в прошлое, внешне скромному (объемом всего лишь под две сотни страниц), но, на самом деле, очень достойному Омскому мемориалу Владислава Александровича. Там действительно есть, что читать коллегам, читать с пользой и удовольствием...

Среди исследовательских направлений, которые формировали сферу научных интересов В.А. Могильникова, важное (хотя, по внешности, не самое видное) место занимает проблема раннего присутствия русских на Большой Земле и в бассейне Нижней Оби. Эту проблему Владислав Александрович рассматривал в широком контексте тех бурных, драматичных этно-культурных взаимодействий, что разворачивались в северной части Приуралья и Западной Сибири в конце I-го – начале II-го тысячелетия н.э. Помимо соответствующих пуб-

ликаций [47; 48; 49], Владислав Александрович апробировал заглавную тему, неоднократно выступая на конференциях различного уровня с докладами “о контактах Северной Руси и Югры на памятниках Нижнего Обь-Иртышья в домонгольский период”, а также им подобными.

В 1991 г. В.А. Могильников опубликовал в сборнике, посвященном памяти Алексея Петровича Смирнова (1899–1974), карту «Находки вещей древнерусского производства и их местных копий в лесном Обь-Иртышье» [49, с. 105]. Как это нередко случается в нашей практике, карта в мало известном, неказистом по виду сборнике (да и тиражом всего лишь 299 экземпляров) оказалась заметно полнее аналогичной карты “Распространение предметов русского импорта XI–XIV вв. и местных подражаний” в представительской, официальной “Археологии СССР” 1987 г. [47, с. 215]. И действительно, на карте 1991 г., в отличие от карты 1987 г., учтено уже не полтора, но три десятка соответствующих памятников и местонахождений.

Распределяются эти объекты на просторах Нижней Оби следующим образом. Четыре группы памятников обозначены у В.А. Могильникова по Уралу, на “входе” в Западную Сибирь — 1) в верховьях р. Войкар, впадающей в Обь, 2) на Сыгве, впадающей в Сосьву, 3) по Лозьве (верховье Тавды), а также 4) на Средней Туре (приток Тобола). Массированно находки представлены также в Атлымском крае, в Сургутском Приобье и далее вверх по Иртышу вплоть до Тарской земли. Здесь археологические памятники, давшие свидетельства раннего русского присутствия, промеж устьев Ишима и Оши — это поселение и могильник Кипо-Кулары, а также могильники Кип, Аксеново, Усть-Ишим, Эбаргуль, Имшагал и Аргаиз. На особицу в этом колоритном материале стоит литейная мастерская в устье р. Таз и лежит каролингский меч на Средней Оми. Так что, ежели великодушно засчитать меч, то самая южная находка нужного нам разряда окажется даже не на кромке тайги, но посреди Барабинской степи.

Правда, этот замечательный меч найден был хотя и специалистами, но вне слоя; а потому засчитать его сложно: вероятный спектр судьбы меча предельно широк. Он и в самом деле мог оказаться в Барабе тогда же, в XII–XIII вв. Кстати, аналогичное происхождение могло быть и у скандинавской фибулы X в. из позолоченной бронзы, которая некогда скрепляла воинский плащ; фибулу эту подобрали где-то в окрестностях Обдорска [74, № 71]. А равно — и у другого оружия с памятников лесного Обь-Иртышья: меча X–XII вв., кольчужных доспехов, шлема, бармицы [49, с.80], русского топора X–XII вв. с Барсовой Горы [87, с. 30, 39] и проч. А мог привезти этот, прекрасно сохранившийся древний меч к новому месту службы, как замечательный *прадедовский* клинок, и простой, романтически настроенный русский офицер XVIII–XIX вв.

Впрочем, не только каролингский меч, но и другие *русские* находки на памятниках Западной Сибири X–XIII вв. имели, конечно же, различную судьбу. — Начиная с того, что они могли непосредственно принадлежать русским поселенцам, и заканчивая тем, что они много раз переходили из рук в руки, и лишь в

конце этой сложной цепочки оказывались на городищах, капищах и в могилах. Таковы железные топоры, ножи, кресала; таковы и украшения — перстни, браслеты, височные кольца, лунницы, фибулы, бубенчики, бусы [49, с. 77-85].

Но есть и такие находки, которые позволяют прямо говорить именно о *русском присутствии* в заглавном месте и в заглавное время. Это привозная и изготовленная на месте русская керамика; орнаментированные костяные игольники; инструментарий — сверло, резец и проч. от токарного станка; с большой степенью вероятия сюда могут быть отнесены железные замки и ключи [49, с. 85-87]. Особо заслуживают внимания в данном контексте остатки деревянной мостовой на городище Перегребное I, что в Атлымском крае, на правом берегу Оби [49, с. 87]: мостовые такого рода типичны, по своей конструкции, для древнерусских поселений. Очень важно, что весь вышеозначенный материал идет на памятниках не как отдельные находки, но системно, в достаточно красноречивых комплексах, и В.А. Могильников эти комплексы хорошо описал [49, с. 87].

То, что В.А. Могильников успел сделать в области истории раннего русского присутствия на севере Западной Сибири, дает возможность по-новому взглянуть как на давно и хорошо известные свидетельства письменных источников, так и на археологические изыскания коллег Владислава Александровича.

Всерьез все началось, пожалуй, с этюда младшей сверстницы и однокурсницы В.А. Могильникова по Пермскому университету, Валентины Дометьяновны Викторовой (р. 1933 г.), посвященного древностям лесного Зауралья X–XIII вв. [16]. Еще на рубеже 1950–1960-х гг. археологи Свердловска выявили, по ходу разведок в бассейнах Туры и Тавды, 26 памятников интересующего нас времени. Чуть позже, в 1961–1963 гг. на трех городищах и двух могильниках, из числа этих памятников, были проведены раскопки.

Здесь, среди прочего, оказались «вещи славянского происхождения. К ним относятся топоры, витые и пластинчатые браслеты, широкосрединные перстни, пастовые и стеклянные бусы, бляшки с растительным орнаментом, трехбусинные серьги. Сравнительно большой процент этих изделий на памятниках лесной полосы Зауралья свидетельствует об интенсивных торговых связях этого района с северными славянскими племенами» [16, с.249].

Таким образом, *Зауральское поле* начала 1960-х гг. подтвердило мысль С.В. Бахрушина в его известной монографии 1927 г. [10] о том, что один из основных путей в Сибирь пролегал в стародавние времена через верховья Вишеры на Лозьву, а затем по Тавде, Тоболу и Иртышу на Обь. При этом, С.В. Бахрушин опирался на более ранние (публикация 1903 г.) изыскания С.Ф. Платонова по документам эпохи Смуты, т.е. начала XVII в. Правда, в своих выводах Сергей Владимирович был разумно осторожен: он определил искомые *стародавние времена* по возможности неопределенно — до XVI в. [10, с. 93-94]. Теперь же, благодаря материалу, который вышел из-под лопаты свердловских археологов,

появилась возможность более четкой локализации этих *времен*, в пределах X–XIII вв.

Соответствующие находки продолжали поступать и в дальнейшем. К примеру, В.И. Семенова, раскопавшая в 1-й половине 1980-х гг. в Сургутском Приобье могильник Усть-Балык, выделила среди комплекса XI в. вещи, «центр производства которых находился в Приладожье и Ярославском Поволжье» [68, с. 42]; чуть ниже эти находки с Ладоги нам будет очень даже уместно вспомнить! Здесь же, на Усть-Балыке «с XII в. появляется русский импорт, который к середине II тыс. н.э. становится преобладающим» [68, с. 44].

А вот русские летописцы домонгольской эпохи, в отличие от позднейших археологов, обращали преимущественное внимание на несколько иные исторические сюжеты. Первые известия о наших походах в Западную Сибирь, сохранившиеся в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, относятся к XI в. и датируются, соответственно, 1032, 1078 и 1096 гг. Старейшее из них отстоит менее чем на полвека от крещения Руси; следовательно, в этом походе могли принимать участие даже и люди Церкви в первом поколении.

Летописная статья 1032 г. сообщает, среди прочего, о рейде одной из Новгородских дружин в Югорскую землю за так называемые Железные Ворота. Поход, коим предводительствовал воевода *Улеп* (в другой редакции *Улеб*; оба этих варианта есть местные огласовки имени *Глеб*), окончился неудачно. Дружина была разбита и, по словам летописи, «вспять мало их возвратишася, но многи там погибоша» [54, с. 429, 438; 61, II, с. 373–374; 94, с. 16].

Начнем с того, что сведения о рейде новгородцев на Югру поданы летописцем в весьма примечательном контексте. В статье 1032 г. этим сведениям непосредственно предшествует следующее: «Ярослав поча ставити города по Ръси: Корсунь, Треполь. И тогда же Улеп изыде из Новагорода на Железные Врата» [62, стб. 150; 61, II, с. 373]. Получается, что для автора летописи экспедиция новгородцев в Югорскую землю есть важное государственное дело — во всяком случае, не менее важное, нежели основание городов по велению великого князя.

Далее остановимся на понятии *Югорская земля*. А вот здесь мы встречаемся с чрезвычайно интересным и весьма поучительным историографическим казусом. Дело в том, что, если переложить накопившиеся в нашей науке варианты идентификации Югорской земли на результаты позднейших археологических изысканий, то выйдет следующая любопытная картина.

Раскопки свидетельствуют, что западносибирское, т.е. собственно угорское воздействие на культуры Приуралья было весьма интенсивным в VI–IX вв. В это время граница между финно-пермским населением Приуралья (теми, кого русские обобщенно именовали *пермь*) и угорским населением (*югрою*) проходила по левобережью Камы, а также в районе Печоры, Верхней и Средней Вычегды [49, с. 61].

В таком контексте прав оказывается, прежде всего, В.Н. Татищев, который локализовал «Югорскую страну» в узком смысле «в Помории по Двине» [79, с. 358], а шире — рассматривал Югорию заедино с Заволочьем и Печорской землей [79, с. 294]. Г.-Ф. Миллер полагал, что «Югра находилась на берегах Ледовитого моря, у Пустозерска, между Печорой и Уралом» [94, с. 15]. С Г.-Ф. Миллером был согласен И.-Э. Фишер, который уточнял: «Земля по реке Печоре, простирающаяся к северу до Ледовитого океана, к востоку до гор Югорских, называлась в старину Югорскою» [84, с. 108]. А. Шлецер, наконец, определил южную границу так понимаемой Югры — по р. Вычегде [94, с. 15].

В 1-й половине 1870-х гг. с великими предшественниками согласился Н.П. Барсов. Говоря о положении Югры до XI в., он подчеркивает: «Югорская земля представляется лежащею за новгородскими владениями в Печоре, к северу от этого племени; но, если верно, что это последнее занимало область между Камою и Вычегдою, то в таком случае югорско-самоедские поселения или кочевья следовало бы полагать далее на север, за Вычегдой, до тундр Поморья, по восточным притокам Двины, по Мезени и Печоре <...> На юге и юго-западе Югорския земли прилегали к поселениям печоры на Вычегде и еми на Сухоне» [8, с. 54].

Так же думал чуть позже известный комментатор С. Герберштейна, Е.Е. Замысловский. Применительно к Новгороду он пишет: «По всей вероятности, *Югорская земля*, платившая ему дань, лежала в пределах великой европейской равнины и не переходила за ея естественный рубеж на северо-востоке <...> Мы готовы допустить, что название *Югра* в наших письменных памятниках XII–XIV вв. относится к земле, лежавшей к западу от Урала. Но в XV в. *Югорскою землею* называли также и область, прилегавшую к восточным склонам Урала» [27, с. 138-139]. И, все же, проницательнее всех толкователей подобного рода оказался И.-Г. Георги, который еще в XVIII в. «полагал, что Югорская земля простиралась от Белого моря за Уральский хребет до реки Оби» [94, с. 15]. Раннее русское присутствие в этой, *Старой Югре*, лежащей к западу от Урала, к настоящему времени изучено сравнительно неплохо [11].

Позднее, на исходе I-го и в начале II-го тысячелетий, состоялся историко-культурный реванш. На памятниках Зауралья и Западной Сибири X–XIII вв. заметно растет число вещей западного, приуральского (пермского) происхождения; в то же время, доля собственно угорских элементов в культурах Приуралья, по мнению В.А. Могильникова, очевидным образом уменьшается [49, с. 61].

Теперь справедливыми оказываются уже другие пределы Югорской земли — те, что еще в начале XIX в. одним из первых означил А.-Х. Лерберг. «Древняя Югра простиралась между 56° и 67° северной широты, от самого северного конца Урала на восток чрез Нижнюю Обь до р. Надыма, впадающей в Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадает в Обь. К ней принадлежали еще места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны

границила она с татарскими владениями, а с северной – с землею самоедов» [36, с. 4].

С А.-Х. Лербергом был согласен его современник Н.М. Карамзин [29, I, прим. 73]; несколько позднее эту точку зрения разделял и П.С. Савельев. В своей «Мухаммеданской Нумизматике в отношении к Русской истории», увидевшей свет в 1846 г., Павел Степанович, среди прочего, толкует о сношениях Булгар с соседними народами в VII–XI вв., в том числе с Югрою, и отмечает, что «Югра лежала за Уральским хребтом, по обеим сторонам Оби, простираясь до берегов реки Аян на восток» [94, с. 15]. Того же мнения придерживался и А.Б. фон Бушен. «Древняя Югра в обширном смысле, как ее понимали Новгородцы в первые времена существования Русского государства, простиралась на север до побережья Ледовитого океана от Югорского шара до устьев Таза, а на юг достигала верховьев Лозвы и Вышеры» [113, с. 171].

Эту трактовку охотно принимали и специалисты в смежных областях, далекие от тонкостей разбираемых здесь сюжетов. Характерный пример — панорамная оценка стародавней политической ситуации на нашем Севере, которую дал в 1864 г. историк русского флота А.В. Висковатов. «Губернии Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская составляли независимую страну, упоминаемую в истории под именем Биармии. Неизвестно, когда именно, но можно полагать, что не позже X столетия новгородцы завоевали северо-западную (здесь описка; правильно *северо-восточную*. – А.Ж.) часть этой страны, называвшуюся Печорской землей, ибо в XI веке земля сия и отделявшаяся от нее Уральским хребтом Югория платили дань новгородцам <...> Таким образом, власть его (Новгорода. – А.Ж.) распространялась на все Поморье, от Лапландии до устья Оби» [17, с.46].

И уж совсем неожиданный ракурс, в свете современного понимания историко-культурной ситуации на Большой Земле и в ее окрестностях VI–XIII вв., обретает формулировка, которую вывел еще в начале 1880-х гг. А.В. Оксенов. «Различают, так сказать, две Югорских земли — одну Югру древнейшую, находившуюся в пределах Европейской России, по западным склонам Уральского хребта, и другую Югру позднейшую, простиравшуюся за Урал, на восток, по нижнему течению р. Оби и ее притокам» [54, с. 426]. Причем, чуть ниже А.В. Оксенов смело добавляет: «под *Югрой* и в древнее время, до XIV в., разумелась страна за Уралом, в бассейне Оби» [54, с. 429]. Так что, раскопав сегодня важные памятники и введя добытый материал в научный оборот, очень даже полезно бывает поверить вновь полученные знания опытом наших замечательных предшественников...

Далее, в летописной статье 1032 г. заслуживает внимание характерный топоним *Железные Ворота*. Вообще под именем *Железных Ворот* во все времена и во всех культурах люди разумели и понимают практически одно и то же — особо тяжелые дефиле, т.е. теснины, узкие проходы через сложный естественный рубеж. Как правило, такие дефиле представляют собой единственные места,

которыми войска могут преодолеть непроходимую, трудную местность. В зависимости от того, что представляет собой местность, дефиле могут быть горные, озерные, речные, болотные, лесные, морские и проч.

Особливо же термин *Железные Ворота* предполагает так называемые *закрытые дефиле*, т.е. горные перевалы, ущелья, дороги в густых и болотистых лесах, речные и морские узкости, проливы, пороги и проч., в особенности — участки, стесненные каменными скалами. Закрытые дефиле хороши тем, что в обороне они эффективно удерживаются малыми силами, особенно — если использовать заграждения и засады. Ибо в наступлении противник вынужден преодолевать закрытые дефиле в походном, в лучшем случае — в сжатом по фронту боевом порядке, часто не имея возможности развернуть достаточное количество сил, даже при их наличии. Колонны растягиваются, скорость их движения в дефиле падает, а время развертывания с марша в боевые порядки, если это вообще оказывается возможным, увеличивается. В результате, даже значительно превосходящим силам супостата можно эффективно противостоять в Железных Воротам, а то и бить противника по частям.

Комментируя летописную статью 1032 г. и, в частности, упоминание в этой статье Железных Ворот, А.-Х. Лерберг пишет следующее. «Этим отличительным именем назвали в самой северной части России три особенных места: одно находится в Белом море между островом Соловецким и островом Муксомом, лежащим недалеко от него на Восток; другое перед устьем Двины на Северо-Восток между островом Мудьюжским и твердою землею; третье между Новою Землею и островом Вайгачем.

Следовательно, ежели Новгородцы, отправясь войною на Югров, шли к *Железным Воротам*, то они плыли вниз по всей Двине до Белого моря, и по Северному океану мимо Новой Земли пришли в Обь» [36, с.80-81]. Здесь уместно лишь одно замечание. А.-Х. Лерберг несколько увлекся: пролив между Новою Землей и Вайгачом велик; если это для кого и дефиле, то, пожалуй, лишь для развернутой авианосной ударной группы. А вот пролив между Вайгачом и материком — это самое что ни на есть настоящее, полноценное дефиле. Сверх того, тысячу лет назад, когда Ледовитый Океан еще не “съел” солидную часть нашего побережья, Югорский Шар был, если можно так выразиться, еще более дефиле. Вполне возможно, что в этом-то дефиле (или в одном из расположенных далее, скажем — при попытке войти в устье реки Кары) и была бита дружина Улеба.

Кстати, очень важно, что старейшее из сохранившихся известий о русских походах в Западную Сибирь — как, впрочем, и последующие аналогичные известия — посвящено именно *неудачному* предприятию. Победоносные кампании почти не привлекали внимание хронистов той эпохи; во всяком случае, их редко считали за нужное помещать в летописи. Конечно, в этом есть резон и общего порядка: отрицательный опыт, опыт поражения особо важен, он заслуживает первостепенного внимания.

Но, сверх того, здесь перед нами — еще и нарочито аскетический принцип отбора информации, характерный для раннего русского (как, впрочем, и вообще для сравнительно раннего христианского) летописания. А именно: неблагоприятные события куда важнее в плане духовного трудничества, духовного возрастания, нежели события благоприятные. Если беды, поражения, напасти скорее служат к осознанию нашей греховности, покаянию и, тем самым, способствуют делу спасения души, то успех, удача напрямую провоцирует гордыню — *головокружение от успехов*, как говаривал один, замечательный в отечественной истории, вождь и учитель.

Именно в этом — корни тогдашнего специфика восприятия исторических событий, а значит, и отбора сведений для помещения в хроники: история людей, государств и народов должна быть, прежде всего, историей бедствий. Упомянутый выше наш коллега прошлых времен, А.В. Оксенов, обращая внимание на данное обстоятельство, писал так. «Походы в Югорскую землю с целью собирания дани по-прежнему продолжались, и вообще оканчивались для новгородцев счастливо, так что летописцы не считали нужным заносить в летописи известия об этих походах, как о явлениях обыкновенных; в летописях же мы встречаем всего более известия только о таких походах в Югорскую землю, которые сопровождались каким-нибудь несчастьем, неудачей для новгородцев» [54, с. 440].

Следует подчеркнуть и откровенно будничный характер известия 1032 г. Летописец ведет речь хотя и о событии государственного значения, но, вместе с тем — явно об обычном, никоим образом не исключительном походе, далеко не первом предприятии такого рода. Да и в самом деле, на фоне русско-скандинавских экспедиций рубежа I–II тысячелетий, выход в район устья Оби никак не может выглядеть чем-то особенным. Северяне той эпохи энергично осваивают путь *из варяга в греки*, побережья Понтиды и Восточного Средиземноморья; они ходят кругом Скандинавии (долгое время вообще считалось, что Скандинавия — это остров), добираются до Британских островов, Бискайского залива, Исландии, до Гренландии, Лабрадора и Ньюфаундленда.

В таком контексте откровенным подвигом было бы, пожалуй, уйти куда-нибудь за Таймыр; а вот достичь низовий Оби, или даже Енисея — это, скорее, норма; пусть героическая, требующая действительно серьезных усилий, но все-таки, для того времени, норма. А.-Х. Лерберг очень тепло охарактеризовал наших соотечественников той замечательной эпохи — «отважный народ, который с IX столетия направлял путь свой к блистательной Византии, в начале XI-го уже между ледяных глыб отдаленного Севера в путешествии, которое после повторялось так часто, что должно было остаться в живой памяти жителей Югры» [36, с. 81].

Второе, по древности, известие, относящееся до русского присутствия на севере Западной Сибири, помещено в наших летописях под 1078 (в некоторых летописных редакциях — 1079) г. Это известие замечательно, прежде всего, тем,

что оно впервые сообщает имя русского князя, Рюриковича, который, возможно, имел отношение к процессу освоения Югорской земли.

Здесь перед нами — уже другая эпоха, эпоха внуков князя Ярослава Мудрого. И один из внуков, основной фигурант излагаемого эпизода — новгородский князь *Глеб Святославич*. Но великий дед — не единственный из замечательных его предков. Это и бабушка Глеба, супруга князя Ярослава — Ирина-Ингигерда (во иночестве Анна; память, по православному календарю, 10-го февраля), дочь короля Олафа Святого, просветителя Швеции. Именно она, первой по времени из дома Рюриковичей, приняла незадолго до кончины иноческий постриг, положив начало соответствующей традиции.

Сыну их, князю Святославу, по разделении государства, досталось Черниговское княжество, а вместе с ним — Тмуторокань, Рязань, Муром и страна Вятичей. Родительница Глеба, супруга князя Святослава Ярославича, была сестрой Бурхарда, епископа города Трир. Сам же Глеб Святославич начинал княжеское служение в Тмуторокани; именно он в 1068 г. мерил по льду пролив между Тмутороканью и Корчевом, памятником чего остался замечательный в истории нашей археологической науки Тмутороканский камень. И где-то с того же 1068 г. мы видим Глеба уже на Новгородском *столе*.

Летописец аттестует Глеба, старшего сына Святослава, как весьма благочестивого князя. «Бе же Глеб милостив убогим и страннолюбив, тщанье имея к церквам, tepl на веру (здесь — в хорошем смысле слова *теплый*; смелая терминологическая новелла автора летописи! — *А.Ж.*) и кроток, взором красен» [62, стб. 199]. Этого мало: *объективка* на Глеба расположена в «Повести Временных Лет» очень близко за Патериком Киево-Печерской обители; в результате, при чтении, она воспринимается как прямое продолжение Патерики. И, конечно же, летописец очень хорошо понимал, что делает, когда именно так компоновал свой текст.

Особое значение летописная характеристика Глеба Святославича приобретает в связи с теми превратностями, что завели его в Югорскую землю. Уже в 1071 г. в Новгороде был поднят антихристианский мятеж, который возглавили так называемые волхвы — то ли язычники, то ли еретики богумильского (жидовского) пошиба, то ли те и другие в союзе, что вероятнее всего. Это восстание князь Глеб подавил; кстати, именно он провел тогда знаменитый в наших летописях *публичный богословский диспут* с волхвом. «Глеб же возма топор под skutом (под полой. — *А.Ж.*), приде к волхву и речь ему: то веси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера? Он же реч: про то вежь вся, и реч Глеб: то веси ли что ти хочеть быти день? Чюдеса велика створю реч. Глеб же вынемь топор, ростя и (разрубил его. — *А.Ж.*), и паде мертв, и людье разидошася. Он же погыбе теломь, и душею предавсь дьяволу» [62, стб. 181; 63, стб. 171].

Однако, в 1078 г. перевес оказался уже не на стороне князя. Новгородцы изгнали Глеба, и он бежал в Заволочье (это западная часть Югорской земли, к востоку от Северной Двины; либо, по вариантам употребления термина, вообще

вся Югорская земля). Здесь, в Заволочье, Глеб Святославич и его ближайшее окружение из аборигенов, православная чудь, были убиты 30 мая 1078 г. Но уже очень скоро тело князя Глеба было доставлено на родину, в Чернигов, где 23 июля того же 1078 г. погребено рядом с отцом, князем Святославом Ярославичем, «за Спасом» [62, стб. 199-200; 61, I, с. 411-412], т.е. в самом честном, из возможных, месте, к востоку от алтарной части храма.

Примечательно, что Глеб — князь, отличающийся благочестием, покровитель паломников, храмоздатель — будучи изгнанным из Новгорода в результате антихристианского мятежа, ищет укрытия не где-либо, и даже не на родине, но среди Заволочской Чуди. Что же это могло быть за место, вероятный центр Православия на дальнем северо-востоке Новгородской земли? Причем, центр с такого рода репутацией, что князь Глеб предпочел его всем прочим вариантам убежища?

Из известного на сегодняшний день материала, лишь одно место может сколько-нибудь серьезно претендовать на роль такого центра. В 1984 г. наш замечательный коллега Л.П. Хлобыстин приступил, в развитие изысканий Заполяной Экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, к археологическому изучению древних святилищ на острове Вайгач. К сожалению, 11 марта 1988 г. Леонид Павлович скончался, и с того времени едва начатые полевые изыскания остановились; а вот четверть века назад здесь были получены действительно важные результаты.

В частности, на основном святилище Вайгача, исторически известном как *Болванский Нос* (на современных картах надписывается как *мыс Дьяконов*), а также на святилищах западного и северного побережий острова, были найдены многочисленные новгородские поделки VIII–XIII вв.: подвески, бубенчики, фибулы, а кроме того — керамика, фрагменты копий, топоров и кольчуг. С другой стороны, не менее хорошо датируются отчасти VIII–IX, а отчасти XI–XIII вв. предметы, имеющие явно Волго-Камское и Западно-Сибирское происхождения [85, с. 124-129]. Получается, что тогда, на рубеже I–II тысячелетий на Вайгаче сошлись, как минимум, три ярко выраженных, современных друг другу историко-культурных направления.

Примечательно, что ученый народ, далекий от археологии, воспринял итоги работ Л.П. Хлобыстина напрямую и предельно просто. «Появление русских на берегах Белого и Баренцева морей (“Студеного моря”) относится к X–XII вв. Об этом свидетельствуют археологические раскопки на о. Вайгач в 1985–1986 гг. Среди найденных там предметов некоторые были изготовлены в XII в. в Новгороде и на берегах Ладожского озера» [33, с. 41]. И ниже: «Поморы уже в XI в. доходили до острова Вайгач. Об этом говорят археологические раскопки на острове в 1986 г. В поисках тюленей, и особенно в охоте за бивнями моржа, поморы достигали устьев рек Оби и Енисея» [33, с. 98]. Сноска на эти сюжеты в труде Владимира Никитича Краснова нет; скорее всего, источник в данном случае — краткая информация, размещенная в тогдашних газетах.

Кое-что из добытого в середине 1980-х гг. материала имеет вполне определенное конфессиональное значение. Это, в частности, литой тельный крестик с оконечностями о трех лопастях (так называемый *процветший крест*), обработанный желтой выемчатой эмалью. Крестик принадлежит к достаточно хорошо известной в нашей археологии категории тельных крестов; время его производства узко — XI–XII вв., да и место производства достаточно узко — Киевская земля. До того самые северные находки таких тельников были сделаны на Белозере и в районе Чердыни [85, с. 125].

Еще один, найденный на Вайгаче, тельный крест идентифицирован как вещь *скандинавского типа* [85, с. 127]. Столь же показательна и найденная в культурном слое оловянная риза небольшой, скорее всего опять-таки тельной, иконки, в оглавии которой (ризы) выгравирован Спас Нерукотворного Образа. Датировка риз такого типа сравнительно широка — от XI до XV вв. включительно [85, с. 126]. В один ряд с этой ризой может быть поставлен и образок с Георгием Победоносцем [52, с. 203].

Но это еще не все. Не менее значимы те находки на святилищах Вайгача, смысл которых для нашего ученого народа, покамест, не вполне ясен. Это, прежде всего, бронзовые антропоморфные подвески, изображающие анфас пеших воинов в доспехах (по обиходной, нестрогой идентификации, принятой у коллег — “перуны”) и такие же, фигурки, но в длинных одеждах и с крыльями, растущими из лопаток (так называемые “ангелочки”) [52; 85, с. 127–133]. Кроме того, на Вайгаче найдена и уникальная фигурка такого же, но конного воина, которого Л.П. Хлобыстин окрестил в публикации «Перуном на коне» [85, с. 127].

Аналогичные антропоморфные подвески хорошо известны на материке; особо отметим ту, что обнаружена на Кинтусовском могильнике в верховьях Большого Югана, левого притока Оби [49, с. 85; 67, с. 45; 88, с. 224, табл. XLII, 7]. Сравнительный анализ этого материала, а также формально-стилистическое родство “перунов” с “ангелочками” [2; 57, с. 94; 74, с. 125, 130] позволяет предположить, что перед нами — парные имяnnики, т.е. символы языческого и крещального имен одного и того же человека. Тем более, что одного из “ангелочков” с Болванского Носа Л.П. Хлобыстин напрямую идентифицирует как Михаила Архангела [85, с. 127]; Н.Г. Недошивина соглашается с этим и даже усиливает аргументацию [52, с. 204]. Кстати, сам Леонид Павлович относит, хотя и осторожно, “перунов” и “ангелочков” именно «к вещам христианского культа» [85, с. 127].

Возможен, впрочем, и несколько иной вариант: *каждая* из этих фигурок — и “перуны”, и “ангелочки” — есть символ имени, которое человек получал при крещении. Дело в том, что спектр православных тельников Русской Церкви, в самые первые века ее существования, был весьма широк. Здесь, помимо привычных для нас наперсных крестов и иконок, можно видеть и змеевики [53; 80], и маленькие вотивные якоря [89] (кстати, Святые Отцы издавна рекомендовали христианам носить при себе изображение якоря как символ Церкви), и вотивные

же боевые топорики [37]. На Вайгаче, в частности, был найден такой, хорошо известный по аналогам с материка, «бронзовый амулет-топорик, аналогичный по форме боевым топорам <...> В его втулке сохранилось дерево ручки» [85, с.126].

Правда, уже тогда, во времена их бытования, про эти вотивные топорики говорили разное. В частности, викинг Стюрлауг Трудолюбивый, странствуя по русскому Северу, как-то повстречал троллиху Хорнневью, у которой «в руке была алебарда. Ему показалось, что оружие, с которым шло это чудовище, было не совсем обычным» [22, с. 147]. Хорнневья предложила Стюрлаугу дар: «“Я дам тебе тот драгоценный предмет, что я держу в своей руке, и это алебарда”. Стюрлауг говорит: “Что же особенного в том, что у тебя есть и что ты предлагаешь мне?” Она сказала: “Она перерубает все, по чему ударяет. Она может стать такой маленькой, что ты сможешь прикрепить ее к своей одежде, как булавку. Куда бы ты ни пришел, с ней ты сможешь завоевать столько, сколько хочешь и сколько тебе нужно”» [22, с. 147]. Стюрлауг жил и путешествовал во 2-й половине IX в. (это как раз время создания единого Русского государства и учреждения Русской митрополии Константинопольской Церкви); сага же о Стюрлауге, как письменный текст, восходит к 1300 г.

С другой стороны, у людей нашей Церкви, в раннюю ее эпоху, носимые знаки конфессиональной принадлежности можно было встретить не только на груди, но и во многих других местах — на доспехах, на головных уборах, на поясе и даже в ушах; встречаются знаки креста, как татуировки и клейма, на лицах, кистях рук, на груди. Не редкость было застать большое число тельников единовременно на одном человеке; да и много чего еще не редкость было встретить в этом отношении тогда — вплоть до крестных знамен на сбруе боевой лошади (традиция, пришедшая к нам от воинства Византийской Империи).

Очень интересный вариант такого необычного тельника с городища Уки-II (что на правом берегу Иртыша, близ устья Тобола) описал В.А. Могильников — «круглая тисненая бляха-подвеска из листовой меди с изображением креста, выбитым точками острым предметом. Такие бляхи служили характерным украшением обских угров X–XIII вв., но изображение креста здесь встречено впервые. По стилю оно отличается от литых нижнеобских крестовидных подвесок и, не исключено, что символика креста на этой бляхе соотносится с привнесенной в Приобье русской христианской символикой» [49, с. 87, рис. 3, 4].

Так что отнесение к числу наших стародавних тельников крылатых и бескрылых металлических антропоморфов вполне вероятно — тем более, что время их бытования (а равно и время бытования вотивных топориков) приходится как раз на несколько первых поколений нашего церковного народа. В дальнейшем яркость, сила неофитных впечатлений стихает, люди *привыкают* к Церкви; церковно-дисциплинарная норма вообще (и норма ношения тельников, в частности) обретает сравнительно скромный, устойчивый характер — а, вместе с тем, исчезают из обихода “перуны”, “ангелочки”, топорики, якоря, крестики из ушей, татуировки и прочие колоритные тельники.

И вот теперь, ежели принять во внимание еще и стратегическое значение этого замечательного острова, мы можем — конечно же, в порядке версии, с большой степенью осторожности — идентифицировать Вайгач как вероятное место пребывания гонимого князя Глеба Святославича. Так что Вайгач, при справедливости этого предположения, предстает как центр тогдашнего, XI–XII вв. просвещения нашего Северо-Востока, а значит – и как центр (один из центров) русского присутствия в Югре.

Разумеется, доказательство или опровержение этой версии — дело грядущих изысканий. Но и при самом неблагоприятном раскладе, ежели таковой случится, русское православное присутствие на рубеже I–II тыс. на Вайгаче несомненно уже сейчас; другой вопрос — форма и характер этого присутствия...

Наконец, под 1096 г. в “Повести Временных Лет” помещено едва ли не самое популярное в нашей литературе известие о ранних русских рейдах за Урал. Здесь у летописца все начинается глобально, по случаю геополитических размышлений о бедах, кои учиняют православным «Торькмени, Печенези, и Торци, и Половци» [62, стб. 224] и прочие поганые народы. Все эти народы — из числа тех, которые «к кончине века изидут заклепани (первоначальный вариант написания – *закопани*, что для нас, как археологов, более интересно. – А.Ж.) в горе Олександром Макидоньском нечистыя человеки» [62, стб. 224].

Далее выстраивается довольно сложная цепь ассоциаций, по ходу которой летописец припоминает: «Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих четырех лет, яже сказа ми Гурята Рогович, Новгородец, глаголя сице яко послах отрока своего в Печеру люди, иже суть дань дающее Новугороду. И пришедшу отроку моему к ним, и оттуда иде в Оугру. Оугра же суть людье язык нем, и сьседятся с Самоедью на полунощных сторонах.

Оугра же рекоша отроку моему: дивно находим мы чюдо ново, егоже несмы слышали прежде сих лет, се же ныне третье лето поча быти. Суть горы заидуче в луку моря (в другой редакции – *лукоморя*. – А.Ж.), имьже высота якы до небеси, и в горах тых клич (первоначальный вариант написания – *ключ*. – А.Ж.) велик, и говор, и секут гору хотящее просечися. И есть в горе тои просечено оконце мало, и туда молвят, не разумети языку их, но кажут железо и помавают рукою просяще железа, и аще кто даст им железо, или нож, или сокиру, и они дают скорою противу (в другой редакции эта *протива* исчислена: «соболи, куницу, белку» [62, с. 457]. – А.Ж.).

Есть же путь до гор тех, не проходим пропастьми снегом и лесом, тем не доходим их всегда, есть же и подаль идуще на полунощи (т.е. еще один, более северный, путь. – А.Ж.)» [62, стб. 224–225].

Прервемся ненадолго. *Гурята* — это, скорее всего, диалектная огласовка имени Гюргий, т.е. Георгий; *Рогович* — сын Рога. Возможно, это персональное прозвище; но столь же возможен *Рог* и как еще один новгородский дериват имени Георгий (т.е., как предположение, имярек — Георгий Георгиевич). *Язык нем*,

очевидным образом, не препятствие к общению: это просто *немский, другой* язык, который внятен даже отроку.

Обращает на себя внимание счастливая для археологов редкость — точная дата этнокультурного контакта с народом неизвестным, которую Югра обозначила тысячу лет назад новгородскому отроку. Но, к сожалению, и по сей день прямой археологический комментарий на столь точную дату невозможен. Далее, может и вправду в горах — именно *ключ* велик, т.е. речь идет о каком-то значительном левом притоке Нижней Оби (Щучья? Собь? Войкар? Сыня? Сосьва?), на котором и состоялась встреча Югры с *чудом новым*. *Просечено оконце мало, и туда молвят...* Скорее всего, немая торговля велась в данном случае опасливо, через амбразуры укрепленных городков. Если так, то постройка таких городков — это и есть *секут гору*, т.е. стук топоров в *глухих ущелиях Уральского хребта...*

Наконец, два *пути до гор тех*, которые поминает Гурята — это переходы через Полярный Урал, которые прочно вошли в позднейший опыт освоения Нижней Оби. Об этих дорогах писали многие, в том числе — архимандрит Вениамин (В.Г. Смирнов) [15, с. 88], А.И. Шренк [93, с. 309-312], А.М. Сибиряков [70, с. 90-175]; впрочем, какие именно из этих переходов имел в виду Гурята — пока неизвестно.

Примечательно, что арабы IX–X вв., проторившие собственный путь в Югорскую землю, описывают ситуацию тамошней немой торговли очень похоже. Правда, в отличие от русских, арабы-южане *очень* удивляются заполярному солнцевороту. Русские, похоже, не удивлялись ему вообще — как не удивлялись они санной езде на собаках, сугробам снега, лыжам и прочим атрибутам северной жизни. Для арабов же «на север (или по направлению к полюсу) от булгар находится страна вису (или ису), за нею народ йура (т.е. *югра*. — А.Ж.) и “страна мрака”; путь туда от булгар — двадцать дней (или один месяц; или сорок дней; или три месяца).

Йура — народ дикий, живет в чащах, не сноится с другими людьми из-за страха перед злом, которое те могут причинить; торгует народ йура при посредстве знаков и скрытно, ввиду их дикости и страха перед людьми; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха, — ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры. Булгары везут в страны вису и йура товары на санях, которые тащат собаки по сугробам снега; сами люди передвигаются на лыжах.

В стране вису ночь такая короткая, что жители не видят мрака, затем в другое время года ночь становится такая длинная, что не видно света. Путешественник, следуя к полюсу, достигает такого места, где отсутствует ночь летом и день зимою; кружится солнце шесть месяцев по окружности горизонта, подобно кружению мельничного жернова, и в году бывает один день и одна ночь» [28, с. 28-29].

Вернемся, однако, от впечатлительных южан к рассказу *Георгия Георгиевича*. Выслушав Гуряту, летописец тут же дает на него ученый комментарий.

«Мне же рекшую к Гуряте: се суть людье заклеплене Олександром Макидоньском царем, якоже сказа о них Мефедии Патарииск» [62, стб. 225]. Далее следует длинная история о том, как Александр Великий, «възыде на вѣсточныя страны до моря» [62, стб. 225], «виде человеки нечистыя от племени Афетова. Ихже нечистоту виде» [62, стб. 225], испугался, «и створиша врата меденая, и помазаша синьклитом» [62, стб. 226], замуровал *человеков нечистых* до конца времен.

Такая вот неспешная, обстоятельная беседа ученого монаха с бывалым викингом... Отца и Учителя Церкви Мефодия Патарского преподобный Нестор, судя по всему, знал и любил; да и было за что. *Мефодий Патарский* — видный богослов и церковный иерарх 2-й половины III — начала IV вв.; подвизался в провинции Ликия, что на юго-востоке Малой Азии, неподалеку от о-ва Родос. Помимо Патар, служение Мефодия проходило здесь же, в Ликии, на кафедрах Тирской, Олимпийской и Филиппийской, а местом мученического подвига стала Халкида, что к востоку от Мир Ликийских (память 20 июня, кончина через усекновение главы — где-то в пределах 310-312 гг.) [7, с. 214-215; 51, с. 460-461; 69, III, с. 227-228].

Обстоятельства жизни священномученика Мефодия мало известны (кстати, «сам он важнейшим своим призванием считал писательскую деятельность» [45, с. 78]); а вот сочинения его до сих пор пользуются заслуженною славой, их читают и серьезно изучают [44; 65, по указ.; 83, § 74-76]. Не случайно в службе Мефодию он так прямо и аттестуется — *«Богомудре святителю Мефодие, ясно пропедавый Божие вочеловечение <...> Священнотаинник Святыя Троицы, и яже паче ума повелений Божественных проповедник, и православным утверждение был еси Мефодие, злославныя обличил еси смыслы правоверия ради»* [12, I, с. 231].

Н.М. Карамзин пишет: «Я нашел в Синодальной библиотеке и сочинение Мефодиево, о коем здесь говорит Нестор, под заглавием: *Мефодия, Епископа Патарскаго, слово о царстве язык последних времен*» [29, II, прим.64]. Далее Николай Михайлович выписывает из этой рукописи места, на которые ссылается преподобный Нестор. И затем, на долгие десятилетия, выписки Н.И. Карамзина из этой рукописи обратились для нас в источник. Русский извод “Откровения Мефодия Патарского” (по двум редакциям) будет опубликован гораздо позже — в 1940-м году, в IV-м томе “Трудов” Отдела Древнерусской Литературы Пушкинского Дома. Уже после Великой Отечественной войны Д.С. Лихачев использует эту публикацию в своих комментариях на “Повесть Временных Лет”.

Есть, однако, мнение, и вполне резонное [83, § 275], что действительный автор “Откровения” — другой Мефодий. Этот Мефодий, также Отец и Учитель Церкви, патриарх Константинопольский в 842-846 (или в 843-847) гг.; он известен, между прочим, тем, что восстановил иконопочитание и учредил праздник Торжества Православия (память, по церковному календарю, 14 июня) [7, с. 213; 12, I, с. 223-224; 51, с. 435-436; 69, III, с. 223-224].

Но, как бы там ни было, опираясь на Мефодия, преподобный Нестор делает очень важную вещь: он вписывает этнокультурные сюжеты Нижней Оби в контекст всемирной истории, находит *народам неизвестным* место во всемирно-историческом процессе. Перелагая летописный текст на знакомую всем нам со студенческой скамьи терминологическую коллизию, можно сформулировать идею преподобного Нестора так: народы, пожалуй, могут быть (и часто бывают) *до-историческими*, но они не могут быть *вне-историческими* по определению; у каждой чуди есть свое место в истории.

Что же это за место в данном случае? И вот здесь летописец не просто ориентирует современную ему этнокультурную ситуацию на дальнем Северо-Востоке в контексте всемирной истории, но раскрывает присущий этой ситуации ярко выраженный духовный драматизм. Аборигены Нижней Оби — Югра, Самоядь и, прежде всего, некий безымянный этнос, *не разумети языку их* — принадлежат к числу народов, если можно так выразиться, *последнего часа*. Другими словами, эти народы пребывают втуне до поры и имеют выйти на историческую арену при конце времен, купно с прочими *погаными языками* — как некая *нона*, “девятое колено”. «Оу последняя же дни по сих осмии колен, иже изидут от пустыни Етревския, изидут си сквернии языци, яже суть в горах полунощных, по повеленью Божию» [62, стб. 226].

Внешний, событийный аспект заглавной темы лапидарно подытожил в середине 1920-х гг. один из наших специалистов по Северному Морскому Пути. «В Новгородских преданиях можно вычитать, что новгородцы уже в XI столетии ходили до Карского моря, из чего, если это верно, можно заключить, что в плаваньях их заключалась определенная торговая цель, которая могла вести их только к устьям Оби и Енисея, ибо никакого иного места они не могли искать через Карское море» [14, с. 192]. С несколько иным акцентом, но столь же скромно сделал это и Н.М. Карамзин: «Россияне в XI веке уже бывали за хребтом гор Уральских» [29, II, прим. 64].

В наше время В.Г. Мирзоев написал: «Первые походы знаменитых новгородских ушкуйников на север, в Печору и Югру, начались еще в XI в.» [43, с. 165]. Согласно В.И. Далю, *ошкуй* в архангелогородских говорах означает *морской, ледовитый, северный* [24, II, с. 779]. С другой стороны, *ушкуй*, или *ушкóл* — ладья, лодка. Это слово В.И. Даль иллюстрирует так: «*Новгородские ушкуйники, шайки удалцов*, пускались открыто на грабеж, и привозили добычу домой, как товар. *Идоша на них за Вятку ушкуйницы, разбойницы*, Летопис. *Ушкуйничать*, пускаться на грабеж шайками, на ушкуях» [24, IV, с. 529]. Таким образом, *ушкуйник* — это новгородский историко-культурный вариант к понятиям *рус*, *норманн*, *викинг*, *варяг*, т.е. морской или речной разбойник, пришедший с Севера (специально о том, что имена *рус*, *русь* — из этого же смыслового ряда, см. [42]).

Со временем *романтика большой дороги* Северного Морского Пути прочно закрепилась в местной исторической памяти. *Ушкуем*, *ушкуйником* поморы

нарекли белого медведя, а морской промысел стал ассоциироваться с разбоем. Охота на морского зверя, прежде всего — моржа и белуху, аттестовалась в архангельских говорах не иначе, как *разбойный промысел*. Соответственно, *разбойный морж* — это не буйный, опасный зверь, но промысловая добыча. Тот же, кто ходит на Шпицберген, Колгуев и Новую Землю, «из глубокой старины зовется разбойным человеком» [38, II, с.5-31], а его промысловый стан — это, понятное дело, *разбóище* [24, IV, с.14] (по аналогу с городищем, селищем, мольбищем и кладбищем). Соответственно, добыча промышленников — сало, шкуры и моржовая кость, которая массово торговалась на старых русских ярмарках от Пинеги до Чердыни — целокупно именовалась характерным словечком *разбóина* или *разбóйна*. В.А. Могильников наверняка знал все это с детства...

Гармоничным аккордом к вышеизложенному могут прозвучать сохранившиеся в нашей рукописной народной книжности рассказы о том, что новгородские ушкуйники, ходившие на Югру, уже в середине XI в. знали магнитный компас [4], темные известия о походе в Югорскую землю в 1030 г. некоего новгородского воеводы по имени Умбат [20, л.11об.] и тому подобное прочее. Возможно, какая-то часть рассказов этого пошиба и в самом деле легендарна; важно, однако, что такие легенды хорошо ложатся на реальный контекст тогдашних исторических сюжетов и не противоречат им.

Впрочем, что касается того же компаса, то нелишне припомнить, что еще в IX в. викинги пользовались, при плаваниях из Норвегии в Исландию, некими «кусочками магнитной руды» [33, с. 58]. Сверх того, археологическими находками подтверждено, что викинги, ходившие в X–XII вв. в районе Исландии, Гренландии и у берегов Северной Америки, действительно имели ручные навигационные приборы для определения широты [23, с.66]. А чем владели скандинавы, тем вполне могли владеть их ближайшие соседи по Северу и товарищи по ремеслу. Во всяком случае, когда в 1180-е гг. известный в британской истории инок монастыря св. Албания о. Александр Неккам, молочный брат Ричарда Львиное Сердце, писал о компасе, этот прибор уже не был чем-то необыкновенным. «Компас — это вещь обыденная, не являющаяся тайной» [цит. по: 33, с.88].

Но, конечно же, на помощь нашим путешественникам в первую очередь приходило знание звездного неба над головой и района плавания вокруг себя. Надежным средством северной навигации служили, в частности, взятые на борт «по несколько птиц хищных, которые к плаванию на воде не способны» [цит. по: 33, с. 53], о чем интересно рассказывал в свое время М.В. Ломоносов, и многое, многое другое...

Начало следующего, XII-го века отмечено в наших летописях еще одним примечательным известием; причем, дело и здесь начинается, как это принято у преподобного Нестора Летописца, издалека. В 1114 г. «заложена бысть Ладога камением, на приспе Павлом посадником, при князе Мьстиславе (наконец-то! А то Ладога издревле, уже несколько веков, стояла деревоземляная. — А.Ж.). Пришедшую ми в Ладогу, поведаша ми Ладожане, яко zde есть, егда будеть туча ве-

лика, находят (написано по соскобленному *бероут*; это же слово и в другой редакции летописи. — *А.Ж.*) дети наши глазки стекляныи, и малы и великыи, повертаны, а дрыя подле Волхов берут, еже выполоскывает вода. От них же взях боле ста, суть же различь, сему же ми ся дивлящую» [63, стб. 277].

Оказалось, что ладожане, а особенно их дети — народ любознательный, живо реагирующий на местные достопримечательности. В данном случае, предметом внимания стали так называемые *глазчатые* бусины, которые вымывались из культурного слоя Ладоги. Учитывая, что Ладога только как город существует с середины VIII в. [31, с. 9], *глазки стекляныи* здесь были, конечно же, в великом множестве — «древнейшее свидетельство об “археологических находках” на территории Руси» [61, II, с. 480], как окрестил этот летописный рассказ Д.С. Лихачев.

Примечателен и трогательный интерес, который преподобный Нестор проявил к ладожским находкам. Пожалуй, откровенною модернизацией будет признать эти *боле ста различь* бусин, взятых в Ладоге летописцем, за одну из первых наших археологических коллекций; однако, историографического внимания данное собрание, безусловно, заслуживает. Тем более, что тот же Нестор еще в 1091 г. создал и первое в нашей книжности описание археологических раскопок, выполненных им в ночь с 12 на 13 августа того года со специальной (правда, пока еще не научной) целью [62, стб. 209-211; 63, стб. 201-203].

Следует, однако, вернуться к рассказу о ладожских археологических ди-ковинах, ибо здесь вновь возникает Югра! Нестор, как он сам написал, *дивлящую*, и отзывчивые ладожане отреагировали на это весьма примечательно. «Рекоша ми: се не дивно, и суть и еще мужи (в другой редакции прибавлено: *оу нас*. — *А.Ж.*) старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощных странах спаде туча (в другой редакции прибавлено: *велика*. — *А.Ж.*), и в тои тучи спаде веверица (в данном случае — всякий вообще пушной зверь [61, II, с.287]. — *А.Ж.*) млада, акы топерво рожена, и възрастыши, и расходится по земли. И паки бывает другая туча, и спадают оленци мали в неи, и възрастают, и расходятся по земли. Сему же ми есть послух (так назывался у нас «свидетель, сам не выдавший дела, но слышавший о нем от других» [24, I, с. 461]. — *А.Ж.*) посадник Павел Ладожкыи и вси Ладожане» [63, стб. 277-278].

Что до падения зверя из туч, то в этом, на самом деле, нет ничего особенного. Битый пушной зверь действительно падает сверху (откуда же ему еще падать?); и сентенция охотничьей байки — *А зверя там... Пряма как из тучи валит* — легко могла обратиться в то, что мы видим в летописной статье. Да есть ведь и стародавнее расхожее присловье — *хоть камни с неба. Хоть камни с неба, а тетерев играть будет...*

Куда важнее в рассказе ладожан вводная: *от нас мужи старии* (т.е. с давних пор) *ходили за Югру и за Самоядь*, и там много чего *видивше сами на полунощных странах*. Т.е. налицо вполне сформировавшаяся историко-культурная традиция хождений в Югру, а значит — и традиция рассказов об этих хождении-

ях. Другими словами, к началу XII в. освоение Югры успело стать полноценной нормой исторической жизни, в данном случае — нормой исторической жизни уже не одного поколения ладожан.

Остался верен себе и преподобный Нестор. Беседуя с ладожанами, он вновь, как и два десятка лет назад, включает предмет беседы (здесь — ладожские и югорские диковины) в контекст книжной учености. «Аще ли кто сему веры не иметь, да почнеть фронографа» [63, стб. 278]. Далее следует пространное повествование о том, как, согласно «Еллинскому Летописцу», т.е. *фронографу*, в котором соединились хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы [61, II, с. 480], «тучи велиции» сыпят на землю пшеницу с водою, как «камни спадоша превелици», как «спадоша клеще с небес, нача ковати оружие, прежде бо того палицами и камением быяхуся», и много чего еще [63, стб. 278-279].

Здесь опять-таки все просто: речь идет о доступных тогдашнему книгочею казусах падения различных предметов из *нашедших туч*, а заодно — и о весьма любопытных штудиях по вселенскому язычеству (так, Гефест в этом повествовании отождествляется со Сварогом, а Гелиос — с Дажьбогом). Правда, особо глубоких философско-исторических выводов преподобный Нестор на сей раз не делает; однако, он вновь заключает как ладожские, так и югорские феномены в контекст тогдашней историографической традиции. Самое главное в таком понимании: по-прежнему все, что происходит и в Ладоге, и в Югре, есть органичная часть всемирной истории, органичная составляющая единого исторического процесса.

Преемники преподобного Нестора в деле летописания не обладали присущим ему историософским масштабом, а потому особо Нижней Обью не интересовались; им вполне хватало новостей из Печорской земли и Заволочья. Так что следующее, дошедшее до нас летописное известие о рейде в Югорскую землю относится уже к самому концу XII в.

История эта началась в 1187 г., когда в Пермской и Печорской землях, а также в Заволочье и Югре практически одновременно *избиты были* новгородцы, причем погибло около ста дружинников из первенствующих новгородских семейств [54, с. 439]. Реванш готовился долго, и лишь шесть лет спустя воевода Ядрей (диалектный вариант имени *Андрей*) возглавил поход новгородцев в Югорскую землю. Как писал А.-Х. Лерберг, «поход сей предпринят был для того, чтобы наказать Югров за участие, принятое ими в возмущении против Республики» [36, с. 49].

Экспедиция вышла крупномасштабной. В походе приняли участие около двухсот именитых мужей, а потому долгое отсутствие сведений о них повергло в беспокойство весь город, начиная с *набольших* лиц. «Печаловахуся, по выражению летописи, в Новгороде князь (Ярослав Владимирович. — А.Ж.), и владыка (архиепископ Мартирий (Рушанин). — А.Ж.), и весь Новгород» [54, с. 439].

Особого внимания в этой истории заслуживает дань, которую в конце XII в. брали с югров новгородцы — «сребро, и соболи, и ина узорочья»/цит. по:

48, с.68/. *Соболи* понятны без комментариев; а вот *узорочья* и *серебро*... Согласно В.И. Далю, *узб́орчье* (или *узорб́чье* – в новгородских, архангельских и вологодских говорах), в широком смысле — «диво, редкость, драгоценность»; а конкретнее, в более узком смысле — «дорогие, узб́орчные, разукрашенные вещи всякого рода; кованое, чеканное, обр́онное серебро и золото» [24, IV, с.480]. Прочие наши словари такому пониманию термина *узорочье* не противоречат [25, с. 753].

Что же это могло быть за Югорское *узорочье*, столь желанное новгородцам? Да, пожалуй, то же *серебро*, только вычурное. Все началось еще в VI–VII вв., когда на исторической арене появились славяне, магометане, несториане и монофизиты; и тогда же согдийские купцы, при посредстве хазар и болгар, проторили дорогу в Югорскую землю. Очень скоро стало ясно, что безотказный всеобщий эквивалент для аборигенов Севера — это золотые и серебряные (лучше позолоченные) сосуды; и чем круглее и крупнее будут эти сосуды, тем лучше. Годилась, впрочем, и скульптура (слоны, драконы, птицы), бутылки, кувшины и проч. — лишь бы все это было золотое и серебряное (в больших массах товара естественным образом проскакивало также медное и бронзовое), да покрупнее. Марко Поло еще и во 2-й половине XIII в. констатирует, относительно торговли с обитателями «темной страны» на крайнем Севере: «тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль» [1, с. 36].

Надобно сказать, что аборигены Югры не были в этом отношении оригинальны. К примеру, французы, придя во 2-й половине XIX в. в Габон, застали практически ту же ситуацию. Один из путешественников, описывая встречу с местным царьком по имени Макоко (это 1880-й год), отметил: «Многочисленные слуги разостлали перед моими тюками богатые ковры и львиную шкуру — королевский атрибут. Принесли также красивое медное блюдо португальской работы двух- или трехвековой давности, на которое Макоко должен был поставить свои ноги» [65, с. 366]. Так что, *узорочье* — оно и в Африке *узорочье*.

В результате, на протяжении тысячелетия в Югорскую землю шел мощный поток восточного художественного серебра (отчасти также — золота, меди и бронзы), которое целенаправленно собирали на просторах Центральной и Западной Азии; впервые пробившись еще в VI–VII вв., этот поток иссякнет лишь к XVI в. Однако, сегодня все, чем мы располагаем — это лишь ничтожные следы и остатки беспримерного по своим масштабам исторического феномена [74; 82]. Что ж, как говаривал А.С. Пушкин (имея в виду, правда, не археологов), *довольно с вас. У вас воображение в минуту дорисует остальное; оно у нас проворней живописца...*

Примечательно, что Юлий Помоний Лэт во 2-й половине XV в. (подробнее о нем см. ниже) писал о юграх, что «они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья. Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаи-

са» [1, с. 68]. Между тем, новгородцы, согласно нашей летописи, брали с югры, в качестве дани, именно *серебро*.

Разница же между *узорочьем* и *серебром*, которую проговаривает летописная статья, заключается, пожалуй, в том, что *серебро* — это металлические изделия, сравнительно скромно убитые немногими фигурами, узорами, надписями, либо же не убитые вообще. Это могло быть даже и золото — подобно сасанидскому сосуду III–IV вв., найденному во время Великой Отечественной войны где-то в Сибири. «Оформлен сосуд очень просто. Вся его орнаментация сводится к фигурке зверя, пальметке и кругу зерни у поддона» [72, с.40-41; 6, с. 6].

Это могли быть такие, к примеру, шедевры, как бронзовые чаши, гладкая и канеллированная, из курганов Архиерейской Заимки, близ Томска (Согд, VIII в.) [41; 75, с.318, табл. IV, 15], чаша золоченой бронзы из урочища Сайгатино близ Сургута (Хорасан, VIII–IX вв.) [18, № 21], или же четырехугольный поднос черненого серебра с р. Сыня — левый приток Оби против Куноватских юрт (Хорезм, XI в.) [74, № 60]. Это могло быть и серебро Поволжья — такое, как позолоченный ковш из Кодского Городка (Хазария, IX в.) [74, № 27], или же чеканное блюдо откуда-то из глубин Васюганья (Булгария, X в.) [74, № 32]. Это могло быть, наконец, и местное серебряное литье IX–XII вв., откровенно подражающее, с одной стороны, восточному импорту, а с другой — православным “змеевикам” [74, №№ 29-31; 76, рис.4; 86, табл. XXII].

Кстати, в Древнем Риме такую посуду ценили как образчик благородной стилистики и простоты. Плиний Младший описывает, в частности, «обед изысканный и, в то же время, умеренный, на чистом старинном серебре» [59, III, 1], т.е. на серебре стародавнем, но, при том, не чеканном, без рельефных изображений. Новгородцы XII в. вполне могли подражать в этом отношении римлянам.

А *узорочье* — это опять-таки *серебро*, но уже богато орнаментированное, изобилующее сложными композициями, историческими и мифологическими сюжетами, а то и вычурная серебряная скульптура. Примерами могут служить позолоченный дискос с крестом и предстоящими ангелами откуда-то из-под Березова (Сирия, VI в.) [74, № 25; 86, № 257], знаменитый серебряный слон с верховьев Северной Сосьвы (Согд, VII–VIII вв.) [9, с. 21–22], позолоченная голова Сенмурва из окрестностей Самарова (Согд, VIII в.) [74, № 26], несторианский дискос со сценой осады из Иисуса Навина, обнаруженный в 1985 г. в действующем капище на Сосьве (Семиречье, IX–X вв.) [19], позолоченный кувшин, найденный в поселке Барсово под Сургутом в 2006 г. (Византия, X–XI вв.) [30], или же бутылъ черненого серебра из Сосьвинского Городка (Тохаристан, XI в.) [74, № 62].

Ну а если все это действительно так, то и порядок исчисления дани, представленный в летописи, не случаен. Иерархия этого порядка очевидна: сначала названо сравнительно скромное *серебро*, затем более дорогие *соболи*, ну и уж под конец — самое ценное для новгородцев, *узорочье*. Стильная, однако, выходит

дань с аборигенов Югорской земли у тогдашних ушкуйников — собольи меха да археология, древнее серебро и *узорочье* из далеких восточных стран...

Другой важной особенностью похода 1193 г. стало участие в нем священнослужителя; имя его — Иоанн Леген (возможно, из немцев). Как справедливо замечает А.В. Оксенов, «вероятно, священник состоял при отряде не для отправления только церковных треб, но и для распространения христианской веры между покоренными туземцами, так как при вступлении в югорский городок воевода Ядрей прежде всего взял с собою упомянутого священника, может быть, с тою целью, чтобы избрать и освятить место для построения церкви в этом городке» [54, с. 443].

Однако, князь здешних мест оказался серьезным противником. Новгородцы потеряли тогда воеводу, священника, большую часть *мужей* и, в конце концов, вынуждены были ретироваться. Лишь в середине августа 1194 г. (*на Госпожсин день*, как сказано в летописи, т.е. на Успение Пресвятой Богородицы) остатки злополучного отряда возвратились в Новгород. Кстати, с этим походом мог быть как-то связан византийский серебряный позолоченный потир XII в. с процарапанной на дне снаружи русской надписью того же времени: «В ПОЛЪ ЧЕТВЪРТА ДЕСЯТЕ ГРИВЪНЪ» [49, с. 85; 74, № 67; 77, с. 270-272]. На этот потир, найденный где-то под Березовом в середине XIX в., особое внимание обращали и А.А. Спицын, и В.А. Могильников...

Для полноты впечатления можно отметить, что сын убиенного во Югре воеводы Ядрея, Добрыня Андреевич, пошел, в известном смысле, по стопам отца. Для того, чтобы сопровождать родителя в походе в Югорскую землю Добрыня, видимо, был еще мал; но зато чуть позже, в 1201 г., а также где-то во 2-й половине первых лет XIII в., он дважды посещает Константинополь. В результате, Добрыня оказался одним из очень немногих русских людей, кто сумел повидать столицу Империи как накануне захвата ее крестоносцами в 1204 г., так и вскоре после падения. Мало того, Добрыня не только привез из Константинополя множество православных реликвий, но и создал, по возвращении из первого путешествия, «Книгу Паломник» — отчет о паломничестве и описание святынь Города. Книга эта дошла до наших дней в нескольких редакциях, она хорошо известна исследователям как очень важный источник. К сожалению, издания этого замечательного *хóжения* на академическом уровне, с учетом сложившейся рукописной традиции, пока нет.

Примечательно, что на паломническом подвиге история Добрыни не завершилась. Где-то в 1208–1209 гг., т.е. по возвращении из Константинополя, он принимает иноческий постриг с именем Антоний в основанном как раз накануне Югорского похода, т.е. в 1192 г., Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре. Вскоре, в 1210 г. Антоний был хиротонисан во архиепископа Новгородского и Псковского. Пребывание Владыки Антония на Новгородской кафедре — долгое, богатое событиями, бурное и переменчивое, тяжело сказалось на его здоровье: весной 1228 г. Владыку разбил паралич. Святитель Антоний скончался

в пятницу 8 октября 1232 г., похоронен в Новгороде, в притворе Софийского собора. Как святой угодник, Владыка Антоний почитается местно, в соборе князей и святителей, погребенных в Святой Софии (10 февраля), в соборе Новгородских святых (3-я Неделя по Пятидесятнице), а персонально — по дню успения [39, I, с. 102-103; 50].

Так вот и получилось, что два поколения новгородцев, Андрей и Добрыня, обняли своими хожениями пространство тогдашней русской ойкумены — от Югорской земли до Царьграда. А мы, в свою очередь, соединяя отцовские и сыновние странствия на рубеже XII–XIII вв., получаем яркую, красочную картину мира наших предков — от моря Мраморного до моря Карского. Разумеется, мир, известный тогдашним людям, был значительно больше; но согласимся: картина эта — русский мир пред-монгольской эпохи промеж двух морей — выходит очень даже впечатляющей.

Возвращаясь к русским походам на север Западной Сибири и в его окрестности, приходится констатировать, что это, собственно, все. «С конца XII столетия до первой четверти XIV в. в летописях нет известий о походах новгородцев в Югорскую землю» [54, с.440]; ситуация несколько оживет лишь в эпоху преподобного Сергия Радонежского, с 1323 г. Правда, в договорных грамотах того времени (а крайние даты известных на сегодня грамот — это 1265-й и 1327-й годы) Югорская земля постоянно означается как волость Великого Новгорода. Другими словами, походы, истории которых мы вкратце коснулись, привели-таки к искомому результату: пределы Новгородской земли реально распространились до Нижней Оби включительно.

Кроме того, в контексте вышеизложенного по-новому начинает видеться не только исторический и археологический, но и соответствующий этнографический материал. В качестве примера можно привести историческую судьбу одного из женских головных уборов ныне благополучно здравствующих сибирских татар. Названий у этого головного убора много, история термина сложна; но, как показывает Е.Ю. Смирнова, в основе своей это название восходит к русскому понятию, обозначающему соответствующий изначальный головной убор — *сорока* [73, с. 68-69].

Рассмотренная как целое, история этого убора восходит к IX–XI вв. и представляет собой достаточно сложный путь от русских через финно-угров к татарам Заказанья, Закамья и Сибири. Исторически убор этот прослеживается в домусульманском комплексе, а этнографически — он никогда не носится мусульманками. Проще говоря, это специфически православный, кряшенский головной убор, внешний маркер конфессиональной принадлежности его владелицы.

Очевидно, что именно в таком головном уборе естественнее всего становиться на молитву, по крайней мере — по большим праздникам. Иначе говоря, *сорока* есть, в числе прочего, компонента женского мирского богослужебного облачения. Кстати, поскольку *сорока* встречается в погребениях, закономерно

использовать ее при рассмотрении вопроса о традиции погребения мирян в их богослужебных одеждах.

Здесь, однако, мы обратим внимание на несколько иное обстоятельство: распространение столь специфичного головного убора в местной этнокультурной среде может рассматриваться как одно из свидетельств раннего проникновения Православия в Предуралье и Западную Сибирь. Тем более, что Б.Н. Заходер указывает на христианские поселения в пределах Хазарии уже в середине VIII в. [28, с. 162]. — Это, кстати, не удивительно, ибо аланы, оказавшиеся затем в составе Хазарии, были крещены еще при императоре Юстиниане, если не ранее.

Еще на одно свидетельство такого рода — «кувшин с тем же орнаментом, что и в русских храмах XII в.» [58, с. 206], найденный в Лукоморье, т.е. на правом берегу Оби против устья Иртыша, указывает Г.И. Пелих. В этой же работе Галина Ивановна приводит несколько историко-этнографических параллелей, связующих север Западной Сибири, с одной стороны, и Южную Русь домонгольской эпохи, с другой. От себя могу добавить, что к этому кругу источников можно отнести и безголовцев с лицом на груди, а также Золотую Бабу, которые имеют четко выраженные корни в Нижнем Подонье и на Северном Кавказе, шире — вообще в южнорусском регионе.

Начну с безголовцев. О Нижне-Обских безголовцах с лицами на груди впервые заговорили где-то во 2-й половине XV в. [60]. Со временем, эти странные люди обратились в устойчивую мифологему нашего Севера, одну из его *визитных карточек* на уровне байки.

Однако, некоторое время спустя оказалось, что безголовцы с лицом на груди действительно существуют, правда — довольно далеко от Югры. В Приазовье и на Северном Кавказе были найдены каменные истуканы, чрезвычайно сутулые — настолько сутулые, что лица их переместились на грудину, а плечи поднялись заметно выше лиц. По единодушному мнению, публикаторов, изваяния эти восходят к эпохе бронзы [40] и раннего железа [5; 33]. При желании, тамошних болванов можно даже выстроить в своего рода типологический ряд; в этом ряду головы статуй будут постепенно, все глубже и глубже, втягиваться в плечи, покамест их лица и в самом деле не окажутся на груди [3, с. 345].

Кстати, бронзой и ранним железом дело, в данном случае, не ограничивается. Безголовцы с лицами на груди оказались в этих местах удачным решением; они понравились, получили широкое распространение в более поздних культурах. Известны, в частности, сербские православные надгробия XIX в., выполненные *по древним безголовым образцам* [81, с. 62].

Скорее всего, безголовцы с лицом на груди в столь различных климатических зонах, разнесенные на значительное расстояние и столь далекие друг от друга по времени, так и остались бы источниковедческим курьезом, одною из коренных общечеловеческих мифологем. В самом деле, тот же Геродот, описывая Ливию, рассказывает о неких безголовцах с глазами на груди. Примечатель-

но, кстати, что делает он это не в этнографической части своего описания, но в характеристике животного мира Африки.

«Здесь водятся огромные змеи, ужи, львы, слоны, медведи, рогатые ослы, люди с песьими головами, люди безголовые с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливияне), дикие мужчины и такие же женщины, и множество других обыкновенных животных» [64, с. 111]. Т.е., согласно Геродоту, есть и такие люди, которые не люди вовсе, но именно животные, и безголовцы с лицами на груди — в их числе. Это Геродот в переводе Юрия Константиновича Поплинского.

То же место в переводе Г.А. Стратановского выглядит несколько иначе. «Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи, ядовитые гадюки, рогатые ослы, люди-песьеглавцы и совсем безголовые, звери с глазами на груди (так по крайней мере рассказывают ливийцы), затем — дикие мужчины и женщины и еще много других уже не сказочных животных» [21, IV, 191]. В комментариях Г.А. Стратановский прибавляет, что он и сам видел странных людей Геродота. «Песьеглавцы и безголовые люди изображены на наскальных рисунках; вероятно, демоны» [21, с. 524].

А вот позднейшие античные авторы, в отличие от Геродота и Г.А. Стратановского, признают африканских безголовцев уже людьми собственно, как таковыми, более того — причисляют их к этнографически конкретному племени блеммиев. «Помпоний Мела и Плиний помещают блеммиев у южной границы Ливии и, пользуясь общим сказочно-мифологическим источником, описывают их как странных людей без голов, с глазами и ртами, расположенными на груди. Та же мифологическая традиция продолжается у Солина, Марциала Капеллы, Исидора и других авторов, рассказывающих о безголовых блеммиях» [64, с.271].

Так что, мало ли в каких уголках нашего глобуса, с какими временными, историко-культурными и этнокультурными разрывами может идти фактически идентичный материал! Формальное тождество, как известно, не доказательство, и лицо на груди — оно и в Африке лицо на груди. Но — если бы не одно “но”.

Когда, при знакомстве с достопримечательностями Югры, дело дошло до Золотой Бабы, то выяснилось, что история этого болвана восходит к эпохе Великого Переселения Народов. «Угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Аларихом. “На обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, привезенные из Рима, которым поклоняется, как божествам”» [1, с. 70].

Так говорил в своих лекциях Юлий Помпоний Лэт (1425–1498) — один из лидеров первого поколения итальянских гуманистов, основатель Римской Академии — одного из первых по времени обществ, имевших целью изучение древностей. Путешествуя в 1479–1480 гг., Ю.П. Лэт добрался до Таны, генуэзской колонии в устье Дона. Здесь он собирал различного рода историко-этнографическую информацию и, между прочим, такую: «Вблизи берегов Ледо-

витого Океана живут лесные люди, называемые югры; это несомненно скифы, очень отдаленные от остальных людей <...> Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса» [1, с. 68].

Последняя реплика заслуживает особого внимания. Ибо с давних времен считалось, что Танаис берет начало далеко на севере, у берегов Гиперборейского океана (он же Сарматский океан) и, собственно, как писал в начале V в. историк Павел Орозий, «Рифейские горы, протянувшиеся от Сарматского океана, изливают реку Танаис» [55, I, 2, 4]. Помоний Лэт, конечно же, знал эту античную традицию.

Следует оговориться, что *казус истоков Танаиса*, порожденный древними, понятен и объясним. Дон, прежде впадения в Азовское море, течет откуда-то издалека, с северо-востока. Если же, поднимаясь по Дону, не сворачивать на запад, но перебраться на Волгу (а при наибольшем сближения между этими реками не более 60-ти верст), то, поднимаясь далее и войдя в Каму, скоро и вправду окажешься в Пермской земле, т.е. в Предуралье.

С Дона же на Волгу и обратно переправлялись, что называется, всегда; во всяком случае, ранние письменные свидетельства об этом восходят к началу X в. Во времена преподобного Сергия Радонежского, т.е. во 2-й половине XIV в. итальянские пираты ходили с Дона на Волгу, разбойничали там; Помоний наверняка слышал рассказы об этих походах. Издавна предпринимались и попытки прорыть канал, соединяющий эти реки.

Но и в отсутствие канала народ, приобвыкший к стародавнему речному и морскому ходу, переволоку за препятствие не считал; еще в 1-й половине XIX в. с Волги на Дон перегоняли, не разбирая, целые суда [34, с. 28-29]. Таким образом, «люди, живущие у истоков Танаиса» [1, с. 68], в понимании Помония Лэта — это те, кто обитает «близ областей севера, от реки Танаис, там, где Рифейские горы» [55, I, 2, 4]. И, судя по всему, собеседники Помония, местные жители, не спешили разубедить его...

Иначе говоря, и ниже-обская Золотая Баба оказывается “родом” откуда-то оттуда, откуда ниже-обские безголовцы с лицом на груди. А согласно Г.И. Пелих, “родом” оттуда не только они... Кстати, *Золотую Бабу* давно уже можно почитать, в известном смысле, найденной, причем — не один раз. К примеру, в 1890 г. томский археолог С.К. Кузнецов писал о находке «предметов несомненно греческого происхождения: года 2 назад, при рытье канавы близ селения Демьянского на Иртыше, почти под 60° сев. широты, найдено было больше десятка бронзовых зеркал с отчетливо исполненными рельефно изображениями фантастических животных, и серебряная, прекрасной работы, статуэтка Дианы. Все эти вещи хранятся теперь в Тобольском музее» [35, с. 228]. *Диана в зеркалах китайских* — чем не *Золотая Баба* ниже-обской мифологии?

Да и вообще, истуканы (если не металлические, то каменные) проникали далеко на Север. «В 1938 году заместитель председателя Ямальского Райисполкома сообщил, что несколько лет тому назад, будучи на севере Ямальского по-

луострова в служебной командировке, он встретил там каменное изображение в виде человека. Изображение выветрилось, черты лица значительно сгладились. Статую, как редкую находку, он сфотографировал и фотографию приложил к отчету о командировке на имя Облисполкома. Эта находка свидетельствует о далеком проникновении каменных изваяний на Крайний Север. К сожалению, фотографией изваяния нам не удалось воспользоваться для настоящей статьи» [56, л. 51].

Так что, Галина Ивановна Пелих, вполне возможно, права, и стародавние культурные контакты между Северным Причерноморьем (Южной Русью, и даже до возникновения Руси) и Западной Сибирью, что называется, *по диагонали*, действительно имели место быть. Не случайно тот же Павел Орозий пишет, что Танаис течет не просто с Рифейских гор, но «мимо алтарей и межей Александра Великого» [55, I, 2, 5]. Правда, когда состоялись контакты между обитателями столь отдаленных областей, в какой форме и в каком контексте совершались эти контакты – это уже другой вопрос...

Выводы свои по столь важной проблеме В.А. Могильников формулирует осторожно. Так, он признает «вероятность проживания отдельных представителей или небольших групп русских людей в среде аборигенов Нижнего Обь-Иртышья с XII–XIII вв.» [49, с. 87]. И чуть ниже: «проникавшие в среду обско-угорского населения и селившиеся вместе с ним выходцы из Древней Руси, вероятно, организовывали здесь торговые фактории» [49, с. 87]. Что особо примечательно, «двигавшиеся через Вычегду и Печору русские начинают селиться раньше в Нижнем Обь-Иртышье, чем в Верхнем Прикамье, о чем свидетельствует бóльшая древность зауральских находок русской керамики в сравнении с прикамскими» [49, с. 89].

Здесь можно добавить, что следствием раннего русского присутствия в Югорской земле было не только «установление торговых отношений» [49, с. 87], но и начало просвещения ее. Кроме того, информация, полученная из Югорской земли уже в первое столетие по крещению Руси, оказалась достаточной не только для того, чтобы оценивать население Нижней Оби в этнокультурном отношении, но и для того, чтобы надежно заключить обитающие здесь народы в контекст всемирной истории — как мы видим это у преподобного Нестора Летописца.

Следует подчеркнуть, что разработанная В.А. Могильниковым хронология *русских* памятников на севере Западной Сибири, в общем, коррелируется с той событийной динамикой, которую мы видим в письменных источниках. А именно, основная масса русских *следов и остатков* на археологических памятниках датируется XI–XIII вв.; со 2-й половины XIII в. их количество заметно уменьшается, хотя они и не исчезают совсем. Показательно в этом отношении городище Уки-II; здесь вполне красноречивым комплексом идет русская керамика XIII–XIV вв., железные кресала XIII–XV вв., ножи, украшения, игольник, а также идентичные новгородским железные сверло, резец от токарного станка,

накладка от запора шкатулки, пробой, скобы. Нелишне присовокупить сюда и упомянутый выше медный тельник с этого же памятника [49, с. 77-78, 87].

Так что, «судя по набору вещей, наиболее активные контакты населения севера Западной Сибири с древнерусскими землями приходятся на XII – первую половину XIII вв., т.е. на предмонгольское время» [48, с. 69]. И, как следствие, дальнейшая «судьба первых русских поселенцев в лесном Обь-Иртышье остается пока неизвестной. Их малочисленность и проживание на одних поселках с местным населением привели к тому, что они, по-видимому, в основном смешались с аборигенами. В то же время, начавшееся в начале II тысячелетия, еще в домонгольское время, проникновение русских в Югру и контакты последующего периода обусловили первоначальное знакомство русских людей с Сибирью и начало освоения ими этого края» [49, с. 89].

Основная причина снижения интенсивности русского наступления на север Западной Сибири, скорее всего — в глобальном ужесточении климата; не случайно применительно к XIV в. в нашем полушарии специалисты говорят о начале *малого ледникового периода* [92]. Хрестоматийный пример — известная история о том, как в XIV–XV вв. погибли, не выдержав долгой жизни в окружении аборигенов и наступления ледникового щита, норвежские колонии в Гренландии [32, с. 23].

Разумеется, в Югорской земле все было далеко не так трагично; но вот дорога сюда действительно стала многократно труднее. Во всяком случае, с XIII-го века потомки викингов прочно забывают о морских путешествиях в русскую Арктику. Заново открывать наш Север им придется, начиная с XVI-го века, в уже кардинально изменившихся как природном, так и историко-культурном контекстах. История Р. Ченслера, С. Бэрроу, Х. Виллоуби, В. Баренца, Г. Гудзона — это будет уже совсем другая история, нежели история Стурлауга Трудольфового, Фритьофа Прекрасного, Торира Собаки ...

Ну и, конечно же, постоянно действующим фактором для Новгорода становится тогда угроза с Запада. Достаточно вспомнить, что время с середины XII в. (Ладожскую крепость одели камнем как раз вовремя!) по середину XIV в. — это эпоха шведско-германских крестовых походов на православную Русь [90; 91]. Так что, по совокупности резонов, Югорская земля где-то с XIII-го века, при всей любви новгородцев к *серебру, соболям и узорочью*, отходит для них на второй план.

Дальнейшее развитие заглавной темы, т.е. развитие ее глубже, чем это сделал В.А. Могильников, возможно лишь посредством расширения источниковой базы, и прежде всего — за счет археологической составляющей. Рассчитывать на открытие новых, сколько-нибудь значимых письменных источников в этой области уже не приходится; источники же этнографические, сколь бы сильное впечатление они ни производили, всегда будут иметь в данной проблематике, по определению, лишь косвенное значение. Так что, применительно к исто-

рии раннего русского присутствия на Нижней Оби, очень даже уместна перифраза одного замечательного художника XX-го века: *археолог – копай!*

** Статья издается в авторской редакции, орфография, пунктуация и стиль изложения сохранены*

Библиографический список

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. т.I. XIII-XVII вв. Иркутск, Крайгиз, 1932, LX + 368с.
2. Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода. //Советская Археология, 1980, № 4, с.284-287.
3. Археология СССР. [т.X]. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука, 1989, 434 с.
4. Афанасьев М. Как появился компас на Руси? //Техника – Молодежи, 1977, № 10, с.61.
5. Багаев М.Х., Ольховский В.С. Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия). //Советская Археология, 1989, № 4, с.261-267.
6. Бадер О.Н., Смирнов А.П. “Серебро Закамское” первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. //Труды Государственного Исторического Музея. Памятники культуры.в. XIII. М., Госкультпросветиздат, 1954, 25с.
7. Балакин Ю.В. Христианские писатели II-XV веков (Византия и латинский Запад). Словарь-справочник. Омск, изд-во Омского государственного университета, 2006, 485с.
8. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География первоначальной летописи. Варшава, 1873.
9. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004, 158с.
10. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. //Бахрушин С.В. Научные труды. т.III. М., Наука, 1955, с.13-160.
11. Белавин А.М., Крыласова Н.В. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X-XI вв. //Поволжская Археология, 2017, № 1, с.284-297.
12. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. ч.I. М., 1993, 1773с. (репринт изд. 1913 г.).
13. фон Бушен А.Б. Опыт исследования о древней Югре. //Вестник Императорского Русского Географического Общества. ч.XIV. СПб., 1855, с.167-190.
14. Васильев В.Н. Северный Морской Путь (краткий исторический очерк). //Сибирские Огни, Новониколаевск, 1924, № 5, ноябрь-декабрь, с.190-212.
15. Вениамин, архм. (Смирнов). Самоеды Мезенские. //Вестник Императорского Русского Географического Общества. ч.XIV. СПб., 1855, с.77-140.
16. Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X – XIII вв. н.э. //Ученые записки Пермского государственного университета. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. в. IV. Пермь, 1968, с.240-256.

17. Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1994, 206с.
18. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л., 1991, 42с.
19. Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья. //Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии, 1988, № 3, в.1, с.39-48.
20. Герасимов В.Н. Отчет об археологических раскопках, произведенных с разрешения Императорской Археологической Комиссии священником село-Щекуринской Богоявленской церкви, Березовского округа Тобольской губернии, Василием Герасимовым в районе Щекуринского прихода на Ляпинском городище в августе 1897 года. //Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области, ф.417, оп.1, д.544, л.11-16об.
21. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Под общей редакцией С.Л. Утченко. Редактор перевода Н.А Мещерский. Л., Наука, 1972, 600с.
22. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., Наука, 1996, 240с.
23. Гуляев В.И. «Следы викингов» в Америке. //Наука и Жизнь, 2016, № 8, с.62-71.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. т.I-IV. М., 1955 (репринт 2-го изд.: СПб., -М., 1882).
25. Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993, 1120с. (репринт изд. 1900 г.).
26. Жук А.В. Русские на севере Западной Сибири в X-XIII вв. (в свете изысканий В.А. Могильникова). //Вопросы истории Сибири. в.9. Сборник научных статей памяти В.А. Могильникова. Омск, 2014, с.43-61.
27. Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, III+563с.
28. Заходер Б.Н. Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М., изд-во Восточной литературы, 1962, 279с.
29. Карамзин Н.М. История Государства Российского. т.I-XII. СПб., 1892.
30. Карачаров К.Г. Византийский кувшин из окрестностей Сургута. //Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург – Сургут, Уральское изд-во, 2008, с.56-91.
31. Кирпичников А.Н. Старая Ладога в первые века русской истории. Некоторые итоги историко-археологического изучения. //Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., изд-во Государственного Эрмитажа, 2002, с.9-15.
32. Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. //Советская Археология, 1972, № 4, с.19-27.
33. Краснов В.Н. История навигационной техники. Зарождение и развитие технических средств кораблевождения. М., Наука, 2001, 311с.
34. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. //Записки Всесоюзного Географического Общества. Новая серия. т.2. М., 1948, 163с.

35. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года. //Труды Томского Общества Естествоиспытателей. год 1. Томск, 1890, с.153-230.
36. Лерберг А.-Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1819, LVII + 367с. + карты.
37. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики. //Российская Археология, 1992, № 2, с.41-56.
38. Максимов С.В. Избранные произведения. т.I-II. М., Художественная литература, 1987, 447 + 495с.
39. Мануил, мтрп. (Лемешевский). Русские Православные Иерархи. 992 – 1892. т.I-III. М., издание Сретенского монастыря, 2002.
40. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. //Советская Археология, 1964, № 1, с.158-164.
41. Маршак Б.И. Материалы по среднеазиатской тореvтике. //Советская Археология, 1976, № 1, с.227-240.
42. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название “русь” в этнокультурной истории древнерусского государства (IX-X вв.). //Вопросы Истории, 1989, № 8, с.24-38.
43. Мирзоев В.Г. Первые русские литературные известия о Сибири. //Ученые Записки Кемеровского государственного педагогического института. в.4. Кемерово, 1961, с.165-175.
44. Михаил, архп. (Чуб). Святой священномученик Мефодий и его богословие. //Богословские Труды. сб.10. М., 1972, с.7-58; сб.11. М., 1973, с.5-54.
45. Михаил, архп. (Чуб). “Пир десяти дев” священномученика Мефодия. //Журнал Московской Патриархии, 1974, № 9, с.67-78.
46. Михайлов В.Д. Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье. //Советская Археология, 1985, № 2, с.228-232.
47. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. //Археология СССР. [т.XVII]. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., Наука, 1987, с.163-235.
48. Могильников В.А. Торгово-обменные контакты населения лесного Обь-Иртышья с соседями и Русью в X – XII вв. //Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988, с.64-73.
49. Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. //Проблемы археологии Евразии. М., Наука, 1991, с.57-105.
50. Назаренко А.В. Антоний (Добрыня Ядрейкович; + 8.10.1232). //Православная Энциклопедия. т. II. М., 2001, с.600-601.
51. Настольная книга священнослужителя. т.3. М., 1979, 800с.
52. Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач. //Российская Археология, 1996, № 2, с.198-206.
53. Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., Наука, 1991, 124с.
54. Оксенов А.В. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири). //Литературный Сборник.

Издание редакции “Восточного Обозрения”. Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. Редактор Н.М. Ядринцев. СПб., 1885, с.425-445.

55. Павел Орозий. История против язычников. Перевод с латинского, вступительная статья, комментарий, список сокращений и указатель В.М. Тюленева. СПб. Изд-во Олега Абышко, 2009, 544с.

56. Палашенков А.Ф. Материалы о древних каменных изваяниях (каменных бабах) Сибири и Омской области. Омск, 1941. //Государственный архив Омской области, ф.2200, оп.1, д.250, 82л.

57. Панова Т.Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X – XIV вв. //Советская Археология, 1989, № 2, с.88-96.

58. Пелих Г.И. К вопросу о возможностях сибирской этнографии. //Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. т. II. Новосибирск, 1995, с.206-207.

59. Письма Плиния Младшего. Книги I-X. Издание подготовили М.Е. Сергеев, А.И. Доватур. 2-е перераб. изд. М., Наука, 1983, 407с.

60. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.-Ньютонвилль, Археографический Центр, 1993, 157с.

61. Повесть Временных Лет. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева. ч.I-II. М.-Л., изд-во АН СССР, 1950.

62. Полное собрание русских летописей. т.I. Лаврентьевская летопись. М., Языки русской культуры, 1997.

63. Полное собрание русских летописей. т.II. Ипатьевская летопись. М., Языки русской культуры, 1998.

64. Поплинский Ю.К. Античные источники по истории и этнографии Африки: монографическое исследование грекоязычных источников. СПб., Наука, 2009, 416с.

65. Саворньян де Бразза П. Экспедиции в Экваториальную Африку 1875-1882. Документы и материалы. Пер. с фр., комментарии и научные статьи И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной. М., издательский дом Высшей школы экономики, 2012, 501с.

66. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., URSS, 2005, 1008с.

67. Салымский край. Екатеринбург, Тезис, 2000, 341с.

68. Семенова В.И. Импорт и местные подражания ему в контексте этнических связей нижнеобского населения (конец I – середина II тыс. н.э.). //Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. т.II. Новосибирск, 1995, с.42-44.

69. Сергей, архп. (Спаский). Полный Месяцеслов Востока. т.I-III. М., 1997 (репринт изд.: Владимир, 1901).

70. Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907, IX + 199с.

71. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) в десяти томах. М., Русский Язык, 1988 прод.

72. Смирнов А.П. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области. //Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. в.XIV. М.-Л., 1947, с.40-48

73. Смирнова Е.Ю. О происхождении и развитии одного из головных уборов сибирских татарок. //Россия и Восток: традиционная культура. Омск, 1997, с.65-70.
74. Сокровища Приобья. СПб., Формика, 1996, 227с.
75. Спицын А.А. Материалы по доисторической археологии России. Раскопки С.К. Кузнецова. //Записки Императорского Русского Археологического Общества. т.XI. в.1-2. СПб., 1899, с.316-323.
76. Спицын А.А. Шаманские изображения. //Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества. т.VIII. в.1. СПб., 1906, с.29-145.
77. Спицын А.А. Из коллекций Императорского Эрмитажа. VIII. Две серебряные чаши. //Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества. т.VIII. в.1. СПб., 1906, с.270-274.
78. Спицын А.А. Несколько статуэток. //Известия Императорской Археологической Комиссии. в.53. Пг., 1914, с.124-134.
79. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., Наука, 1979, 463с.
80. Толстой, гр. И.И. О русских амулетах, называемых Змеевиками. //Записки Императорского Русского Археологического Общества. т. III. в.3-4. СПб., 1888, с.363-413.
81. Толстой Н.И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов. //Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л. Наука., 1990, с.47-67.
82. Федорова Н.В. Импортное серебро в Западной Сибири. //Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., Наука, 1985, с.125-133.
83. Филарет, архп. (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви. М., 1996 (репринт изд.: т.I-III. СПб., 1882).
84. Фишер И.Е. Сибирская История с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774, 631с.
85. Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач. //Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990, с.120-135.
86. Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб., ГЭ, 1998, 232с.
87. Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой Горе. //Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург – Сургут, Уральское изд-во, 2008, с.28-43.
88. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. //Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М., изд-во АН СССР, 1957, с.136-245.
89. Шаповалов Г.И. Вотивные якоря из Черного моря. //Советская Археология, 1990, № 3, с.259-260.
90. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., Наука, 1978, 245с.
91. Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., Наука, 1987, 175с.
92. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. //Записки Географического Общества СССР. т.16. М.-Л., 1957, с.268-272.

93. Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. М., ОГИ, 2009, 496с.

94. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. Сургут, Северный Дом, 1993, 463с.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Митрошин Е.Н. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ	4
Батуева Н.С., Лычагина Е.Л., Жукова О.В. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЧИРВА II	10
Демаков Д.А. ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ	20
Малых О.О. ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ МЕЧЕЙ В ПЕРМСКОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.....	26
Брюхова Н.Г. , Лычагина Е.Л. СООРУЖЕНИЕ ДЛЯ ДОБЫЧИ ЖЕЛЕЗА НА СЕЛИЩЕ ТЕЛЯЧИЙ БРОД I (по итогам раскопок 2017 г.).....	37
Крыласова Н.Б. КОНЬ И ЭЛЕМЕНТЫ КОНСКОЙ СБРУИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ	44
Подосенова Ю.А. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО РЕМЕСЛА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	55
Данич А.В. УКРАШЕНИЯ РУК (БРАСЛЕТЫ) ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ).....	65
Сарапулов А.Н. ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ	75
Смертин А.Р., Брюхова Н.Г. ПЛОТНИЦКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	80
Моряхина К.В., Сарапулов А.Н. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ПЕРМСКОЙ ЧУДИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	90
Вострокнутов А.В., Шмуратко Д.В. ТУЙСКО-ПОЛУДЕНСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГРУППА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ V – VII ВВ. Н.Э. В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ	101
Каракулова А.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА КРИВОЩЕКОВА (конец XIX – начало XX вв.).....	110

ЭТНОГРАФИЯ

Каменских М.С. УКРАИНЦЫ ПРИКАМЬЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	119
Голева Т. Г. ПОЧИТАНИЕ КОМИ-ПЕРМЯКАМИ РОДНИКА ТАРКОМЫС	125
Черных А.В. ТРАДИЦИОННАЯ ТЮБЕТЕЙКА ПЕРМСКИХ БАШКИР И ТАТАР: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛА ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И ОРНАМЕНТАЦИИ ТЮБЕТЕЕК В ТУЛВИНСКОМ ПОРЕЧЬЕ	133
Вайман Д.И. ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ НЕМЦЕВ УРАЛА	142

IN MEMORIA

Жук А.В. РУССКИЕ ЛЮДИ В ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ X–XIII вв. (к 85-летию В.А. Могильникова)	148
--	-----

Научное издание

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XIII**

Сборник научных трудов

На обложке – медальон, погребение №7 Плотниковского могильника, свинцово-оловянистый сплав

Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)
Крыласова Наталья Борисовна
Лычагина Евгения Леонидовна
Подосенова Юлия Александровна
Сарапулов Алексей Николаевич (отв. редактор выпуска)

Издается в авторской редакции.

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
"О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию", книга предназначена "для детей старше 16 лет"

ИБ № 842

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 0902 от 07.03.2014

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 29.12.2017. Формат 60х90 1/8

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 22,2. Уч.-изд. л. 22,0.

Тираж 150 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 238-63-12, факс (342) 212-70-19

Отпечатано с готового оригинал-макета

